

С. Ф. ОДУЕВ

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ НИЦШЕАНСТВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВПШ и АОН при ЦК КПСС
МОСКВА 1959**

С. Ф. ОДУЕВ

РЕАКЦИОННАЯ
СУЩНОСТЬ
НИЦШЕАНСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послевоенные годы в Западной Германии и некоторых других капиталистических странах книжный рынок усиленно наводняется печатной продукцией, посвященной философии Фридриха Ницше и его личности.

Обилие панегирической литературы о Ницше весьма симптоматично. Оно свидетельствует о том, что ницшеанство, которое идеологи германского империализма всегда охотно использовали для обоснования политики захватов и грабежа, ныне вновь воскрешено и принято на вооружение. Маневры по реабилитации Ницше, несомненно, тесно связаны с проводимым правящими кругами Федеративной Республики Германии курсом на открытую поддержку милитаризма и возрождение фашизма. Превращая Западную Германию в арсенал новой войны, вдохновители этого курса нуждаются в идеологии, которая помогла бы разжечь реваншистские настроения в широкой массе немцев, отравить их сознание проповедями о необходимости и неизбежности новой «борьбы за власть», за «жизненное пространство», за европейскую и, наконец, мировую гегемонию. Здесь ницшеанство призвано сыграть немаловажную роль.

Воздействие Ницше на духовную жизнь немецкого бюргерства XX столетия, как отмечал Отто Гротеволь, было более глубоким и пагубным, чем влияние какого-либо другого идеолога немецкой реакции. Ницшеанство являлось неофициальным идейным знаменем германского империализма. Уже в конце прошлого века оно было подхвачено пангерманистами и прочно заняло место в идейном арсенале борьбы за «великую Германию». После поражения Германии в первой мировой войне немецкая реакция снова обратила свои взоры к Ницше. С приходом к власти Гитлера и его клики ницшеанство стало важным фактором не только духовной, но и политической жизни фашистского рейха: объявив себя наследни-

ком Ницше, фашизм начал непосредственное практическое осуществление ницшевских идей в своей государственной политике. «После ужасных событий нацизма, — говорил О. Гротеволь, характеризуя трагические итоги этой политики, — нам, пережившим все это, основные понятия его (Ницше. — С. О.) философии кажутся не чисто духовными понятиями; мы должны их оценивать как социальные и политические понятия, вызвавшие страшные последствия в экономической и политической областях»¹.

На возможные опасные последствия ницшеанства в духовной, идейной и политической областях указывал еще Франц Меринг. Его перу принадлежит ряд специальных статей по философии Ницше: «О философии капитализма», «Ницше против социализма», «Ницше и натурализм» и другие, которые и ныне полностью сохраняют свое принципиальное значение и актуальность². Это тем более необходимо подчеркнуть, так как исследования о Ницше, написанные с позиций марксизма, весьма немногочисленны и посвящены главным образом выяснению связи ницшеанства с идеологией и политикой фашизма³.

¹ Сборник: О. Grotewohl. Deutsche Kulturpolitik. Dresden, 1952, S. 3.

² См сборник: F. Mehring. Friedrich Nietzsche. Berlin, 1957. Русский перевод статьи «Ницше против социализма» опубликован в сборнике Ф. Меринга «На страже марксизма» (Госиздат, 1927), статьи «Ницше и натурализм» — во втором томе «Литературно-критических статей» Ф. Меринга (изд. «Академия», 1934).

³ Среди такого рода работ необходимо отметить следующие: Б. Бернадинер. Философия Ницше и фашизм. Соцэкгиз, 1934; Б. Быховский. Ницше и фашизм (статья в журнале «Под знаменем марксизма» № 8—9 за 1942 г.); Б. Быховский. Фельдфебели в Вольтерах. Госполитиздат, 1943; Л. Кайт. Ницшеанство и фашизм (статья в журнале «Под знаменем марксизма» № 5 за 1938 г.); И. Лежнев. Пророк империализма (статья в журнале «Знамя» № 4 за 1945 г.). Общая характеристика философии Ницше дается в статье Г. В. Плеханова «О так называемых религиозных исканиях в России» (Соч., т. XVII), а также в статье В. Пика «За обновление немецкой культуры» (опубликована в сборнике: «Unsere kulturpolitische Sendung». Berlin, 1946), в статьях О. Гротеволья: «Духовная ситуация современности и марксизм», «Народ и культура», «Наковальня или молот» (опубликованы в сборнике: «Deutsche Kulturpolitik») и в других статьях и выступлениях руководящих деятелей СЕПГ.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающее изложение философских взглядов Ницше. В ней дается критическое рассмотрение ницшеанства преимущественно с точки зрения основных социологических проблем, которые Ницше выдвигал в своем мифотворчестве и которые продолжают приковывать к нему внимание многих теоретиков империализма, примыкающих к различным философским течениям нашего времени.

Социология является центральным звеном философских интересов Ницше. Вместе с тем социология представляет собой ту область философии, где наиболее остро перекрещиваются классовые интересы различных ее представителей. Теоретики эксплуататорских классов охотно афишируют свою мнимую беспристрастность и беспартийность, но, как только они вступают в область социологии, занавес псевдообъективности падает и теоретик является таким, каков он есть по своей классовой природе. Вот почему кажущееся различие теоретических основ многочисленных «западных» школ и школок в социологии меньше бросается в глаза, чем в спекулятивной, умозрительной философии. Это в равной мере относится и к ницшеанству. Многие буржуазные философы, не разделяющие или целиком отвергающие ницшеанство как философскую систему, оказываются в близком идейно-теоретическом родстве с ним. Их объединяет не только общность мировоззренческих «принципов», но и методологические приемы апологии империализма. Искусственные теоретические конструкции, формулы и схемы, вымышленные Ницше в интересах оправдания и освящения империалистического рабства, можно встретить у философов и социологов, далеких от ортодоксального ницшеанства.

Чтобы показать, что влияние ницшеанства выходит за пределы какой-либо одной официальной философской школы, автор для иллюстраций берет философов и социологов, принадлежащих к различным направлениям, обращая при этом главное внимание не столько на «различие» исходных теоретических положений, сколько на конечные выводы, вытекающие из них в области социологии. Следует оговориться, что автор далек от мысли зачислить всех называемых им в данной связи буржуазных теоретиков в ряды учеников и непосредственных продолжателей Ницше или подчеркнуть тем самым ис-

ключительную «универсальность» его воздействия на современную буржуазную философию. Очищая ницшеанство от пышной поэтической оболочки, изысканной догматики и софистики, псевдореволюционной фразеологии, демагогической эмоциональной напряженности и других его атрибутов, автор пытается подтвердить тот неоспоримый, на его взгляд, факт, что ницшеанство есть иллюзорное теоретическое предвосхищение и освящение политики и практики монополистической буржуазии, что ее теоретические оруженосцы объективно вынуждены вращаться в узком кругу идей, выдвинутых на заре империализма Фридрихом Ницше, повторять и варьировать некоторые вымышленные им формулы и схемы, которые не отличаются оригинальностью, но могут служить удобным прикрытием косвенной апологетики всемогущества и произвола обреченного на гибель класса.

АПОЛОГИЯ НИЦШЕАНСТВА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Философия Ницше сложилась в 70—80-х годах прошлого столетия, в ту переходную эпоху, когда появились первые признаки упадка и загнивания капиталистического способа производства, когда по многим линиям стали обнаруживаться ростки будущего, монополистического капитализма. Ницше одним из первых среди буржуазных философов почувствовал этот процесс. Он ясно увидел разложение буржуазного общества, растущую мощь демократического и социалистического движения трудящихся, понял, откуда грозит капитализму главная опасность и против кого нужно сосредоточить огонь борьбы. Он видел также неспособность либеральной буржуазии приостановить распад «западной цивилизации», предотвратить крушение капиталистического строя и все свои надежды на будущее связывал с нарождающейся финансовой аристократией, в лице которой он приветствовал «новых господ земли». В своих произведениях Ницше с обнаженной откровенностью и цинизмом выразил мысли и устремления поднимающейся монополистической буржуазии, потребовал «переоценки» старого идейного арсенала, чтобы наметившийся поворот не застал «новых господ земли» врасплох; он сумел выделить основные проблемы, которым нужно подчинить идейно-теоретическую борьбу «новых философов», сформулировал требования, предъявляемые к ним в изменившихся исторических условиях.

Ницше не имел ни малейшего представления об объективных причинах и движущих силах процесса, происходившего тогда в недрах капитализма, и, естественно, мог отразить его лишь иллюзорно, то есть представив экономические противоречия и классовые конфликты как столкновение идейных, нравственных, этических и религиозных принципов и убеждений. Философия Ницше,

лишенная серьезной научной основы, изобилующая парадоксами и бездоказательной отсебятиной, подчас граничит с интеллектуальным бредом, но объективно она является, как правильно подчеркивал Ф. Меринг, «прославлением крупного капитала, и в этом своем качестве она нашла широкую публику»¹.

Циничная откровенность, с которой Ницше выразил «насущенные» потребности поднимающейся монополистической буржуазии, сначала оттолкнула от него буржуазную профессорскую философию, а впоследствии не позволила ницшеанству сформироваться в официальную философскую школу. Наиболее видные последователи Ницше — Г. Зиммель, А. Бергсон, О. Шпенглер, Л. Клагес и др. — предпочли стать основателями собственных философских направлений, а его многочисленные эпигоны и комментаторы не прибавили к нему ни одного свежего слова. Они лишь приспособливали его учение ко вкусам «образованной» публики, сглаживали острые углы его философии, расчищали ей дорогу к душам и умам буржуазной интеллигенции, чтобы завербовать ее на службу империализму.

Ницшеанство в узком смысле слова — как философское течение — и теперь представлено лишь одним философом — самим Ницше. Однако нелегко назвать другого теоретика, который оказал и продолжает оказывать столь заметное воздействие на буржуазную теоретическую мысль, особенно на социологию и этику, как Ницше. Он справедливо считается одним из основателей так называемой философии жизни; от него идут нити к интуитивизму, шпенглеризму, экзистенциализму, элитизму, «социологии знания». Правда, большинство западных философских школ формировалось не под его непосредственным влиянием и имеет другие теоретические истоки, других зачинателей. Тем не менее многие представители этих школ поклоняются Ницше, чтут заслуги «великого вопрошателя» и «пророка», поставившего основные проблемы, над разрешением которых работает вся армия теоретических оруженосцев империализма. Этим прежде всего объясняется неослабевающий интерес к его личности и философии; этим определяется

¹ Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. II, стр. 508—509.

его значение и «почетное» место среди буржуазных философов нашего времени.

Имя Ницше получило широкую популярность в 90-х годах прошлого столетия. Вокруг него завязались ожесточенные споры. Необычная для официальной философской науки система, в которой подвергается осмеянию и резкой по форме критике вся предшествующая философия, циничная откровенность, с которой говорится о «святая святых» буржуазного общества, вызвали ожесточенную полемику, развернувшуюся на страницах теоретических журналов, в брошюрах и специальных исследованиях. Некоторые буржуазные теоретики и писатели (К. Фишер, И. Шляф и др.), шокированные ницшевской экстравагантностью, поспешили объявить входящего в моду философа душевнобольным, а его философию — плодом патологической психики. Принять или не принять Ницше? Этот спор был решен временем. То, что Ницше тонким классовым чутьем идеолога угадал в 70—80-х годах XIX века, становится явью в начале XX века: «свободный» капитализм перерос в империализм, и «несвоевременная философия», как называл ее сам Ницше, обрела чрезвычайно своевременный характер.

Последующих буржуазных философов в Ницше привлекает острая постановка жгучих вопросов современности, прежде всего проблемы идейно-теоретического перевооружения буржуазии в эпоху империализма, тревога и забота о судьбах мирового капитализма, воинствующая реакционность и страстность в защите отживающего свой век общественного строя. Правда, невозможно, пожалуй, назвать ни одного буржуазного автора, писавшего о Ницше, который принял бы его философию без оговорок: ницшеанство слишком откровенно в своих основных положениях и лишено обычных атрибутов социальной демагогии, без которых не обходится ни одна официальная буржуазная философская школа. С другой стороны, немного можно найти буржуазных критиков, отвергающих ницшеанство как философскую систему, которые не сказали бы похвального слова о Ницше и не склонили бы головы перед его «проницательностью» и «прозорливостью». Следует сделать и еще одно замечание: чем дальше отходим мы от даты смерти Ницше, тем меньше встречается оговорок при принятии ницшеанства и, следовательно, чем глубже и острее ощу-

щается кризис мировой капиталистической системы, тем нужнее становится философское оружие Ницше в теоретическом арсенале империалистической буржуазии.

Едва ли имеется необходимость воспроизводить развернутые характеристики, в которых выражали свое восторженное поклонение перед Ницше его прямые последователи, именовавшие себя его учениками. Ограничимся книгой Анри Лихтенберже «Философия Ницше», которая в буржуазной историографии считается образцовой. Автор этой работы — французский либеральный публицист и философ-позитивист — не является правоверным ницшеанцем, но он полностью разделяет основные «принципы» ницшевской философии, рассматривает ее как «самый существенный фактор во всей истории человечества». Ницше, пишет Лихтенберже, — один из «величайших мыслителей современности». «Аристократ по инстинктам, горячо преданный истине и красоте, сильный интеллектом и чувством», Ницше весь слеплен из «одного куска», все его мысли — «действие, подчинение великой задаче возвышения человека». Заслуга Ницше состоит в том, продолжает далее Лихтенберже, что он опроверг привычные представления о добре и зле, об истине и заблуждении, доказал, что «самая осязаемая реальность — притом единственная вполне доступная нашему познанию — это мир наших стремлений и страстей», сведенных к инстинкту «воли к власти». Лихтенберже также полностью разделяет ницшевский аморализм, видя в нем «радикальную аристократическую реакцию» на падение прежних «здоровых» моральных оценок, предпринятую с благими намерениями попытку обосновать новую мораль, возвышающую человека над «стадным животным».

Разумеется, в ходе исследования автор смягчает кричащие крайности ницшеанства, преподносит его в розовой бархатной обертке. Ницше — философ-поэт, и поэтому к нему нельзя подходить с обычной критической меркой. Его философские построения — скорее художественные образы, чем строго научная философская система, нуждающаяся в логических костылях. Философия Ницше, считает Лихтенберже, стоит вне научной критики, она требует интерпретации, основанной на интуитивном проникновении в ее прихотливые лабиринты.

Ницше — это знамение времени. Он, пишет Лихтенберже, впервые со всей очевидностью показал, что стремление «современного европейца» (то есть пролетариата, трудящихся) к нивелировке, к социальному равенству ведет к вырождению «пафоса дистанции» и что возможная победа социализма «превратит Европу в «огромных размеров лазарет». Учением о «воле к власти» Ницше указал путь к спасению от подобного «вырождения». Поэтому-то, как заключает Лихтенберже, произведения Ницше должны оказать бесспорно благотворительное влияние в такую эпоху, как наша¹.

Представители академических философских школ в оценках философии Ницше, конечно, сдержаннее, чем Лихтенберже или чем, скажем, Георг Зиммель и другие «философы жизни», охотно признающие свое теоретическое родство с ницшеанством. Для примера сошлемся на некоторых неокантианцев. Не разделяя полностью теоретико-философских взглядов Ницше, неокантианцы тем не менее высоко ценят его как «философа культуры» и социолога, который «проникновенно всматривался» в общественные отношения тревожной современной эпохи.

Определяя значение и место Ницше в истории новейшей философии, неокантианец Ганс Файгингер подчеркнул следующие основные тенденции в его литературно-философском творчестве: антисоциалистическую, антидемократическую, антипессимистическую, антиморалистическую, антиинтеллектуалистическую, антихристианскую и антифеминистическую. В каждую из этих тенденций Ницше внес, по мнению Файгингера, «поэтическую свежесть, силу и логическую убедительность», хотя, добавляет он, и нельзя согласиться со всеми его выводами. Ницше, говорит Файгингер, — философ для избранных. Он ценен тем, что «будит и возбуждает мысль». Его учение в неосторожных руках может действовать как умственный и нравственный динамит, и, наоборот, людей, искушенных в философской борьбе, оно возбуждает в хорошем смысле: оно выводит из «догматической дремоты», принуждает «пересмотреть и заново обосновать интеллектуальные и моральные блага и ценно-

¹ См. А. Лихтенберже. Философия Ницше. Изд. 1901.

сти»¹. Это больше, чем признание. Неокантианец Файгингер поднимает ницшеанство со всеми его махрово реакционными тенденциями как идейное знамя, вокруг которого должна сплотиться вся философия, охраняющая классовые интересы современной буржуазии.

Заслуги Ницше перед «научной» буржуазной философией неоднократно отмечал и Генрих Риккерт — один из признанных вождей неокантианства. Ницше, писал Риккерт, выделяя его борьбу против рационализма, «с неподражаемой силой вновь выразил настроение, охватывающее неизбежно всякого мыслящего человека, когда он оказывается не в силах овладеть богатством живого мира... Ведь то непостижимое, которое сейчас называют «жизнью», не входит ни в какое теоретическое или научное словесное значение, и название жизни было бы поэтому столь же недостаточно, как и всякое другое, если бы Ницше не сумел придать слову жизнь смысл, сверхнаучно доводящий до сознания огромную атеоретическую важность того, что не может быть подведено ни под какое понятие. Эта важность *чувствуется* у Ницше непосредственно, даже если она логически не постигается. Это, правда, само еще не наука, но нечто научно значительное, так как указывает на границы научного мышления; поэтому всякий, кто смешивает понятия с действительностью жизни, также в философском смысле может многому научиться у Ницше». Правильно полагая, что термин «жизнь» не может стать краеугольным понятием претендующей на истину философии, Риккерт склоняется к одобрению ницшевской концепции жизни как широкого мировоззренческого принципа, отражающего «жизненные» условия современного человека: «То, что надлежало сказать внятно для нашего поколения и для наших ушей, — пишет он, — Ницше выразил прекрасно и проникновенно»².

Философский единомышленник Риккерта — Алоис Риль говорит об этом прямее и откровеннее. Произведения Ницше, при всех недостатках его философии, заявля-

¹ См. Г. Файгингер. Ницше как философ. Изд. 1903. Ганс Файгингер является создателем философии фикционализма, представляющей собой открытую попытку дополнить неокантианство ницшеанством и «философией жизни».

² См. Г. Риккерт. Философия жизни. Изд. 1922, стр. 154—155.

ет Риль, навсегда останутся «источником духовной пищи» для философов. Философию Ницше он сравнивает с «грандиозной постройкой, отдельные части которой еще только сложились в уме архитектора, но не слились в одно определенное целое». Однако эта незавершенная и противоречивая в своих составных частях философская система, продолжает Риль, более близка к истине, чем, например, «чувствительная идиллия Руссо». Далее он поясняет эту мысль, не оставляя никаких сомнений в своих симпатиях к социальной направленности нищезанятия: «Руссо начинает бессвязным равенством местных жителей и кончает равенством рабов в государстве; Ницше начинает с неравенства рас и людей, с глубокого, как пропасть, классового различия между человеком и человеком, и желает видеть, чтобы эта пропасть приняла еще большие размеры. Разницу между расами, между прирожденным «господином» и жалким «рабом» от рождения — он считает абсолютную... Ницше антипод и одновременно духовный родственник Руссо; он — Руссо нашего времени»¹. Подобным сопоставлением Риль хочет показать, что Ницше, как и Руссо, — более чем имя, что он — мировоззрение, духовная сила, с которой должен считаться каждый, кто принимает сознательное участие в идейно-теоретической борьбе нашего времени.

Классово-мировоззренческий подход к философии Ницше как раз и мешает буржуазным исследователям обнажить полную научную несостоятельность теоретических основ нищезанятия. Любопытна в этом отношении точка зрения русского реакционера от философии князя Е. Трубецкого, выступавшего с развернутой и довольно резкой критикой отправных теоретических постулатов нищезанятия философии. Трубецкой приходит к, казалось бы, правильному выводу, что «софистическое учение Ницше представляет собой завершение упадка новейшей философской мысли», но, поскольку, заключает Трубецкой, это учение «дает только теоретическую форму тому, что переживает целое общество», отражает «общий упадок человечества» (Трубецкой, как видно, отождествляет человечество с капитализмом, а буржуазную философию — с философией вообще), нищезанятие, особенно

¹ См. А. Риль. Фридрих Ницше, художник и мыслитель. Изд. 1901, стр. 28, 57.

его социальную философию, следует признать и принять. И Трубецкой, действительно, принимает ее, принимает потому, что Ницше «доставил целый ряд тезисов против современного человека и современной культуры». Верны или неверны эти тезисы в научном смысле — это неважно, но они вынуждают философию к самопроверке, к критическому пересмотру, к переоценке идейно-теоретических ценностей и потому не могут остаться без влияния на современных философов¹.

В буржуазной литературе Ницше изображался иногда как «антихрист философии». Это выражение исходит из клерикальных философских кругов, которые не могли простить ему крикливой критики христианства и христианской нравственности, пока не поняли характера этой критики. Клерикальные философы объявили Ницше еретиком, обвинив его в материализме и рационализме, однако они не предали его анафеме, так как по достоинству оценили его «громкий протест» против социализма, в котором он, ко всеобщей радости клерикалов, разгадал главную причину «понижения биения общественного пульса, нравственной дряблости, исчезновения честных энергичных деятелей»² и т. п. Во имя этого Ницше получил в конце концов отпущение грехов. Ницшеанец В. Иезингауз как-то заметил, что богословы являются лучшими истолкователями Ницше, лучшими знатоками его души, улавливающими ее малейший шепот³. Это замечание недалеко от истины.

Интерес к философии Ницше не прекращается и в последующие годы. Неутешительные для капитализма итоги первой мировой войны — крушение самодержавия и победа социалистической революции в России, обострение противоречий буржуазного общества и классовой борьбы внутри капиталистических стран — снова усилили внимание буржуазных, особенно немецких, теоретиков к ницшеанству. В обстановке катастрофы, разразившейся над Германией в 1918 году, здесь возникли новые

¹ См. Е. Трубецкой. Философия Ницше. Изд. 1904, стр. 4, 156 и др.

² См. С. Левитский. Сверхчеловек (Übermensch) Ницше и человек Христа. Изд. 1901, а также Л. Фишер. Фридрих Ницше — «антихрист» современной философии. Изд. 1904.

³ См. В. Иезингауз. Фр. Ницше о женщине, любви и браке. Изд. 1907, стр. 9.

философские течения — шпенглеризм и экзистенциализм. Шпенглер и экзистенциалисты подняли поверженное ницшеанство и вернули немецкой реакции идейное оружие, при помощи которого она завербовала из рядов бюргерства новых охранников для защиты своих экономических позиций и своего господства против демократии и социализма.

В книге «Закат Европы», бывшей в 20-х годах полуофициальной библией реакционного пруссачества, Шпенглер выдвигает Ницше как единственного философа, который «держал в своих руках все решающие проблемы» современности. «Когда Ницше, — говорит Шпенглер, — в первый раз написал слова о «переоценке всех ценностей», духовное движение столетий, среди которых мы живем, нашло, наконец, свою формулу. Переоценка всех ценностей — таков внутренний характер всякой цивилизации. Она начинается с того, что переделывает все формы предшествующей культуры, иначе понимает их, иначе ими пользуется». Следовательно, Ницше, по мнению Шпенглера, как никто другой, сумел понять смысл и характер новой полосы в развитии «западной цивилизации» (или, говоря точнее, европейского капитализма) и дать им философское обоснование с точки зрения потребностей господствующего класса. Подтверждение этого Шпенглер ищет в ницшевском учении о «воле к власти» и о морали господ, вытекающем «из источника всей интеллектуальной современности, из атмосферы современной английской машинной промышленности»¹. Свою задачу Шпенглер видит в том, чтобы очистить ницшеанство от налета «романтизма», придать ему более современный вид и поставить на службу практическим интересам и традициям прусского милитаризма, что впоследствии было осуществлено в фашистской Германии.

Говоря о пропаганде ницшеанства довоенными экзистенциалистами, сошлемся на обширную работу Карла Ясперса «Ницше. Введение к пониманию его философствования», изданную в 1936 году. Проведенная Ницше «переоценка всех ценностей», разрушение им прежних представлений о моральных оценках, пишет автор этой работы, «расчистили почву для философии экзистенциа-

¹ См. О. Шпенглер. Закат Европы, т. I. Изд. 1923, стр. 50, 371, 398.

лизма». Вся философия Ницше как подлинная философия жизни, считает Ясперс, глубоко экзистенциальна. Ницше, возглашает он, — один из самых глубоких исследователей человеческого духа. Его можно правильно оценить только во всем величии его идей, не придираясь к мелочам и кажущимся противоречиям. Признавая, что научные познания Ницше невелики и что теоретические основы его философии не выдерживают серьезной научной критики, Ясперс тем не менее рекламирует его как образец философа будущего, «философа-воспитателя», для которого важны не общепринятые результаты философствования, доступные пониманию рядового человека, а сам «творческий дух с его поражающим богатством идей». Ясперс жалуется на то, что Ницше до сих пор понимали не совсем правильно, видели в нем по преимуществу нигилиста и отрицателя. Это происходило потому, что Ницше, являясь «прорицателем» будущего, предугадал то, что другие увидели гораздо позже. Смысл философии Ницше, продолжает Ясперс, полностью еще не раскрыт, и обязанность философов состоит в том, чтобы работать над разрешением поставленных им проблем, воспитывая самих себя на его идеях. Штудирова Ницше, «последнего великого философа, который... так сильно воздействует на нас», мы проникаем, напутствует Ясперс, в «первопричины сознания» и приближаемся к осуществлению идей этого мыслителя, предопределенных «историческим мировоззрением западного мира»¹. Под «историческим мировоззрением западного мира» Ясперс понимает, конечно, систему взглядов, исповедуемых современной буржуазной философией. Его призыв учиться мировоззрению у Ницше означает не что иное, как высокое признание заслуг Ницше в разработке основных принципов идеологии империалистической буржуазии, в борьбе против революционного диалектико-материалистического мировоззрения, под знаком которого разворачивается освободительное движение трудящихся масс.

Шпенглер и экзистенциалисты передали эстафету ницшеанства фашизму. В поисках духовных предков иде-

¹ K. Jaspers Nietzsche. Einführung in das Verständnis seines Philosophierens. Berlin—Leipzig, 1936, SS. 391, 397, 372—373, 398—399, 401, 404—407.

ологи фашизма неизбежно должны были прийти к Ницше — к проповеднику варварской «морали господ», разжигавшему у правящего класса необузданную волю к власти, зоологическую ненависть к трудящимся и их идеологии; к философу, убившему гуманистическую идею ранней буржуазной философской мысли, провозгласившему пришествие лишенного совести сверхчеловека; к первому идеологу империалистической реакции, предвосхитившему требование открытой террористической диктатуры монополистического капитала. Популярность Ницше в «образованных кругах» буржуазного общества облегчила эти поиски.

Фашизм принял ницшеанство таким, как оно есть на самом деле, без прикрас и либерального подслащивания, и провозгласил Ницше своим непосредственным предшественником. Ницше, писал А. Розенберг, защищая его наследство от покушений со стороны теоретиков буржуазного либерализма и интеллигентского индивидуализма, попал в руки «политических развратителей», которые пытались уверить немецкий народ, что ницшеанство есть освобождение личности от всяких оков, отбрасывая при этом его «учение» о дисциплине и внутреннем величии, которое и делает Ницше «почти единственным далеко видящим провозвестником национал-социалистической Германии».

Желая поднять престиж Ницше в глазах «просвещенных» немцев, фашистские интерпретаторы часто ставят его в один ряд с такими классиками буржуазной философии, как Лейбниц, Кант, Гегель, и выдают за продолжателя и завершителя великого дела «освобождения германского духа» от чуждых ему элементов. В философии Ницше этот мифический германский дух, по единодушному мнению фашистских «теоретиков», достигает будто бы своего высшего напряжения, чистоты и совершенства. Все вопросы, связанные с философией Ницше и его вымышленных предшественников, излагаются ими с точки зрения идейной близости к фашизму. Действительная история искажается при этом до неузнаваемости: взгляды прежних мыслителей подгоняются под ницшеанство, а последнее — под стопроцентный фашизм.

Образчиком подобного «исследования» может служить книга Альфреда Боймлера «Ницше — философ и

политик», посвященная преимущественно «анализу» ницшеанского «учения» о государстве и войне. В этом «исследовании» Ницше представлен мыслителем европейского масштаба, равным величию по крайней мере Декарту, Лейбницу и Канту, и в то же время «истинным германцем», указавшим единственно правильный путь к сохранению и возвышению «германского духа». Перед взором Ницше, пишет Боймлер, стояла старая задача германской расы — «быть руководителем Европы». «Ницше принадлежит не Бисмарку, — витийствует Боймлер, — а эпохе великой войны. Немецкое государство будущего не есть продолжение творчества Бисмарка, оно будет создано в духе Ницше и великой войны»¹. Общий вывод, который следует из книги, сводится к тому, что национал-социализм призван претворить в жизнь «великие предназначения» Ницше.

Другим образчиком фашистского возвеличения Ницше может служить книга д-ра Курта Гейнце «Преступление и наказание у Фридриха Ницше». Ницше для Гейнце — «великий человек, говорящий «да» жизни», проповедник «великого здоровья» и т. д. и т. п. «Ницше хотел дать «философию жизни», — пишет автор, — жизни как воплощения всего бытия и становления, которую нельзя охватить и выразить ни в какой самой смелой философской системе... Ницше в более значительной мере, чем принималось до сих пор, во всех своих действиях есть явление, возвышающееся над любым временем. Он предстает не только борцом своего времени, но также провидцем и судьей будущего». Национал-социализм, говорит Гейнце, впервые приступил к практическому воплощению «великих идей» Ницше, но время их полного осуществления еще впереди. Долг учеников Ницше — «сохранить его наследие и передать его учение будущим поколениям»².

К сказанному нужно добавить, что идейная связь ницшеанства с «теорией» и практикой фашизма доказана не только писаниями фашистских проповедников. Она подтверждена всей кровавой историей Третьей империи.

¹ См. А. Bäumler. Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1931, SS. 181—182.

² См. K. Heinze. Verbrechen und Strafe bei Friedrich Nietzsche. Berlin, 1939, SS. 209—210.

Нынешние апологеты ницшеанства стараются во что бы то ни стало оторвать Ницше от идеологии и политики фашизма, выдать его за «чистого» философа, стоящего вне политики и политической борьбы нашей эпохи. Обратимся к статье некоего У. ван Цутаберга «Фашизм» и восточная пропаганда», опубликованной в 1956 году в западноберлинском журнале «Neue Gesellschaft». Цутаберг извращает прежде всего социальную природу самого фашизма. Как социальное явление, неизбежно порождаемое экономическими условиями современного капитализма, фашизм, по его мнению, не существует, никогда и нигде не существовал. Под фашизмом, заявляет он, следует понимать только политику Гитлера и его клики, которая якобы не имеет корней ни в экономике, ни в идеологии «западного мира». Поэтому любая постановка вопроса об идейных предшественниках гитлеризма является кощунством по отношению к таким «истинным», стоящим вне политики мыслителям, как Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше и т. п. Фашизма нет, заключает свою статью Цутаберг; фашизм и его философскую родословную выдумали «восточные пропагандисты»¹.

Схема защиты, предложенная Цутабергом, довольно примитивна. Фашизм, оторванный от его экономической и социальной базы, объявляется случайным эпизодом немецкой истории, а Ницше, отмежеванный от фашизма, — «истинным» мыслителем «западного мира». Но что такое так называемый западный мир, как не современный монополистический капитализм с его уродливыми тенденциями к фашизации внутренней и внешней политики? Об этом Цутаберг предпочитает молчать.

Монополистический капитализм с его тенденциями к фашизму живет в духовной атмосфере ницшеанства. Ницше, его философия и личность, говорит проф. Вальтер Вейман-Вейе — автор книги «Ницше как историческая действительность», «окрашивают нашу кровь, формируют наши чувства и представления, заполняют атмосферу, в которой мы повседневно живем». Дело Ницше есть «грандиозное проявление нашей (то есть западной. — С. О.) современности», его можно понять только «на подоснове христианского (то есть опять-таки

¹ См. „Neue Gesellschaft“, Heft VI. 1956, SS. 456—458.

Западного. — С. О.) мира». Ставя своей задачей «исследование Ницше с позиций христианства», Вейман-Вейе начинает, однако, с одобрения ницшевских нападок и клеветы на социализм. «Заслуга» Ницше, по его мнению, состоит прежде всего в том, что он впервые представил социализм «как нечто демонически угрожающее корням человеческого существования». Ницше, говорит Вейман-Вейе, сорвал с жизни «покрывало духа познания», прикрывающее ее сущность со времен Декарта, и снова представил ее таковой, какова она есть, — как хаос, из которого рождается все «подлинно человеческое». Он разбил старые ложные представления об истине и справедливости, показал, что «истина и справедливость» есть только «наивысшая добродетель воли к власти», и на этой основе отверг демократию и социализм, в которых «требуется и находит свое право мести низшее стадное животное против всего более высокого по происхождению».

В своей критике морали, продолжает Вейман-Вейе, Ницше еще более современен. Его учение о человеке, показывающее человека в его «фактической пустоте и обедненности», в его «двойственности и потерянности», преподносится автором книги как завершение классического образа человека, воспетого великим Гёте. Еще более пышные дифирамбы поет Вейман-Вейе «большой политике», в которой он видит «мудрый совет» создавать «принудительные общественные состояния» (то есть, добавим от себя, напутствие «господам земли» утверждать свою волю к власти любыми средствами и методами). Закljučая свое «исследование», Вейман-Вейе открывает в Ницше непоколебимого борца за «западную свободу», а в его философии — бога, «очищающего в священном гневе свой храм»¹. От чего? Конечно, от науки, от материализма, от научной социальной философии.

Исследованию «бессмертного» философского наследия Ницше посвящает свои труды и проф. Карл Эмге. «Сегодня невозможна никакая серьезная психология или социология, — пишет Эмге, — которые не испытыва-

¹ См. W. Weymann-Weyhe. Die Entscheidung des Menschen. Nietzsche als geschichtliche Wirklichkeit. Freiburg, 1948, SS. 6, 6, 111, 113—114, 135—136, 154—156, 175, 188—190.

ли бы на себе воздействия тех или иных мыслей Ницше», открывающих «неизвестные до сих пор связи в духовной и общественной областях». При всех недостатках, заявляет он далее, дело Ницше является «великим мировоззренческим делом для государственных деятелей», его философия, ценная «подозрительным отношением к мыслителям марксистского типа», выросла на «основе наличной буржуазной культуры, которая передавалась из поколения в поколение со времени Гёте», поэтому-де ее нельзя ставить ни в какую связь с фашизмом. Этот тезис Эмге пытается подтвердить и другим, надо сказать, смехотворным примером: руководители Третьей империи никогда не обращались к нему, знатку Ницше, с просьбой, как следует понимать философию ницшеанства, и были будто бы равнодушны к различным способам его интерпретации. Перефразируя слова Бердяева, Эмге заканчивает свою работу парадоксом: «Ницше любил бога таким необычным образом, чтобы быть любимым им»¹. Имя этого бога — капитал.

Активными пропагандистами ницшеанства по-прежнему выступают экзистенциалисты. Карл Ясперс опубликовал в 1952 году еще одну книгу о Ницше — «Ницше и христианство», в которой он подвергает скрупулезной критике взгляд на Ницше как на атеиста и обвиняет всех теоретиков, отбрасывающих ницшеанство, в измене «западным феноменам»². Очень много места отводится Ницше в работе Ясперса «О движущих силах и цели истории», изданной в 1949 году. Ницше, если верить Ясперсу, не только набросал поразительную по меткости и проницательности картину современности и будущего, он также указал единственно верный выход из того тупика, в который зашел «христианский западный мир». Этот выход — борьба против социализма, за «мировой порядок», «западное единство» и веру — борьба, основанная на «факторе нашей воли»³ (то есть, очевидно, на самых крутых и решительных мерах господствующего класса, на деспотической диктатуре монополий).

¹ См. K. Emge. Über die bleibende Erbe Nietzsches. Wiesbaden. 1955, SS. 228 - 230.

² K. Jaspers. Nietzsche und das Christentum. München, 1952.

³ См. K. Jaspers. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich, 1949, SS. 185, 251, 280—281, 293.

Поднимает свой голос в защиту Ницше и Мартин Хайдеггер. В отличие от Ясперса, Хайдеггер больше внимания обращает на мнимый радикализм ницшевской философии, подчеркивает ее антихристианскую, «атеистическую» направленность и другие псевдорадикальные жесты¹.

Отрывая Ницше от фашизма, проповедники ницшеанства преподносят его как продолжателя и завершителя дела Гёте и Шиллера, Вольтера и Руссо. Заслуга Ницше состоит в том, пишет Ганс Гербер — автор книги «Ницше и Гёте», что он, продолжая линию Гёте, «устранил, наконец, духовно-историческую полярность между личностью и свободой». За грубыми и циничными ницшевскими нападка на демократизм во всех его формах, на политическое и социальное равенство Гербер видит «скептический взгляд» на свободу человека. «Руссо и французская революция, — говорит он, — провозгласили свободу, но никто еще не ставил вопроса, созрел ли человек для того, чтобы ощутить свободу, вынести ее». Ницше, пишет Гербер, был первым мыслителем, вопрошающим «о смысле, осуществлении, равно также и о достоинстве свободы», доказавшим, что современный человек еще не созрел до нее, потому что он погряз в «узком национализме» и «мелком политиканстве». Будучи «настоящим» немцем, мечтающим о руководящей роли Германии в Европе, Ницше, уверяет своих читателей Гербер, ратовал, подобно Гёте, не за политическое, а за культурное, интеллектуальное руководство Германии среди европейских народов. Как и Гёте, продолжает Гербер, Ницше восставал против «образованных филистеров», против стремления к чрезмерному обогащению; «в современной торговой и индустриальной жизни видел он врага благоговения и созерцательности, где человеку запрещается время и досуг для заботы о собственной душе и самосовершенствовании». Он ненавидел демократию, поскольку он ошибочно полагал в ней «политическое выражение этого стремления к обогащению и приобретению»².

¹ См. M. Heidegger. Vorträge und Aufsätze. Pfullingen, 1954, SS. 101—126.

² См. H. Gerber. Nietzsche und Goethe, Bern, 1954, SS, 134 — 139.

По тому же пути идет и немецкий литературовед и философ Эрих Геллер. Подгоняя Гёте под Ницше, он превращает великого реалиста в мистика, ставит между ними знак равенства, желая подвести читателя к выводу, что Ницше — это эхо Гёте¹.

Мнимое родство Ницше с философией просвещения, в частности с Руссо, настойчиво подчеркивает И. Ростойчер, автор книги «Возрождение Диониса». «Психологически-историческое рассмотрение», якобы последовательно проводимое Ницше, позволяет нам понять, утверждает Ростойчер, что моральные оценки «имеют свои корни в биологической полезности», что «делать удовольствие и избегать неудовольствия есть важнейший побудительный мотив всех самых добрых и злых поступков», что «эгоизм не есть зло» и что «ни один человек не отвечает за свои поступки». Так будто бы полагал и Руссо, с той только разницей, что он, как и все просветители XVIII века, наивно верил в прогресс человека и человечества. Под флагом защиты «естественных человеческих стремлений» Ростойчер прославляет Ницше как великого борца за такое «справедливое» общественное состояние, в котором «дух удовольствия освободится от дурной совести»². И все это выдается за просветительство и гуманизм!

Характерно отметить, что если раньше интерес к Ницше редко выходил за пределы «философии культуры», этики и социологии, то сейчас проповедники ницшеанства все чаще обращают свои усилия на «исследование» ницшевской натурфилософии, стараются подвести под ницшеанство более солидную «теоретическую» базу, показать, что его выводы покоятся на «прочном» естественно-научном фундаменте.

Среди такого рода исследований следует выделить объемистую книгу одного из хранителей ницшевского архива в Веймаре — проф. Альвина Митташа «Фридрих Ницше как натурфилософ». До сих пор, сетует автор, в философской литературе продолжает бытовать мнение, что ницшеанство не имеет под собой сколько-нибудь устойчивого и цельного натурфилософского ба-

¹ См. E. Heller. *Enterbter Geist*. Wiesbaden, 1954.

² См. J. Rosteutscher. *Die Wiederkunft des Dionysos*. Bern, 1947, SS, 26—29, 153, 159.

зиса. Это мнение, уверяет он, основано на поверхностном знакомстве с натурфилософским наследием Ницше. Оно обусловлено тем, что Ницше как «философ культуры первого ранга», как «страстный борец за новый порядок жизни» и т. п. заслоняет Ницше-натурфилософа. Однако сейчас пришло время, заключает Митташ, приступить к детальному и всестороннему изучению натурфилософских воззрений Ницше, чтобы еще полнее и точнее оценить его воздействие на последующую философию и дальнейшее развитие естествознания¹.

«Величие» Ницше как натурфилософа Митташ видит в том, что он, «следуя за Лейбницем и Мейером» и «опираясь» на достижения современного ему естествознания, возвел в решающий принцип исследования природы «динамизм», «энергетизм», волюнтаризм и «космическое восприятие» неорганического и органического мира в целом, психической и общественной деятельности человека в частности и тем самым «озарил» перспективу дальнейшего плодотворного развития естественных наук. Мысли Ницше о природе, пишет Митташ, вращаются между двумя полюсами: человек и космос. Он пытался найти путь от космоса к человеку и от человека к космосу и, исследуя этот путь, «действительно» нашел универсально-космические законы бытия, выраженные в формулах воли к власти, иерархии и вечного возвращения. Правда, Митташ вынужден признать, что «реалист» Ницше считает первоосновой бытия «самоосуществление человеческого духа», но это вынужденное признание не мешает ему объявить, будто космическое ницшеовское мифотворчество подтверждается современной теоретической физикой. В итоге «исследования» автор навязывает читателю общий вывод: если мы с некоторым правом отворачиваемся ныне от некоторых крайностей ницшеовской этики и «философии культуры» (Митташ знает, что после фашизма полная реабилитация Ницше по этим линиям уже невозможна), то этого мы не можем сделать с его натурфилософией. Здесь открывается другой Ницше — философ, занимающий «многообещающее переходное положение по отношению к натурфилософии

¹ См. A. Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph, Stuttgart, 1952, SS. XV, 284.

нашего столетия»¹. Но, как бы ни старался Митташ аргументировать этот вывод, с одной стороны, фальсифицируя данные современного естествознания, а с другой — искусственно поднимая ницшевское мифотворчество до научного натурфилософского воззрения, его «обобщения» висят в воздухе. Недоказуемое доказать невозможно.

Возрождается ницшеанство и в других капиталистических странах. Так, в Америке профессор Гарвардского университета Дж. Морган выпустил в свет книгу «Как думает Ницше», которую он сопроводил следующим предисловием: «Я обращаюсь к Ницше как к оазису в пустыне нашей послевоенной жизни... Он утоляет мою жажду как ум свежий, бесстрашный и глубокий... Эта книга написана для людей доброй воли, чтобы они могли утолить свою жажду из этого источника»². Интерес к Ницше велик, и его влияние непрерывно возрастает, пишет профессор Кейптаунского университета Г. Рейберн в своей большой работе «Ницше». «Проблемы, которыми он занимался, доступны всем людям и прежде всего тем, кто потерял ориентацию в современном мире»³, то есть, очевидно, современным буржуазным философам и социологам, обеспокоенным судьбами капитализма.

Наряду со специальными исследованиями большое внимание пропаганде ницшеанства уделяется в работах, посвященных общим и частным вопросам философии, социологии, психологии, этики и т. д.

Приведем несколько примеров.

Экзистенциалист Ганс Пфейль рассматривает самую злободневную для буржуазных философов проблему — проблему «опровержения» марксизма, в котором дано научное выражение интересов трудящихся, или, как он по-ницшеански цинично выражается, проблему «преодоления психологии стадного человека при помощи истинной философии». Образчиком «истинной философии» служит для Пфейля ницшеанство и, конечно, экзистенциализм. Почти на каждой странице он ссылается на

¹ См. A. Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph, SS. 284, 288—292, 293—294, 297.

² См. G. Morgan. What Nietzsche means. Harward University Press, 1943, p. VII.

³ См. H. Reyeburn. Nietzsche, London, 1948, p. V.

Ницше как на непререкаемый авторитет. Решающая заслуга Ницше перед «истинной философией» состоит, по определению Пфейля, в том, что он, как никто другой, понял опасность, которую таят в себе философские системы, основанные на теории познания, на иллюзорной вере в могущество человеческого разума, на лести «стадному инстинкту масс». Ницше, продолжает Пфейль, впервые высоко поднял знамя борьбы против всех этих «ложных» философских систем, противопоставив им философию «возвышения жизни», философию «активного действия», которая в поисках «истины» выходит из сферы абстрактной борьбы в узких гносеологических областях на широкое поле битвы за «душу человека». Ницше — образец философа-борца, «одновременно ученый и учитель, творец жизни и богоискатель, воспитатель и законодатель», который «головой, сердцем и руками стремится достичь истины и осуществить ее»¹, — пишет Пфейль.

Проф. Гельмут Шоек довольно пространно говорит об огромном влиянии Ницше на последующую буржуазную социологию. Он считает Ницше зачинателем и крупнейшим представителем так называемой психосоциологии, хотя в целом во взглядах на общество он будто бы был верным учеником французской философии XVIII века. Вклад Ницше в проблему истории с «подлинно социологической точки зрения» был, по Шоeku, чисто отрицательным, но он создал почву, на которой потом развернулась «великая» социологическая система «разоблачения идеологии» («Ideologienenthüllung»), прежде всего критика социологического рационализма Паретой и Сорелем, и выросла «социология знания» Карла Маннгейма. Ницше, пишет Шоек, дал «величественную экспозицию понятия типа» (Шоек имеет здесь в виду ницшевское деление общества на две полярные социальные группы — на «рабов» и «господ») и начертал прагматическую науку о социальных отношениях, которая «может устанавливать контроль над будущим» и создавать общественные состояния «по усмотрению олигархов духа». Здесь, по предположению Шоека, сказывается

¹ См. H. Pfeil. Überwindung des Massenmenschen durch echte Philosophie. Graz—Wien—Köln, 1956, SS. 68, 114.

влияние на Ницше раннего американского прагматизма, идущее через Эмерсона¹.

Проф. Филипп Лерш, директор института психологии Мюнхенского университета, в своей работе «Формирование личности» пытается «теоретически» обосновать «генеральное» положение Ницше о воле к власти и вытекающее из него «учение» об иерархии с точки зрения «новейшей психологии». Воля к власти, равно как и «учение» об иерархии, заявляет Лерш, есть проявление «биологической необходимости», за которой скрывается «непознаваемая взаимосвязь» всех побудительных мотивов и поступков человека. Своим «великим» открытием, добавляет он, Ницше указал тот путь, по которому затем пошла «современная научная психология»². Что касается самого Лерша, то он действительно не уклоняется от этого пути и сознательно превращает свое «исследование» в развернутый комментарий ницшевского мифа. Кстати, можно сказать, что книга Лерша рекламируется в Западной Германии как образцовое учебное пособие по психологии, «вполне соответствующее современному состоянию этой науки».

Во всех подобного рода «трудах» и «исследованиях» так или иначе ощущается стремление во что бы то ни стало спасти идейное наследие Ницше, представив его как «чистого» философа, возвышающегося над повседневной суетностью идейной и политической борьбы своего и нашего времени. Когда речь доходит до констатации связи ницшеанства с идеологией и политикой фашизма, от этого бесспорного факта пытаются отмахнуться бездоказательными ссылками на то, что фашизм эксплуатировал Ницше, используя в своих целях некоторые «наросы» на его философию, извращая ее истинное содержание, как он поступал и по отношению к другим выдающимся мыслителям прошлого, что фашизм есть карикатура на Ницше³ и т. п. Несомненно, что бесплодные попытки оторвать философию Ницше от идео-

¹ См. H. Schoeck. Soziologie. München, 1952, SS. 189—191, 311.

² Ph. Lersch. Aufbau der Person. München, 1956, SS. 127—128, 436.

³ См. H. Trumpler. Der Kampf um die Seele der Menschen. Heidelberg, 1952, S. 38; K. Löwith. Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkunft des Gleichen. Stuttgart, 1956, S. 11.

логии и практики империалистической буржуазии вообще, от фашизма в особенности есть уловка, рассчитанная на то, чтобы восстановить былую популярность ницшеанства среди буржуазной интеллигенции, возродить его под вывеской просветительства и гуманизма, отравить ядом ницшеанства широкие слои «образованного бюргерства», прежде всего молодежь, и снова открыть дорогу фашизму.

В этом нетрудно убедиться, прочитав книгу матерого фашиста Германа Раушнинга «Маски и метаморфозы нигилизма». Учение Ницше о нигилизме, декларирует Раушнинг, есть «философски обоснованный революционизм», ведущий к «подъему жизни» как к конечной цели и возвещающий приход «новых сильных людей», людей «великого здоровья», диктующих свою волю всему человечеству. Учением о нигилизме он хотел разжечь в человеке все дикое, жестокое, звериное, чтобы разбудить его от апатии, подтолкнуть к действию. Завершителем революции нигилизма, говорит Раушнинг, явился Гитлер, увидевший в цивилизации «грехопадение человечества» и взявший на себя «великую» задачу «освободить человека от ноши цивилизации», сделать его снова «существом природы, полным жизни, уверенным и здоровым в его инстинктах». Напрасно, возмущается Раушнинг, обвиняют фашизм в политическом гангстеризме, это была «великая попытка вернуть человеку его естественные ценности», возведенные Ницше¹.

Идейная связь ницшеанства с фашизмом не может ускользнуть от взгляда любого объективного исследователя, не желающего забыть трагических уроков недавнего прошлого. В этой связи можно сослаться на работу Фридриха Глума «Философы в зеркале и кривом зеркале». Опираясь на большой фактический материал, автор последовательно, шаг за шагом показывает, какое губительное воздействие оказала философия Ницше на немецкую молодежь, как настойчиво внедряла фашистская пропаганда ницшеанские идеи в умы немецкого юношества, отравляя и развращая его сознание национализмом и шовинизмом, упованиями на «великую историческую миссию» Германии, проповедями о воле к

¹ См. H. Rauschnig. Masken und Metamorphosen des Nihilismus. Frankfurt am Main—Wien, 1954. SS. 17, 20, 96, 97, 174—175.

власти и завоеваниям, о воспитании новой расы, о расовой чистоте и морали господ, о новой дисциплине и субординации, о «высшем» порядке жизни и т. д., почерпнутыми у Ницше¹. Правда, Глум не касается вопроса о генезисе ницшеанства, не замечает или не желает замечать, что его пагубно сказавшиеся на судьбе Германии идеи, осуществление которых привело к ужасной катастрофе, имеют неистребимые корни в общественно-экономических отношениях современного капитализма, что само ницшеанство есть лишь непривычно огрубленное философское выражение положения империалистической буржуазии и что причину катастрофы следует искать не в идеях, а в объективных факторах, происходящих в недрах капитализма. Но это не меняет сути дела.

Глум, разумеется, не одинок. На «опасные тенденции» в философии Ницше обращает внимание, например, Бертран Рассел. В числе этих тенденций он отмечает культ насилия и войны, барское высокомерие и презрение к простым людям, грубый расизм и аморализм, апеллирующий к низменным человеческим инстинктам, открытую защиту рабства и т. п. Но Рассел ограничивается простой, академически беспристрастной констатацией этих тенденций, не ставя их в непосредственную связь с идеологической и моральной практикой господствующих в буржуазном обществе классов и социальных групп. Иногда у Рассела замечается желание смягчить свои выводы, затушевать крайности ницшеанства ссылками на благие намерения Ницше, на особенности характера и трагическую судьбу философа². Можно привести и другие подобные высказывания, но это не входит в прямую задачу данной работы.

Вновь возрождаемая популярность ницшеанства в капиталистических странах, обилие апологетической литературы о Ницше, выбрасываемой на книжный рынок в послевоенные годы, показывают, что Ницше был и остается одним из ведущих идеологов современной буржуазии, вложившим немало труда в обоснование ее мировоззренческих принципов. Вместе с тем Ницше

¹ См. Fr. G l u m. Philosophen im Spiegel und Zerspiegel. München, 1954, SS. 8, 134—161.

² См. B. R u s s e l l. A History of Western Philosophy. New York, 1946, pp. 760—773.

выдвинул ряд схем, формул и догм, которые служат известным методологическим образцом апологетики загнивающего капитализма и за которые продолжают цепляться многие его нынешние теоретические оруженосцы, близкие и, казалось бы, далекие от ницшеанства. Ницшеанство является таким же закономерно неизбежным явлением в идеологии монополистической буржуазии, как фашизм в ее политике. Поэтому ницшеанство можно и должно рассматривать не только как систему взглядов Ницше, но и значительно шире — как мировоззрение, принимаемое и разделяемое в той или иной мере всей империалистической философией.

Выше уже отмечалось, что философия Ницше лишена обычной социальной демагогии, рассчитанной на обман широких масс. Более того, Ницше иногда преднамеренно щеголяет своей ненавистью к народу, к трудящимся, своим аморализмом и т. д. Это, конечно, не означает, что Ницше обходится или может обойтись без демагогии, без какой-либо маскировки своих махрово реакционных воззрений. Само кокетничанье обнаженной циничностью и парадоксальностью суждений уже есть один из демагогических приемов, при помощи которых Ницше пытается дискредитировать каждое объективное мировоззрение и понятие истины вообще, осмеять моральные нормы и критерии, установленные предшествующей гуманистической философией, и отбросить совесть.

Ницше — очень тонкий и опытный демагог. Свою задачу он видит в том, чтобы отвлечь интеллигенцию от освободительного движения эпохи, вырвать ее из-под влияния марксизма, с одной стороны, и философского пессимизма — с другой, и сделать духовным двигателем и носителем агрессивной идеологии империализма. Это определяет направление и характер его демагогии. Он пытается воздействовать на умы интеллигенции прежде всего своей философской проблематикой (философия культуры и этика), явно обращенной к этому социальному слою. Встревоженная прогрессирующим упадком буржуазной культуры и разложением буржуазной нравственности, не знающая экономических причин этого упадка и разложения, далекая от народа и чуждая ему, империалистическая интеллигенция увидела в Ницше своего идейного вождя. Стоящие на распутье буржуаз-

ные интеллигенты охотно восприняли выводы Ницше в области культуры и этики. Им льстила апелляция к «свободным умам», творящим мир искусства и эстетические нормы для самих себя, его презрение к «черни», к трудящимся, якобы угрожающим мировой культуре.

Первой ласточкой, возвестившей популярность Ницше среди буржуазной интеллигенции, была статья датского литературного критика Георга Брандеса «Аристократический радикализм», опубликованная в 1889 году. Выражение «аристократический радикализм» получило одобрение самого Ницше и впоследствии стало излюбленным изречением фрондирующих буржуазных интеллигентов. Ницше привлекает Брандеса главным образом как «философ культуры», провозгласивший в качестве конечной цели человечества выращивание и воспитание касты избранных творцов культурных ценностей, ради которых «человек должен жертвовать своим маленьким счастьем». Брандес пленился Ницше и как философом-моралистом, восставшим против «благоговения к унаследованным нравам» и восстановившим «справедливость по отношению к свободным людям», то есть, по представлению автора статьи, к избранным творцам культуры. Брандес причисляет Ницше к «перворазрядным мыслителям», сумевшим глубоко проникнуть в человеческую природу и указать человеку его истинную цель, открыть новые перспективы и горизонты. Правда, он вынужден признать, что философия Ницше «мало оригинальна», но это не препятствует ему провозгласить защищаемого им нового философа «прозорливцем и ясновидцем будущего»¹.

Выученик Ницше, небезызвестный французский писатель Андре Жид, рекламирует своего учителя как певца «радости и экзальтации, буйного здоровья страждущих и больных, высшего здоровья, завоеванного и обретенного вновь». Он ставит Ницше в один ряд с такими великими писателями-реалистами, страстными борцами за освобождение человека от ханжеской буржуазной морали, как Г. Ибсен; Ф. Достоевский и Л. Толстой, настойчиво подчеркивая при этом в их творчестве

¹ См. Г. Брандес. Собр. соч., т. 14. Изд. «Просвещение».

те слабые стороны, которые обычно преднамеренно выпячиваются реакционными критиками.

Подобные параллели объективно являются насилием над исторической правдой, но тем не менее апологеты ницшеанства всегда прибегают к ним, когда речь заходит о Ницше как философе — моралисте и психологе. С этих позиций, например, написаны работы Л. Шестова¹. Иногда этот прием используется в общепhilosophическом плане. Так, Артур Баумгартен, рассматривая историю западноевропейской философии второй половины XIX столетия, выдвигает в противовес марксизму имена Толстого, Достоевского и Ницше, ссылаясь на них как на всемирно известных мыслителей, поддерживающих в эту «дурную», по мнению всех врагов марксизма, эпоху «священный огонь подлинной философии»².

Ницше воздействует на буржуазную интеллигенцию не только своей философской проблематикой, но и литературной манерой письма, умением соединять философию с поэзией, которое так пленяет буржуазного интеллигента. Философия Ницше эклектична и противоречива. Его научные познания поверхностны, сбивчивы. Он изрекает свои «истины» с библейским величием, мало заботясь об их научной аргументации. Однако ловить его на противоречиях бесполезно. Дело в том, что он часто преднамеренно не сводит концы с концами, спекулирует на двойственной природе противоречий, заставляет их работать на себя, чтобы достигнуть иллюзии правдивости и убедительности. В этой субъективной, софистической гибкости понятий таится огромная опасность для неискушенного в философии ума.

Ницше не только мастер софистики. Он поэт, художник, обладающий несомненным даром облекать свои мысли в поэтические одежды. Грубый субъективизм оценок никогда не выступает у Ницше без прикрас. Бездоказательная отсебятина, которой изобилуют его произведения, подается в яркой эмоциональной окраске и зачастую звучит как затаенная исповедь, лирическое откровение. Стиль для Ницше — оружие, и он умеет им

¹ См. Л. Шестов: Добро и зло в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. Изд. 1907; Достоевский и Ницше. Изд. 1903; Апофеоз беспочвенности. (Собр. соч., т. 4. Изд. «Шиповник»).

² См. А. Baumgarten. Die Geschichte der abendländischen Philosophie. Geneve, 1945, S. 365.

пользоваться. Его излюбленной литературной формой является афоризм, где авторская мысль развивается не в порядке последовательного силлогизма, а с пропусками логических звеньев, прихотливо, скачками. Читателю предоставляется широкая возможность толковать текст по собственному усмотрению. Эта подмена логических категорий расплывчатыми художественными образами, символами имеет служебные, демагогические функции. К этому следует прибавить еще псевдореволюционный пафос, с которым Ницше бросается в мнимое сражение с современностью и который так созвучен душе буржуазного и мелкобуржуазного индивидуалиста.

Наряду с бездоказательной отсебятиной в афоризмах Ницше встречается немало глубоких и метких замечаний, звучащих правильно и даже «революционно». Архиреакционная по содержанию «переоценка всех ценностей» нередко сопровождается резкой по форме критикой тогдашних немецких порядков, дряблости и половинчатости немецкой буржуазии, остроумными выпадами против «торгашеского духа» эпохи, буржуазного парламентаризма и «образованного филистерства», против христианства и ханжеской буржуазной морали и т. д.

Искусная софистика, полемический задор, яркая поэтическая оболочка ввели в заблуждение некоторых прогрессивных деятелей культуры, которые восприняли реакционную философию «переоценки ценностей» как поэтическое иносказание, как призыв к борьбе за правду жизни, за возвышение человека. Это заблуждение разделяли: Стефан Цвейг, считавший Ницше «великим правдолюбцем», горячим «поклонником истины», «революционером духа»¹; Томас Манн, небольшая работа которого «Философия Ницше в свете нашего опыта», опубликованная в 1948 году, выдвигается проповедниками ницшеанства как заслон, прикрывающий их пропагандистские маневры по реабилитации Ницше²; Бернард Шоу и др.

Реакционные философы и теоретики искусства, спекулируя на таких фактах, стараются извлечь из них вы-

¹ См. С. Цвейг. Собр. соч., т. X. Изд. 1932.

² См. Th. Mann. Nietzsches Philosophie im Lichte unserer Erfahrung. Berlin, 1948.

воды о плодотворном влиянии Ницше на развитие всей мировой культуры. Подобная точка зрения навязчиво проводится, например, Э. Геллером и И. Ростойчером. В действительности же культура XX столетия, в том числе и буржуазная культура в лице ее лучших представителей, к которым принадлежат С. Цвейг, Т. Манн, Б. Шоу и другие художники, искусственно причисляемые к ницшеанцам, развивалась под воздействием иных факторов. Гуманистическое творчество этих выдающихся писателей, взятое в целом, не имеет ничего общего с ницшеанством. Их позитивное отношение к Ницше является следствием ложного представления о его философии. Последовательное проведение принципов ницшеанства в художественном творчестве, как свидетельствует судьба А. Жида, Г. Гауптмана, А. Мальро и т. п., неизбежно приводит художника к творческому закату и политическому ренегатству. Широкая популярность Ницше в западных странах духовно разоружила и развратила значительную часть буржуазной интеллигенции, отупила ее сознание, деморализовала перед наступлением фашизма, подготовила переход в лагерь фашистской реакции. Те же цели преследуют проповедники ницшеанства и в наши дни, в дни великой размежевки сил, когда каждый мыслящий человек должен определить, «куда идти и в каком сражаться стане».

Эмоционально-напряженная, взбудораживающая в неустойчивом, надломленном капитализме человеке затаенные животные инстинкты, растлевающая душу и разум, философия Ницше служит утешением и для мелкого буржуа. Ошеломленный своим шатким положением в современном обществе, ищет он призрачный выход к спасению в бегстве по ту сторону добра и зла. Так было в Германии, где мелкая буржуазия стала добычей фашизма. На это делают ставку и современные апостолы ницшеанства.

Люди, слабо закаленные в политической и идейной борьбе, легко позволяют увлечь себя показным радикализмом. В философии Ницше их обычно поражает парадоксальность и резкость оценок, мнимое бунтарство и дух отрицания. Ницше как бы открывает им глаза на некоторые отвратительные стороны буржуазной действительности, вызывает в них чувство протеста и возмущения либеральным ханжеством и псевдодемокра-

тизмом буржуазного общества. Известны случаи, когда ницшеанство служило в какой-то мере первым побудительным мотивом к выступлениям против политического и морального лицемерия либеральной буржуазии. Это создавало и еще продолжает кое-где создавать иллюзии о возможности использования «критической струны» ницшевской философии в борьбе с буржуазным либерализмом, мещанством, христианской нравственностью и другими «пороками» капиталистического строя¹.

Ницшеанство, рассматриваемое в целом как совокупность взглядов, нигде, никогда и никому не открывало пути к революционному действию. Напротив, сознательное участие в борьбе против капитализма на стороне рабочего класса приходит лишь в процессе преодоления воздействия ницшеанской философии (если последнее имело место). Воинствующая активность ницшеанства контрреволюционна. Радикальная фразеология, которой бравирует Ницше, — это, выражаясь его собственным стилем, лишь «рыболовный крючок» в философской системе «переоценки всех ценностей», приманка, хитроумно рассчитанная на промежуточные общественные слои, потерявшие ясную перспективу на

¹ Следует отметить, что показной радикализм в «переоценке всех ценностей» иногда принимался за чистую монету некоторыми критиками-марксистами. Так, А. В. Луначарский, остро критиковавший «злостный и упорный аристократизм» Ницше, в то же время приветствовал мнимую ницшевскую «влюбленность в расцвет жизни», отдавал ему «дань восхищения» за борьбу с «христианством, мелкой мещанской моралью» и т. д. (см. А. В. Луначарский. Мещанство и индивидуализм. Госиздат, 1923, стр. 23—24). Эти же взгляды развивал М. Б. Лейтейзен — автор книги «Ницше и финансовый капитал» (Госиздат, 1928), которую Луначарский снабдил похвальным предисловием. Отдельные деятели культуры, причисляющие себя к марксистам, например Анри Лефевр, пытались использовать ницшеанство в идейной борьбе с фашизмом (см. H. Lefebvre. Nietzsche, Paris, 1939). В среде правых социал-демократов были попытки сблизить ницшеанство с марксизмом или, вернее, подменить марксизм ницшеанством. Показательна в этом отношении книга А. Левенштейна «Фридрих Ницше в оценке рабочего класса» (A. Levenstein. Friedrich Nietzsche im Urteil der Arbeiterklasse. Leipzig, 1914), в которой проводится постыдная для социалиста параллель между учением Маркса и империалистической философией Ницше, а в подтверждение «правильности» этого вывода подтасовываются высказывания «простых» рабочих, будто бы воспринимающих ницшеанство как философское выражение интересов пролетариата.

будущее. Липкая тина ницшеанства постепенно засасывает неустойчивого, выбитого из привычной колеи, надломленного капитализмом человека и в конце концов делает его жертвой реакции. Даже современные элигоны Ницше, крикливо рекламирующие «облагораживающее» влияние его философского евангелия на души и умы людей так называемого «свободного мира», не всегда осмеливаются взять на свою совесть грех отрицать, что философия Ницше помогла немецкому и итальянскому фашизму «воспитать тип массового убийцы в лагерях смерти»¹. Именно из буржуазной и мелкобуржуазной молодежи, духовно развращенной ницшеанством, фашистские демагоги охотно формируют ударные кулаки своей черной гвардии.

Ницше является одним из первых и наиболее ярких теоретиков поднимающейся империалистической буржуазии, зачинателем идейно-теоретического перевооружения, которое она предпринимает, вступая в полосу своего упадка и загнивания. На этом рубеже буржуазная философия навсегда порывает с прогрессивными традициями предшествующей философской и общественной мысли. Сопутствующее загниванию капитализма разложение гуманистического идейного наследия возмещается псевдофилософией, которая на место фактов действительности ставит субъективистский произвол, сознательное искажение объективных закономерностей природы и человеческой истории, ибо у нее нет иных средств, чтобы оправдать господство умирающего класса, вынужденного действовать вопреки исторической необходимости. Это не только «трагедия» Ницше, это трагедия всей современной реакционной философии, теоретически охраняющей империализм. Ницше служит для нее известного рода образцом воинствующей защиты этого строя, а потому ее представители вновь и вновь обращаются к нему в тщетных попытках создать действительную «политическую философию», способную противостоять всепобеждающей идеологии марксизма, и как-то заполнить «вакуум больших идей», который переживает ныне капиталистический мир.

¹ См. Н. Trumpler. Der Kampf um die Seele der Menschen, S. 39.

НИЦШЕ И ЕГО ВРЕМЯ

Фридрих-Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в семье сельского священника. Однако по унаследованным привычкам, по воспитанию, по образу мыслей он принадлежал к классу господ, которому он служил как философ. Его отец, Карл Ницше, пользовался, несмотря на свое скромное общественное положение, особым покровительством тогдашнего прусского короля. В семье, по свидетельству сестры и биографа философа — Е. Фёрстер-Ницше, свято охранялись патриархальные устои. Дети воспитывались в духе безответной преданности богу и земному государю, их тщательно оберегали от общения с простым людом, настойчиво внушали им чувство сословного достоинства и превосходства. Большое влияние на воспитание будущего философа оказало семейное предание о том, что его далеким предком был богатый и гордый польский граф Ницкий, бежавший из родной страны во время реформации и обосновавшийся затем в Пруссии. Ницше твердо уверовал в знатность и благородство своего рода и сохранил эту веру до конца своей жизни¹.

Шесть лет, с 1858 по 1864 год, Ницше провел в закрытом привилегированном учебном заведении в Пфорта. В аристократической атмосфере этой школы складывалось его мировоззрение, в основе которого лежит люта́я ненависть к общественному прогрессу и его носителям — народным массам. Уже в дневниках и письмах этого периода Ницше высказывает отдельные мысли, которые впоследствии снискали ему шумную славу «пророка» и «великого вопрошателя».

В идейной борьбе своего времени Ницше всегда занимал крайне правую позицию. Решающее воздействие на формирование его мировоззрения оказала философия Артура Шопенгауэра, с которой он впервые познакомился будучи студентом Лейпцигского университета, где он изучал классическую филологию. Юный Ницше целиком и полностью приемлет мрачный шопенгауэровский мир. Он видит в Шопенгауэре философа германского эллинизма, называет его своим руководителем, духовным от-

¹ См. E. Förster-Nietzsche. Das Leben Friedrich Nietzsches, Bd. I. Leipzig, 1895, SS. 10—28.

цом. И это не случайно. Философия, решительно отвергающая прогресс как выдумку мечтателей, угождающих толпе, утверждающая, что миром правит слепая, абсурдная воля и что сам мир, одушевленный ею, лишен всякого смысла, — эта философия более всего отвечала реакционным политическим воззрениям молодого Ницше.

Всем сердцем разделяет Ницше агрессивную политику прусского правительства, отдает восторженную дань поклонения Бисмарку, который железом и кровью осуществлял давнюю мечту прусских юнкеров и буржуа — основать в центре Европы сильную немецкую империю. Ницше сознает себя полноценным пруссаком и горячим патриотом, гордым новыми победами прусского оружия. Летом 1866 года, приветствуя разгром Австрии в битве при Садовой, Ницше в одном из своих писем писал: «Мы должны гордиться тем, что у нас есть такая армия... и такое правительство, которое имеет национальную программу не только на бумаге, но и с огромной энергией, с неслыханной затратой средств и крови на деле осуществляет ее... Никогда еще в течение последних 50 лет мы не были так близки к осуществлению наших немецких чаяний. Я постепенно воодушевляюсь тем, что не имеется никакого иного пути, кроме ужасной истребительной войны»¹. Ницше с наслаждением любит деятельность «железного канцлера». Он считает его именно тем человеком, который нужен Германии для того, чтобы обновить ее и повести по новому пути — по пути истребительных войн и победоносных завоеваний. Также восторженно встречает Ницше вести о победах прусских войск в войне против Франции в 1870—1871 годах. Он даже добывается зачисления в действующую армию и принимает участие в войне в качестве санитар-добровольца. В письмах к друзьям и родным Ницше восхваляет войну со всеми ее ужасами и бедствиями как целительное средство, которое будит человеческую энергию, тревожит уснувшие умы.

В 1868 году Ницше получает должность профессора классической филологии в Базельском университете.

¹ Цит. по книге: E. Förster-Nietzsche. Das Leben Friedrich Nietzsches, Bd. I, SS. 247—248.

С этого времени начинается его научная деятельность сначала как филолога, а затем как философа. Дальнейшая его жизнь, бедная, как и в прошлом, внешними событиями, тесно связана с идейной борьбой тех лет, хотя официальные биографы Ницше и пытаются представить его ученым-отшельником, отрешившимся от реальной действительности, замкнувшимся в сфере узконаучных, философских и психологических переживаний. Это далеко не так. Ницше жил и дышал воздухом своей эпохи, чутко и остро реагировал на политические и идейные события современности.

Деятельность Ницше как философа обычно принято делить на три периода. Первый период охватывает 1870—1876 годы. К этому времени относятся его работы по греческой культуре («Рождение трагедии», «Греческое государство», «Философия в трагическую эпоху Греции» и др.), «О будущности наших образовательных учреждений» и «Несвоевременные размышления». Все эти работы созданы под сильным влиянием Артура Шопенгауэра и Рихарда Вагнера. В произведениях второго периода (1877—1882 гг.) — «Человеческое, слишком человеческое», «Утренняя заря», «Веселая наука» — ощущается воздействие позитивистских идей Д. С. Милля, Г. Спенсера и особенно И. Бентама. В третьем периоде (1883—1888 гг.), в который написаны основные философские произведения Ницше — «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Генеалогия морали», «Сумерки кумиров», «Антихрист», «Ессе homo» и по-смертно опубликованная «Воля к власти», — он пытается освободиться из-под влияния своих идейных предшественников и создать оригинальную философскую систему. Однако эта периодизация относительна, ее можно принять лишь как этапы развития и становления философских воззрений Ницше. На протяжении всех трех периодов направление и содержание его философии остается принципиально тем же. Тот факт, что в первых двух периодах Ницше открыто и охотно признает преемственность своих взглядов от предшествующих философских течений, а в третьем низвергает всех кумиров, которым он поклонялся раньше, и крикливо рекламирует оригинальность и исключительность своей философии, отнюдь не меняет сути дела. Уже у молодого Ницше можно найти зачатки и наброски всех тех идей, которые он с откоро-

венным цинизмом разворачивает в своих основных произведениях. С другой стороны, как бы ни старался Ницше отмахнуться от предшествующих реакционных философских школ, из которых он вышел, он не может уйти от них, они прочно держат его в своем плену¹.

В 1879 году Ницше покидает Базельский университет и всецело отдается литературно-философской деятельности. Живет он большей частью в различных городах Италии, нелюдимо, в уединении, без близких и друзей, но внимательно присматривается к событиям в Европе. Здоровье его ухудшается. Книги его не находят читателя, ими увлекается лишь узкий круг его единомышленников, и он раздраженно жалуется на то, что его не понимают и не принимают.

Болезнь обостряется с каждым годом, раздражение растет с каждым новым произведением, выпускаемым им в свет. Он яростно возмущается заговором молчания вокруг него, негодует, мечет громы и молнии. Его все чаще и чаще посещает отчаяние, появляются признаки серьезного психического расстройства. Но он еще верит в свою звезду, надеется, что его время придет. «Когда-нибудь, — пишет он в разгар работы над «Волей к власти», — все будет иметь свой конец — далекий день, которого я уже не увижу, тогда откроют мои книги и у меня будут читатели. Я должен писать для них, для

¹ Периодизация литературно-философского творчества Ницше часто используется в целях фальсификации: искусственно противопоставляя первый и второй периоды третьему, некоторые буржуазные комментаторы пытаются доказать, что ницшеанство в его «чистом» виде представлено главным образом произведениями первых двух периодов, когда Ницше выступал как «чистый» философ культуры. В связи с этим наблюдается тенденция выбросить из списка его философских работ такое важное произведение, как «Воля к власти». На этой точке зрения стоит, например, Карл Шлехта — составитель и редактор последнего трехтомного собрания сочинений Ницше, изданного в Мюнхене в 1954—1956 годах. По мнению К. Шлехты, «Воля к власти» есть сумма разрозненных афоризмов, заметок для себя, не предполагаемых к печати. Допустим, что Шлехта прав в своем последнем утверждении (которое, кстати говоря, нужно ему для обоснования вывода, что философия Ницше не выходит за рамки «естественно-научного позитивизма последнего столетия»), но это не может изменить существа дела, так как «Воля к власти» не дает ничего принципиально нового по сравнению с работами, опубликованными самим автором.

них я должен закончить мои основные идеи»¹. Этот день был не так далек, но Ницше не увидел его. В январе 1889 года на улицах Турина Ницше настиг тяжелый приступ умопомешательства. Удар оказался роковым. После него Ницше прожил еще более 11 лет, ни разу не приходя в сознание, и умер 25 августа 1900 года.

Интерес к Ницше начинает бурно нарастать с середины 90-х годов. Это объясняется тем решающим сдвигом в экономике и политике капитализма, который завершился на пороге XX столетия. Благодаря этому сдвигу сложилась та социальная сила, которая увидела в Ницше своего предтечу и приняла его философию как символ своей веры, как евангелие. Этой силой была империалистическая буржуазия и ее интеллигенция.

Начало философской деятельности Ницше совпало с тем периодом, который ознаменован героическим подвигом парижских коммунаров. Первая пролетарская революция потерпела поражение. Европейская буржуазия праздновала победу, ликуя и неистовствуя на трупах мужественных парижан. Ей казалось, что идея революционного свержения ее господства отныне навсегда потоплена в крови парижских рабочих, что, напуганные зверской расправой с защитниками Коммуны, пролетарии не осмелятся больше посягнуть с оружием в руках на ее «священные» права. Но кровавая победа буржуазии была первым предвестником ее заката.

Уже в 70-х годах начинается поворот от «свободного» капитализма к империализму, который В. И. Ленин определяет как монополистический, загнивающий и умирающий капитализм. В экономической области этот поворот характеризуется усилением концентрации производства, ростом крупных монополистических объединений. Неизбежность концентрации производства Маркс и Энгельс констатировали еще в «Манифесте Коммунистической партии». В «Капитале» на основе глубочайшего теоретического и исторического анализа капитализма Маркс доказал, что эта концентрация на известной ступени своего развития неизбежно ведет к монополии. Дальнейший ход событий подтвердил этот вывод Маркса практически.

¹ Цит. по книге: Д. Г а л е в и. Жизнь Фридриха Ницше. Изд. 1911, стр. 273—274.

Широкая полоса развития монополистических объединений открывается после кризиса 1873 года. Концентрация производства идет настолько быстро, что уже в начале XX века монополии становятся основой всей хозяйственной жизни. «...Развитие капитализма, — писал В. И. Ленин, — дошло до того, что, хотя товарное производство попрежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам»¹.

Наряду с концентрацией производства идет концентрация банков. На базе слияния промышленного и банковского капитала возникает финансовый капитал, складывается финансовая олигархия, которая подчиняет себе не только экономику, но и определяет политику капиталистических государств. Растущие избытки капиталов устремляются за границу, в экономически слабо развитые страны и возвращаются оттуда удвоенными и утроенными. Усиливается колониальная экспансия, мир оказывается поделенным между горсткой великих держав. Движение капитализма вперед идет крайне неравномерно, скачками. Молодые хищники — Германия, США, Япония — стремительно обгоняют Англию и Францию. Но к столу капиталистических «яств» они пришли слишком поздно. «Бесхозные» земли уже заняты. На повестку дня ставится вопрос о переделе мира согласно новому соотношению сил. Назревают невиданные до сих пор вооруженные столкновения. Растут армии, разбухают военные бюджеты. Противоречия капитализма приближаются к крайней точке. Монополии втаскивают капиталистов в «какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»². Подготавливается материальная основа для социальной революции пролетариата. Растет, закаляется и политически организуется сам пролетариат.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 195.

² Там же, стр. 193.

Эти глубинные процессы, происходившие тогда в недрах капиталистического строя, отмечал уже Ф. Энгельс¹, а несколько позднее, когда признаки загнивания и упадка капитализма обозначились более зримо, они были всесторонне исследованы и глубоко теоретически обоснованы В. И. Лениным в его работах по империализму.

Конечно, буржуазные экономисты и философы не могли проникнуть в суть этих процессов, но они также не могли пройти мимо них, хотя и увидели лишь поверхность, внешнюю сторону явлений. А на поверхности все казалось пока спокойным, обнадеживающим. Кривая капиталистического производства лихорадочно лезла вверх. Монополии входили в силу. Мелкие и средние предприятия, не подчинившиеся их диктату, разорялись, гибли. Все уже становился круг магнатов финансового и промышленного капитала, создавалась привилегированная каста финансово-промышленной аристократии. Короли угля и стали, банковские и биржевые воротилы, Круппы и Тиссены, Шнейдеры и Крезо, Рокфеллеры и Морганы, Родзянки и Рябушинские — это они все более явно начинали хозяйничать во всех областях экономики и политики. Все в этом мире становилось им на службу, склонялось перед их алчной жадностью обогащения, перед их волей к могуществу, к власти. Они хозяева жизни. Им служат правительства, в их интересах ведутся грабительские колониальные войны, организуются походы на жизненные права трудящихся. Они грубо попирают всякие моральные нормы и традиции, им все можно, все разрешено, все позволено. Их господство можно считать упроченным на вечные времена, если бы не социализм — уже не призрак, а реальная угроза их могуществу, живое дело живых масс.

Именно в условиях зарождающегося империализма следует искать исторические корни нищестанства, его основных идей: воли к власти, учения о сверхчеловеке, аморализма, зоологического антидемократизма и т. п.

Поворот от «свободного» капитализма к монополистическому капитализму сопровождался прогрессирующим кризисом буржуазного демократизма. В борьбе

¹ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 261—262.

против феодальных институтов рвущаяся к политическому господству буржуазия охотно размахивала знаменем «свободы, равенства и братства». Теперь же, придя к власти и закрепив свое господство, она свертывает это знамя. Отныне его наследует пролетариат, единственный революционный класс, интересы которого совпадают с интересами трудящегося большинства. Требование свободы, равенства и братства перестает быть только фразой, оно становится действительным лозунгом борьбы против всякого гнета, против всякой эксплуатации. Таким образом, выкованное буржуазией в борьбе против феодализма оружие обращается в руках рабочего класса против нее же самой, и она справедливо видит в этом угрозу своему классовому господству. Уже в революциях 1848 года буржуазия выдвинула девиз старого, феодального общества: «Собственность, семья, религия, порядок». После поражения Парижской Коммуны она развертывает более решительное наступление на демократические права трудящихся, завоеванные ими в упорной классовой борьбе.

70—90-е годы отличаются от предшествующего периода «мирным» характером. «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос»¹. Страны Западной Европы вступают в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Всюду складываются пролетарские, социалистические по своему характеру партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои профсоюзы и другие общественные организации. Уроки Коммуны не прошли даром. Она обогатила революционный опыт пролетариата, его стратегию и тактику. «Париж рабочих с его Коммуной, — писал Маркс, — всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»². Коммуна всколыхнула в Европе социалистическое движение, показала силу гражданской войны, развеяла наивную веру в общенациональные

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 499—500.

стремления буржуазии. Она научила пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции. «Затишье», наступившее после Коммуны, было лишь временной передышкой, собиранием сил для решающих боев рабочего класса против буржуазии.

Путь к победе пролетариата в грядущих битвах освещает великое учение марксизма. Первый Интернационал, руководимый Марксом, принял на себя наследство Коммуны, объявив его достоянием рабочего класса. Марксизм становится господствующим идейным течением в рабочем движении. «Учение Маркса, — говорит В. И. Ленин, характеризуя этот период революционной борьбы, — одерживает полную победу и — *идет вширь*»¹. Соединенное с научным социализмом рабочее движение внушает буржуазии и ее приспешникам панический ужас. Для борьбы с марксизмом мобилизуется весь идейный арсенал, имеющийся в их распоряжении. На вооружение буржуазии принимаются все реакционные философские течения прошлых веков.

Появление нового идейного противника — марксизма, влияние которого особенно бурно растет после Парижской Коммуны, определило дальнейшее развитие всей буржуазной философии, всей идейно-философской борьбы последующих лет. Борьба между материализмом и идеализмом вступила в качественно новый период. Идеализм встретился теперь с могучим, непобедимым противником — с диалектическим материализмом, с философским учением, «вылитым, по выражению В. И. Ленина, из одного куска стали», свободным от недостатков старого, метафизического материализма, неуязвимым в своих теоретических основах и предпосылках. В этих условиях идеализм вынужден перестраивать свои боевые ряды, искать новые методы и приемы борьбы, принимать новые формы. Одной из таких форм является ницшеанство, возникшее одновременно с другими направлениями буржуазной философии того времени (махизм, прагматизм, «философия жизни» и т. п.) как реакция на марксизм и первую пролетарскую революцию.

Упадок буржуазной философии обнаруживается еще до революции 1848 года. Утвердившаяся у власти буржуазия требовала практически полезного знания. Из

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545—546.

этих требований рождается позитивизм О. Конта и его разновидности — утилитаризм Д. С. Милля, Г. Спенсера, наиболее распространенные и влиятельные буржуазные философские течения того времени. Задача этой философии сводилась к тому, чтобы очистить от мистики и схоластики путь для развития естествознания, но при этом уберечь естественные науки от материализма и атеизма. Ее научный идеал сводился к деляческому, эмпирическому познанию без проникновения в сокровенную природу вещей, к приобретению только тех научных сведений, которые необходимы для удовлетворения повседневных практических потребностей буржуазии. Наряду с этими двумя ведущими философскими направлениями предпринимаются некоторые попытки возродить старый, механистический материализм (Молешотт, Бюхнер и т. д.). Довольно сильным было влияние А. Шопенгауэра.

Буржуазная философия временно теряет свою былую активность. Философская мысль отказывается от претензий дать ответ на самые глубокие вопросы, поставленные человечеством. Ее роль ограничивается надзором за тем, чтобы никто не смел выходить из пределов, очерченных естественными науками, и не осмеливался извлечь из общественных наук такие идеи, которые могли бы поколебать устои господствующего строя. В новых условиях, сложившихся в 70—90-х годах, буржуазия уже не могла довольствоваться «охранительными функциями» своей философии. Она ставит перед философами новые задачи: подорвать влияние марксизма, «теоретически» опровергнуть диалектический и исторический материализм, обезоружить рабочее движение.

Все усилия буржуазной философии в этой новой исторической обстановке сводятся к тому, чтобы решить эти неразрешимые задачи. На философском фронте происходит известное «оживление». Появляются «оригинальные» философские школы и направления, разворачивается «критика» профессорской философской науки, пребывающей в неизменном виде. Начинается «переоценка» старых идейно-философских ценностей. Из прежней философии отбираются наиболее реакционные, махровые учения, которым придается наукообразный вид. Буржуазная философия становится более агрессивной, воинственной. Она обращает свои взоры прежде

всего на интеллигенцию, деморализованную кризисом буржуазной идеологии, старается указать ей какую-то перспективу на будущее, способную удовлетворить ее желания и настроения, ибо только через интеллигенцию буржуазия может открыть дорогу к идейному воздействию на массы. Другого выхода нет.

Однако, несмотря на мнимую новизну и радикальные жесты новейших буржуазных философов, основа буржуазной философии остается непоколебленной, эволюция по сравнению с предшествующим периодом ведет ее в сторону еще большей реакционности, прямого мракобесия и поповщины. Наиболее резким нападкам подвергается идея общественного прогресса. Об этом пишут иногда с большой горячностью и пафосом, соединяя реакционное содержание критики с мнимой революционностью. За этими нападками скрывается тот реальный факт, что капитализм превратился в препятствие для дальнейшего развития общества, стал тормозом общественного прогресса.

Одной из характерных черт, определяющих многие философские течения эпохи империализма, является попытка найти «третий путь» в философии, встать над материализмом и идеализмом. И идеализм, и материализм объявляются опровергнутыми новейшими достижениями науки и практики. Подобная постановка вопроса берет начало частью в философии Ницше, частью у Маха и Авенариуса. Этот трюк не случаен. Раньше, до появления марксизма, идеализм вел борьбу с материализмом с открытым забралом, под собственным флагом. Дело в том, что домарксовский материализм обладал существенными недостатками и слабостями, которые значительно облегчали его противнику борьбу с ним. Это очень хорошо понимал, например, Гегель. В сражении с метафизическим материализмом гегелевская идеалистическая диалектика одержала не одну крупную победу. С Гегеля начинается длительная полоса господства идеализма в западноевропейской, особенно в немецкой, философии. «Это было, — отмечал Ф. Энгельс, — триумфальное шествие, длившееся целые десятилетия и далеко не прекратившееся со смертью Гегеля»¹. Пер-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 346.

вый удар по гегелевской философии нанес Л. Фейербах. Но он «не одолел Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону как нечто негодное к употреблению...»¹.

После революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, положение резко и решительно изменилось. Материализм, органически соединенный с диалектикой, становится необоримой силой. Добросовестно аргументированная критика материализма теперь уже невозможна. Для идеализма остается лишь один выход—отвергнуть материализм с порога, объявить его опровергнутым. Чем ниже падает уровень способности бороться против идейного противника, тем чаще прибегает буржуазная философия к грубой фальсификации, к угрозам и кавалерийским наскокам, тем сильнее на место прежней научной полемики выступает демагогия, искажение, софистика. Материализм «опровергнут». Чем? Достижениями современного естествознания. Этот основной тезис, выдвигаемый в борьбе против материализма, открывает буржуазным философам широкие возможности для спекуляции на успехах естественных наук. Наступление на материализм идет под прикрытием лжеобъективности, сопровождаясь для большей убедительности критикой формализма в теории познания, критикой справа, идущей рука об руку с апологией крайнего субъективизма и интуиции.

Что представляет собой в действительности «третий путь» в философии,—это с исчерпывающей ясностью показал В. И. Ленин на примере махизма. «Через *все* писания *всех* махистов,—писал он,—красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а *на деле* вся эта братия *ежеминутно* оступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом. Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а *на деле*, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений од-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 366.

на и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу»¹.

«Третий путь» означает не что иное, как возврат буржуазной философии на столетия назад — к Канту, Юму, Беркли. Объективные закономерности, по которым развивается мир, отвергаются. Более того, сам объективный мир, независимый от сознания человека и человечества, объявляется несуществующим, превращается в «комплекс ощущений», в «волевой акт». «Стыдливый» агностицизм, господствовавший в буржуазной философии доимпериалистического периода, уступает место субъективистскому произволу, волюнтаризму и в конечном счете мифотворчеству. Назначение мифа заключается в том, чтобы окутать туманом, скрыть прогрессивные выводы из достижений науки, развенчать разум, вытеснить науку отовсюду, где она противоречит реакционным интересам буржуазии. Унаследованная от агностицизма субъективно-идеалистическая теория познания выполняет теперь новую роль, которая заключается в создании псевдообъективных конструкций, стирающих грани между научным знанием и мифологией. Тяготение к мифотворчеству, еле заметное в махизме и вполне очевидное у Ницше, достигает своей кульминации в наши дни. Мифотворчество становится, так сказать, теоретической основой авантюристической политики империализма. Достаточно сослаться на миф о «красной коммунистической опасности» и новый модный миф о «добре (США) и зле (СССР)», которыми официальные государственные деятели империалистических стран и ученые приказчики монополий устраивают людей, сбитых с толку военной истерией, и пытаются оправдать безумную гонку вооружений, или на миф о «народном капитализме», посредством которого империалистическое рабство с удивительной легкостью мысли превращается в рай для трудящихся, и т. п.

Вместе с тем при переходе капитализма в империализм у буржуазии и ее интеллигенции в значительной мере оживляется интерес к мировоззренческим проблемам. Если в предшествующий период буржуазная философия не особенно охотно касалась общих идеологических вопросов и считала прежние поиски единого миро-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 326—327.

воззрения бесполезным и ненужным делом, то теперь она снова вынуждена приковать к ним свои взоры. Она имеет теперь перед собой могущественного противника, вооруженного цельным жизнеутверждающим мировоззрением, зиждущимся на непоколебимой научной основе, мировоззрением, завоевывающим на свою сторону широчайшие трудящиеся массы. В этих условиях буржуазия не может не мечтать о «новой» идеологии, которая могла бы внушить ей бодрость, спокойствие духа, уверенность в завтрашнем дне и отвлечь трудящихся от настоящего социализма.

Эти непрекращающиеся до сих пор поиски мировоззрения сами по себе служат признаком глубокого кризиса буржуазной философии. Какое мировоззрение могут создать философы обреченного на гибель класса? Что могут они предложить в качестве мировоззренческих принципов трудящимся, которые все активнее и решительнее поднимаются на борьбу против мук и ужасов капиталистической эксплуатации? У них для этого имеется лишь одно средство, один рецепт — изобразить судьбу человека в буржуазном обществе как трагический рок всех времен и народов, объявить капиталистические порядки фатально предопределенными, вечными и внушать массам мысль о тщетности борьбы за свое освобождение.

Итак, в преддверии империализма идеологические потребности господствующего слоя буржуазии вступают в противоречие с идеями и идеалами предшествующей эпохи. Со вступлением в полосу упадка буржуазия была вынуждена отказаться от прогрессивного наследства классической буржуазной философии.

Возникающие в это время новые философские школы и течения содержат в себе элементы мнимого, демагогического протеста. В области мировоззрения они ищут выхода в создании произвольных псевдообъективных конструкций, якобы поднимающихся над материализмом и идеализмом, в сознательном искажении реальной действительности, а в общественно-политической области — в призывах к утверждению какого-то «нового порядка», в рамках которого непримиримые противоположности — буржуазия и пролетариат — могли бы существовать при помощи самых крутых мер, гарантирующих ничем и никем не ограниченное господство крупного капитала. Эта иллюзия порождает у теоретиков бур-

жуазии известный активизм, толкает на поиски более действенной политической философии, враждебно противостоящей научному мировоззрению и освободительному движению трудящихся — социализму и демократизму. Активизация буржуазной философии происходит на базе самых реакционных идей всех прошлых эксплуататорских идеологий. Идеологи буржуазии настолько прикованы к этому материалу, что не могут, как доказал В. И. Ленин на примере махизма, прибавить к нему ни одной новой мысли. Они лишь эклектически смешивают друг с другом обветшалые формы идеализма.

Общая цель — борьба против диалектического и исторического материализма, социализма и демократии — придает различным направлениям буржуазной философии определенные общие черты: завуалирование действительности, отрицание объективных законов развития природы и общества, отрицание познаваемости реального мира, чтобы открыть двери философскому волюнтаризму и крайнему агностицизму, которые становятся главным оружием мировоззренческой контрреволюции.

Отмеченные выше некоторые особенности буржуазной философии эпохи перехода от «свободного» капитализма к империализму являются общими для всех буржуазных философских течений того времени; в нищезанятости же они проявляются более определенно и ярко. Эта общность нищезанятости с другими философскими направлениями империалистической философии свидетельствует о его «интернациональном» характере. В эпоху, отмеченную, с одной стороны, картелями и трестами, а с другой — международным рабочим движением, капитал, по замечанию Ф. Меринга, «создал новую касту, царящую над Европой, и эта каста по своему существу с ног до головы выкроена по одному шаблону и совершенно одинакова и в Лондоне, и в Риме, и в Мадриде, и в Москве»¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее первым глашатаем и певцом стал немец Ницше и что впоследствии наемные писатели буржуазии объявили его бредовые философские идеи «последним словом земной мудрости».

¹ Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. I. Изд. «Академия», 1934, стр. 468.

Наряду с «интернациональными» чертами философия Ницше несет на себе также и национально-немецкую окраску. На его философские построения очень сильное воздействие оказали особенности развития германского капитализма в данную переходную эпоху, то есть в 70—90-х годах. Здесь прежде всего следует искать ключ к некоторому своеобразию философии Ницше, которое еще до сих пор продолжает смущать наиболее щепетильных дипломированных философов империалистической буржуазии.

Немецкая буржуазия, в силу исторически сложившихся условий, никогда не могла похвастаться своей революционностью. Еще в юности она была напугана яacobинскими крайностями французской революции. Накануне буржуазной революции в самой Германии она встретила лицом к лицу с рабочим классом, который, правда, был еще малочислен и слабо организован, но уже восстанием силезских ткачей показал, на что он способен. Революцию 1848 года немецкая буржуазия постаралась завершить без народа, за его спиной, полюбовной сделкой с юнкерством, трусливо предав общенациональные интересы, которыми она ранее щеголяла. Закончившаяся позорным компромиссом, революция не могла привести к радикальной расчистке пути для свободного развития буржуазных отношений. Юнкерское землевладение осталось почти незатронутым. Развитие капитализма, особенно в деревне, шло по-прежнему мучительно медленно, на основе реформ сверху, путем приспособления старой, феодальной, собственности на землю к потребностям капиталистического развития страны. Усиливается обнищание и разорение массы крестьянства, растет деревенская буржуазия — грессбауэры. Окончательная победа этого пути определилась в 1871 году. Капитализм стал господствующей силой во всех областях хозяйственной жизни, но юнкерство на протяжении многих десятилетий удерживало свое политическое преобладание. Так сложилась та своеобразная экономическая и политическая форма организации, которую В. И. Ленин называл юнкерско-буржуазным капитализмом.

Таким же «прусским» путем была решена и другая задача развития капитализма в Германии — задача воссоединения страны, образования единого национального

государства. Напуганная революционным гневом народа, буржуазия и здесь блокировалась с юнкерством, чтобы воспрепятствовать революционному осуществлению этой задачи и решить ее средствами насильственного объединения многочисленных германских княжеств и государств под эгидой прусского короля. Отражением этого компромисса является политика «железа и крови», столь настойчиво и решительно проводимая Бисмарком. Правда, буржуазия иногда фрондировала, играла в оппозицию, но победоносная для Пруссии война против Австрии в 1866 году и последовавшее вслед за этим образование Северогерманского союза утихомирили ее оппозиционные порывы. После поражения Франции в войне 1870—1871 годов последовало окончательное примирение. Препятствия к объединению Германии были устранены. В центре Европы образовалось новое крупное, сильное в военном отношении государство — Германская империя.

Примирение было закреплено общеимперской конституцией, принятой учредительным рейхстагом 16 апреля 1871 года. Конституция снимала все преграды для развития промышленности и торговли, устанавливала единство монеты, мер и весов, свободу промыслов и передвижения. Буржуазия же, со своей стороны, оставляла в руках дворянства всю реальную политическую власть. Из дворян, особенно из прусского юнкерства, вербовались большая часть чиновничества и командный состав армии. Старая полицейская власть оставалась в полной силе. Таким образом, прусская буржуазия, как отмечал Энгельс, «покупает свое постепенное общественное освобождение ценою прямого отказа от собственной политической власти... Главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такой договор, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом»¹.

За поражением революции последовала жесточайшая политическая реакция. Тон, как всегда, задавала Пруссия. Свобода печати, союзов и собраний и некоторые другие демократические свободы, которые рабочий класс завоевал в ходе революции, вскоре были уничтожены и заменены грубым полицейским произволом. Ха-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 140.

рактеризуя послереволюционные порядки в Германии, К. Маркс писал: «Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступать в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торгового дела, ни учить, ни учиться, ни созвать собрания, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни делать чтобы то ни было... без разрешения начальства»¹. Но как бы ни злобствовала реакция, она не могла убить революционного духа, вошедшего в живую душу народа.

Уже в 60-х годах, по мере роста численности и организованности пролетариата, рабочее движение вновь поднимает голову. Оно еще слабо и заражено лассальянством, но постепенно идет вширь и вглубь. В 1869 году на конгрессе в Эйзенахе оформилась социал-демократическая партия, примкнувшая к I Интернационалу. Нарастало недовольство и в среде трудового крестьянства, изнывавшего под двойным гнетом. Страх перед новым возможным революционным взрывом все решительнее толкал буржуазию в объятия юнкерства и прусской военщины. Она охотно благословляла самые жестокие карательные полицейские меры, направленные против рабочих и крестьян.

В идейном отношении эта эпоха нашла свое наиболее полное отражение в философии Артура Шопенгауэра и Эдуарда Гартмана.

Разочарование после поражения революции 1848 года породило среди немецкой интеллигенции бесперспективность, пессимизм, глубокую духовную подавленность. Началось повальное бегство от общественной деятельности, уход в себя. Философия Шопенгауэра дает «теоретическое» обоснование этому бегству. Капиталистическое общество не является более свободной гармонической игрой сил, в которой зло всегда бывает побеждено, а добро торжествует. Слишком уж явно проявляется склонность капитализма к кризисам, чтобы, даже подкрасив, можно было выдать его за гармоничный строй. В связи с этим Шопенгауэр видит и признает все несовершенное в современном ему обществе, но изображает его как неотъемлемую часть самого миропорядка. Все плохое, несправедливое, все те ужасы и превратности судьбы, которые подстерегают на каждом шагу челове-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 444.

ка в капиталистическом обществе, — все это объявляется категориями, присущими мирозданию и вечно необходимыми. Надежды на улучшение общественного строя нет, и мыслящему человеку не остается ничего иного, как уйти от этого несовершенного мира, замкнуться в себя и держать свою духовную сущность в стороне от общественной жизни и политической суетности. К этому, кратко говоря, сводится затаенный смысл шопенгауэровской философии.

Судьба Шопенгауэра как философа во многом напоминает судьбу Ницше. Главное произведение Шопенгауэра — «Мир как воля и представление», в котором сформулированы основные положения его доктрины, вышло в свет в 1818 году. Волюнтаристская метафизика и иррационализм этой доктрины, если рассматривать ее с точки зрения борьбы философских направлений того времени, представляют собой реакцию против гегелевской диалектики и рационализма. В 40-х годах, когда завершился распад гегелевской школы и материализм снова был восстановлен в своих правах, Шопенгауэр обращает острей борьбу против философского материализма. С точки зрения идеологической, философия Шопенгауэра является отражением настроений немецкого мещанства предреволюционной эпохи. В то время, когда передовая часть буржуазии мечтала о крупных общественных преобразованиях и устами Гегеля и его учеников взывала к разуму и социальной справедливости, ее реакционная часть, ревниво оберегая «свою» собственность, искала покойной жизни под охраной юнкерства и солдатских штыков. Ее страшили редкие и робкие в среде немецкого бюргерства вспышки революционного духа. С затаенной злобой и нескрываемым страхом взирала она на первые, еще не организованные и разрозненные выступления пролетариата, ужасаясь перед грядущей революцией. Замкнутая в узком кругу обывательских интересов, она думала только о собственном благополучии. Сын банкира, живший на ренту с унаследованного капитала, Шопенгауэр был духовной копией этого слоя немецкой буржуазии.

В условиях предреволюционной ситуации философия Шопенгауэра не могла найти поддержки в образованных кругах немецкой нации. Масса интеллигенции, воспитанная на традициях классической философии, не смог-

ла принять «новую» систему, открыто и резко противопоставленную этим традициям. Пусть революционность немецкой буржуазии была поверхностной и преходящей, но недовольство прогнившим крепостническим режимом было настолько широким и всеобщим, что оно не могло не вовлечь в свой водоворот наиболее активную часть бюргерства, буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. В этой обстановке Шопенгауэр не мог рассчитывать на широкую популярность, его произведения остались вне поля зрения общественности, прошли почти незамеченными.

Поражение революции 1848—1849 годов резко изменило положение в стране. Поспешив закончить революцию сделкой с юнкерством, буржуазия капитулировала перед существующим строем, отреклась от первых своих идеологов, перешла на сторону «законного порядка». Надежда на революционные преобразования растаяла. Разочарования вызвали среди буржуазии и ее интеллигенции глубокую подавленность и растерянность. В этой мрачной политической и духовной атмосфере философия Шопенгауэра как бы родилась заново и обрела серьезную силу воздействия. «Пессимизм Шопенгауэра, — писал Ф. Меринг, — скудно обоснованный и упорно высмеивавшийся буржуазией до тех пор, покуда у ней оставалось хоть сколько-нибудь мужества, соответствовал охватившему ее похмелью после перенесенной ею в пятидесятых годах от бюрократически-феодальной контрреволюции трепки. Так как у нее уже не было никакой воли к политике, она охотно позволяла себя дурачить заманчивыми картинами просветления и «душевного штиля», который наступает тогда, когда сломлена всякая воля»¹. Шопенгауэр вдруг стал «властителем дум» немецкой интеллигенции. Его философия парализовала этот неустойчивый общественный слой, делая его бессильным перед наступлением реакции.

В конце 60-х — начале 70-х годов, когда ходом исторического развития немецкая буржуазия вновь начинает выдвигаться на передний край политической борьбы, мода на Шопенгауэра постепенно падает. Изменившиеся условия выдвинули новых идеологов, но шопенгауэровская философия становится той почвой, на которой вы-

¹ Ф. М е р и н г. Литературно-критические статьи, т. II, стр. 500.

растают наиболее реакционные философские течения последующей эпохи.

Лавры Артура Шопенгауэра унаследовал отставной прусский офицер Эдуард Гартман. Его первая работа — «Философия бессознательного», опубликованная в 1869 году, сразу же принесла ему широкую, длившуюся примерно два десятилетия популярность, которой так злобно завидовал Ницше. Философия «бессознательного» не отличается оригинальностью. Она являет собой окрошку из реакционных сторон философии Шопенгауэра и Шеллинга, Канта и Гегеля, модернизированных в интересах прямой апологетики буржуазно-феодальной немецкой действительности. Все, чего Гартман не понимал в природе и истории, он относил к области бессознательного. Пытаясь «устранить» «коренное различие» между духом и материей, он объявил и то, и другое двумя различными формами проявления единой лежащей в их основе сущности — «бессознательного», свел к этому единству бессознательного все многообразие явлений внешнего мира и внутренней, духовной и психической, деятельности человека, представив природу и историю как сумму особенно комбинированных актов воли бессознательного.

Философия Э. Гартмана, как правильно отмечал Ф. Меринг, была превосходной философией для тогдашней немецкой буржуазии, которая в 70-х годах «бессознательно» добралась до «самой вершины европейского культурного мира» и которой совсем не требовалось понимать, как она взобралась по этой лестнице»¹. К 70-м годам немецкая буржуазия серьезно укрепила свои экономические позиции, и, по мере того как крепла ее экономическая воля, она снова проникалась волей к политике. «Философия бессознательного» — это, по остроумному определению Ф. Меринга, «своего рода «ура-пессимизм», который, правда, еще жаловался на «безумный карнавал бытия», но в утешение добавлял, что пессимисту отнюдь не возбраняется пользоваться приятными благами мира сего, при условии, что он будет делать это «с тихим величием резины» и «благородной грустью» и при этом «будет преисполнен стремлением двигать вперед процесс развития человечества и при-

¹ Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. I, стр. 468.

ближать его к своим целям»¹. Философия «бессознательного» временно давала немецкой буржуазии утешение на этом перепутье, и, когда германский капитализм обрел, наконец, возможность беспрепятственного развития, Эдуард Гартман вскоре был заслуженно быстро забыт.

С национальным объединением страны, особенно после экономического кризиса 1873 года, в Германии начинается стремительный подъем всего промышленного производства. Ее индустриальное развитие идет более быстрыми темпами, чем во Франции и Англии. С 1871 по 1900 год добыча каменного угля в стране возросла более чем втрое, выплавка чугуна — более чем в 6 раз, железнодорожная сеть удвоилась. Бурно развивается электротехническая, химическая и другие отрасли промышленности. Уже в конце XIX века Германия по многим видам промышленного производства выходит на первое место в Европе.

Столь быстрое индустриальное развитие Германии было обусловлено образованием единого внутреннего рынка, молодостью германского капитализма (германский империализм, отмечал Ленин, был свежее, сильнее, организованнее, выше английского²), захватом у Франции Эльзаса и Лотарингии с богатыми залежами железных руд, пятимиллиардной контрибуцией, которой французский народ расплачивался за поражение Франции в войне с Пруссией. Немалое значение при этом имел также рост германского милитаризма.

Вместе с ростом промышленности происходит гигантская концентрация производства. Мелкая ремесленная промышленность быстро сходит на нет. Мелкие предприятия вытесняются крупными, крупные — крупнейшими. В 1887 году была основана знаменитая «Всеобщая электрическая компания». На предприятиях фирмы Круппа в конце 90-х годов было занято около 45 тысяч рабочих и т. д. Картели срачиваются с банками. Уже к началу XX века сложились те 300 всемогущих магнатов финансового капитала, о которых упоминает

¹ См. Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. II, стр. 501.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 277.

В. И. Ленин в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма»¹.

Но образующийся в стране «избыточный» капитал не мог найти у себя на родине поприщ прибыльного применения. Германский капитализм начинает ощущать с каждым годом все более обостряющуюся нужду в сферах вложения капитала, в рынках сбыта промышленной продукции — в колониях. Между тем колониальные владения Германии составляли всего лишь 1 миллион квадратных километров с населением в 14,7 миллиона человек. Она решительно встает на путь расширения своей «хозяйственной территории», на путь борьбы за «жизненное пространство». Она лихорадочно готовится к большой войне за новый передел мира. Растут ассигнования на военные цели, форсируется военное производство, увеличивается армия. Сколачиваются тайные военные союзы: в 1879 году заключается союз с Австро-Венгрией против России, к которому через три года присоединяется Италия, а его направление раздвигается — одним концом на Россию, другим на Францию. Буржуазия и юнкерство все больше и больше занимает навязчивая мысль о мировом господстве. С этой целью в начале 90-х годов создается так называемый «Пангерманский союз», объединивший ряд разношерстных организаций, военных и гражданских. Бисмарк выкидывает крылатый лозунг: «Сила — выше права!», который и ему, и его преемникам служит практическим руководством в осуществлении реакционной внутренней и агрессивной внешней политики.

Для немецкой буржуазии, писал Ф. Меринг, характеризуя данный отрезок германской истории (70—90-е годы), наступили тучные дни. «Она все больше нагнала и жирела, ее методы эксплуатации и угнетения развивались такими же гигантскими темпами, как и ее орудия производства». Ее охватила ненасытная жажда к наживе, к господству, бесстыдная страсть к наслаждениям, растаптывающая общепринятые нормы буржуазной нравственности. Тузы крупного капитала «стали с тем большей настойчивостью искать правового оправдания своего бытия, чем более бурно начал спрашивать об этом эксплуатируемый и угнетенный пролетариат. И тут-то

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 204.

Ницше со своей философией предстал перед ними как спаситель»¹.

Развитие германского капитализма при переходе в империалистическую стадию проходит при наличии многочисленных феодальных пережитков в экономической, общественной и идеологической жизни страны. Сохранялись кабальные средневековые формы эксплуатации крестьян и ремесленников. Остались нетронутыми многие сословные учреждения и привилегии. В новую эпоху были перенесены тевтонское неистовство и старопруссский милитаризм. В мощном государственном и военно-бюрократическом аппарате командная роль принадлежала юнкерству. Помещичьи хозяйства получали постоянные государственные субсидии. Но государство не забывало и о буржуазии. Последняя все больше и больше подчиняла его своей воле. Государство непосредственно способствовало концентрации капитала, активно вмешивалось в экономическую жизнь, насаждая госкапиталистические тенденции. Так рождалась разбойничья, хищническая империалистическая Германия, военно-деспотическое государство, подчиненное юнкерско-буржуазному империализму².

Бурное промышленное развитие неизбежно повлекло за собой нарастание классовых противоречий и революционизирование рабочих масс. После Парижской Коммуны германские рабочие, по выражению Ф. Энгельса, оказались в авангарде европейского движения³. На выборах в рейхстаг в 1874 году социалисты получили 352 тысячи голосов и провели в парламент девять своих депутатов. После объединения эйзенахцев и лассальянцев в Готе в 1875 году влияние социалистов в рабочем классе возросло еще больше. На выборах 1877 года объединенная партия получила уже около 500 тысяч голосов. Правящие классы были серьезно встревожены. Начинается дикая травля социалистов, и, наконец, в 1878 году рейхстаг принимает «исключительный закон», запрещающий деятельность социалистических организаций. Вместе с тем правительство Бисмарка делает некоторые уступки либерально-буржуазным элементам,

¹ См. Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. II, стр. 501.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 313.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 384.

заигрывает с умеренной оппозицией, затевает жалкую возню с социальным страхованием рабочих. Эта политика «кнута и пряника» была призвана сбить с толку трудящиеся массы, поколебать их доверие к социал-демократии.

Германская социал-демократия идейно и организационно была еще слаба, делала немало тактических ошибок, от которых ее настойчиво предупреждали великие вожди международного революционного движения Маркс и Энгельс, но при всех своих слабостях и ошибках она оставалась самой влиятельной в рабочем классе партий и представляла реальную опасность для правящих классов тогдашней Германии. Политика полицейских репрессий и игра в парламентаризм в борьбе с социалистами оказались явно недостаточными и несостоятельными. Поэтому для того, чтобы остановить рост их влияния, в ход были пущены все средства и меры идейного воздействия, которыми располагала немецкая реакция: махрово-идеалистические философские учения, разнузданная проповедь пангерманизма и расовой исключительности немцев, реакционные утопии о завоевании мирового господства с гарантией благоденствия каждому немцу, разжигание самых низменных человеческих инстинктов и т. п.

Из этих мутных, отравленных источников черпал Ницше вдохновение для своих философских откровений. Складывавшаяся веками идеология реакционного пруссачества не обошла его своим влиянием. Многие обветшалые «ценности» традиционного пруссачества были подвергнуты «переоценке», отброшены или видоизменены согласно новым обстоятельствам и практическим потребностям, некоторые же вошли в ницшеанство в первозданном виде.

Итак, нарождающаяся империалистическая буржуазия, немецкая в особенности, объективно нуждалась теперь в «новых философах», которые могли бы «теоретически» освятить ее чудовищные притязания, ее ненасытную жажду к обогащению, ее дикую волю к власти, к безраздельному господству. И такие философы появились. Первым среди них был Фридрих Ницше. Его философия, сложившаяся в период становления империализма, в годы временного затишья классовых боев и кажущегося упрочения европейского капитализма, несет

на себе неизгладимые черты той эпохи. Сознание все-
силия крупного капитала придает этой философии над-
менную откровенность, подчеркнутую агрессивность и
призрачный оптимизм. Предчувствие неизбежности
упадка, разложения буржуазного общества налагает на
нее клеймо многозначительной мрачности и безысход-
ности, бесшабашного авантюризма, оправдывающего
любую чудовищную жестокость обреченного на гибель
класса. В припадке животной жажды жизни этот класс
превращает волю к жизни во всезаглушающее стремле-
ние к власти; умирая, он прославляет свое паразитиче-
ское господство как высшее осуществление всей истории,
грезит о новых «жизненных пространствах», мечтает о
новых завоеваниях, которые укрепили бы его подорван-
ную изнутри мощь. Отживая свой век, он хочет найти
обоснование для своего дальнейшего существования,
хочет удержаться от падения при помощи философии,
поэтизирующей его неистовый произвол.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА «ОПЫТОМ ПЕРЕОЦЕНКИ ВСЕХ ЦЕННОСТЕЙ»?

Восходящая буржуазия в ее борьбе против феода-
лизма опиралась на универсальное прогрессивное миро-
воззрение. В новых исторических условиях, когда бур-
жуазия стала реакционным классом, тормозящим дви-
жение общества вперед, попытки ее теоретиков создать
цельное мировоззрение неизбежно терпят неудачу. Бур-
жуазная философия не может теперь найти научной
основы для такого мировоззрения: ни наука, ни обще-
ственная практика не могут дать материала для оправ-
дания капиталистического строя и, тем более, для дока-
зательства его прогрессивного характера. Поэтому она
не может решать коренные общественные проблемы, ее
интересы всецело прикованы к оборонительным зада-
чам, вставшим перед буржуазией особенно остро в пос-
ледней четверти прошлого столетия. Об этом свидетель-
ствует и пример Ницше.

Ницше создает свою философскую систему с чудо-
вишно-гипертрофированными претензиями на исключи-
тельную оригинальность и даже революционность. Он
считает себя «революционером духа», «динамитом»,
призванным взорвать всю прежнюю философию и соз-

дать не просто новую философскую систему, а евангелие будущего, где все общеобязательно и непогрешимо. Он доводит чувство собственного достоинства до восхищения, самолюбования собой и никогда не говорит о своих произведениях иначе, как о пророческих откровениях, выраженных в форме вечности. Он изображает себя «великим скептическим умом», в котором сосредоточилась «разрушительная работа всех веков».

Что же новое и оригинальное дает этот «великий ум»? В чем суть его «пророческих откровений»?

«Опыт переоценки всех ценностей» — таким подзаголовком сопровождает Ницше свое подытоживающее произведение — «Волю к власти». Этот тезис является исходным пунктом всех его философских построений. Под «ценностями» Ницше понимает прежде всего культурные и моральные ценности; по этим двум направлениям развертывает он критику предшествующей философии. Ницше выступает в роли ярого защитника истинной культуры, поборника высокого искусства и непримиримого врага современной ему морали. Внешне эта критика выглядит весьма радикально, на самом же деле под флагом «новаторства» в эстетике и этике Ницше осуществляет глубокую диверсию по всем линиям предшествующей прогрессивной идеологии.

Во времена Ницше буржуазная культура находилась в состоянии глубокого упадка или, применяя излюбленное самим Ницше определение, декаданса. Упадок принял характер затяжного, неизлечимого недуга. Выход из тупика ее представители могли найти только в переходе на позиции пролетариата — единственного наследника прогрессивных культурных традиций прошлого и создателя новых культурных ценностей. Здесь теоретик буржуазии неизбежно попадает в замкнутый круг: поскольку он не может покинуть своей классовой точки зрения, он объявляет хронический кризис буржуазной культуры закатом мировой цивилизации. Так поступает Ницше, а следом за ним — Г. Зиммель, О. Шпенглер, А. Тойнби и многие другие «защитники» культуры.

Ницше выходит на поле сражения под флагом борьбы за возрождение романтики и героики в искусстве. Его оценки некоторых проявлений буржуазной культуры часто метки, остроумны и ядовиты. С вызывающей резкостью обрушивается он на эпигонов просветительства,

на либеральных образованных филистеров, приспособляющих идеи буржуазного просвещения к невзыскательным вкусам мещанской публики. Но он, конечно, не понял и не мог понять истинных причин декаданса. Причины декаданса, по его представлению, лежат прежде всего и главным образом в «плебейском духе» эпохи, в демократизации культуры. Поэтому его критика культурных ценностей превращается в критику демократических и гуманистических тенденций в культурном наследстве. Что это именно так, а не иначе, — об этом говорит уже его первое произведение «Рождение трагедии», где исследование заданной темы превращается путем софистских вывертов в злобный пасквиль на революционные идеи французского просвещения. Одним из зачинателей декаданса является, по Ницше, Руссо. Он не скрывает ни своей ненависти к этому одному из наиболее радикальных деятелей французского просвещения, ни причин этой ненависти. «Я ненавижу Руссо еще в революции, — пишет Ницше в «Сумерках кумиров». — Кровавый фарс, в который разыгралась эта революция, ее «безнравственность» мало трогают меня, я ненавижу моральность, свойственную Руссо, так называемые «истины» революции, которыми она до сих пор воздействует на людей и склоняет на свою сторону все плоское и посредственное»¹. Яснее не скажешь.

Ницше ратует за «здоровье», аристократическое искусство, за искусство «большого стиля», которое служит избранным, «господам земли» и не делает никаких уступок «стадному инстинкту толпы». Наряду с лозунгом «воли к власти» он выдвигает лозунг «воля к красоте». Но эта «воля к красоте» отнюдь не означает обязательной защиты требования «искусства для искусства». Ницше — философ активного действия. С этой меркой он подходит также и к художественному творчеству. Он рассматривает художественное творчество как «измышление и исправление» мира, в «высшей степени заинтересованное исправление вещей», то есть как фальсификацию действительности в определенных целях; искусство есть внушение, опьянение, насилие, одна из форм проявления воли к власти. Выдвигая перед работника-

¹ Fr. Nietzsche. *Götzen-dämmerung*. Fr. Nietzsches Werke, Bd. X. Leipzig, 1906, S. 338.

ми буржуазной культуры задачу «обуздания науки посредством искусства», Ницше зовет их к мистике, о которую, по его представлению, заранее разбивается всякое научное знание¹.

Критика декаданса, которую дал Ницше, поставила вехи, по которым ориентируется современная буржуазная эстетика. Здесь лежит «секрет» его успеха среди той части интеллигенции, которая шумом о «революции» в искусстве стремится прикрыть свое прислужничество империализму. Сын нисходящего класса, Ницше встревожен кризисом буржуазной культуры, он ищет выхода, обращая свой взор то в прошлое, то в будущее капитализма, чтобы сохранить его настоящее, и утверждает буржуазный декаданс как плотину против уже возникшей, завоевавшей право на жизнь, быстро и бурно развивающейся новой, пролетарской культуры.

Высшим достижением мировой культуры Ницше считает греческое искусство героической, или, как говорит он сам, досократовской, эпохи, выросшее на рабстве и насквозь пропитанное тем «высоким», аристократическим стилем, о возрождении которого он так страстно мечтал. Рабство, поучает Ницше, принадлежит к сущности культуры. Общество, основанное на вере в земное счастье для всех, отрицающее необходимость рабства, не способно к истинному художественному творчеству: оно может создать лишь «плебейскую» культуру. «Для того чтобы была широкая, глубокая и плодородная почва для художественного развития, — говорит Ницше, — громадное большинство, находящееся в услужении у меньшинства, сверх меры своей индивидуальной потребности, должно быть рабски подчинено жизненной нужде. За их счет, благодаря избытку их работы, тот привилегированный класс освобождается от борьбы за существование, чтобы породить и удовлетворить мир новых потребностей.

Вследствие этого мы должны, скрепя сердце, выставить жестоко звучащую истину, что рабство принадлежит к сущности культуры... Страдание и без того уже тяжко живущих людей должно

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III. Изд. Клюкина, стр. 311.

быть еще усилено, чтобы сделать возможным созидание художественного мира небольшому числу олимпийцев»¹.

Мысль о том, что греческая культура выросла на рабстве, не вызывает возражений: это констатация исторического факта. Но здесь важно подчеркнуть другое, именно то, что Ницше спекулирует на этом факте, заставляет историю служить целям косвенной апологетики грядущего империалистического рабства: человечество немислимо без культуры, культура невозможна без рабства; чтобы спасти культуру от вырождения, а человечество от гибели, — для этого нужно снова возродить рабовладельческие порядки. Таков вывод, к которому приходит Ницше, рекламируемый его почитателями, например Гербером, как «философ культуры первого ранга», сумевший своим пониманием искусства схватить «общий коэффициент жизни»².

С этой точки зрения подходит Ницше и к проблеме морали.

Идеологи молодой буржуазии, расчищавшие путь для ее победы над феодализмом, позаботились и о том, чтобы создать новое этическое учение, соответствующее потребностям восходящего класса. Это учение возникло в противовес феодальной морали, которая утверждала вечность и незыблемость сословного неравенства, неприкосновенность феодальных устоев, освященных религией, тогда, когда буржуазия еще имела право выдавать свои интересы за общенародные интересы, а свою мораль — за общечеловеческую мораль, основанную на «естественном праве», на «принципах справедливости», уходящих своими корнями в человеческую природу. Естественное право исходит из того, что все люди по своей природе равны, что существуют извечные понятия добра и зла и т. д. Содержание этих этических воззрений сводится к так называемой теории разумного эгоизма. Подлинная добродетель, по этой теории, заключается в активном действии в пользу общества, в том, чтобы человек, следуя своему личному интересу, способствовал общему счастью, благу народа и государства, подчиняя личное общественному.

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I. Изд. 1912, стр. 170.

² См. Н. Гербер. Nietzsche und Goethe, S. 48.

В переводе на язык практики новая мораль выражала стремление революционной буржуазии к установлению таких общественных отношений, при которых человеческая личность, свободная от феодальных и религиозных пут, могла бы действовать согласно своим земным интересам и потребностям; короче говоря, она выражала стремление нового класса к свободе буржуазного предпринимательства. Буржуазии была нужна именно практическая сторона нового этического учения. Поэтому, придя к власти, она «растворила в холодной воде эгоистического расчета» его революционное содержание и отреклась от своих теоретиков, идеологически подготовивших ее победу.

Капитализм оказывает не больше уважения равному праву всех на счастье, чем рабство и крепостничество: «Равенство граждан перед законом», «люди равны по своей природе» — теперь для буржуа это лишь прекрасноречивые фразы, ибо он хорошо знает, что в обществе, в котором он господствует, права определяются исключительно имущественным положением. Пусть профессора философии утешают этими фразами тех, кто не владеет ничем, кроме собственных рабочих рук.

Для того чтобы упрочить свое господство и оградить нагребленную собственность от посягательств нищих, буржуазия вступает в тесный союз с церковью. Сама она всегда оставалась равнодушной к религии, но она не видит более надежной моральной узды для трудящихся, чем религия. Заповеди Моисея и евангелие снова кладутся в основу морали, и эта мораль объявляется «вечной» общечеловеческой ценностью. Проповедуемая буржуазией христианская мораль находится в глубоком противоречии с ее далеко не христианской практикой. Это противоречие обнаруживается все больше и больше по мере того, как совершается переход от «свободного предпринимательства» к монополиям. Ницше это остро чувствует. Он знает, что справедливость, добро, сострадание, любовь к ближнему и прочие постулаты, на которых держится буржуазная мораль, есть ханжество, необходимое для того, чтобы держать в повиновении трудящиеся массы. Он не скрывает, что современная мораль «столь же «безнравственна», как любая иная вещь на земле», что «победа морального идеала достигается при помощи тех же «безнравственных»

средств, как всякая победа: насильем, ложью, клеветой, несправедливостью»¹. Ницше запальчиво обрушивается на всех «жрецов аскетической морали», на тех философов, которые защищают и оправдывают как непреходящую ценность аскетический моральный идеал с его категорическим императивом «ты должен», третирует их как «клеветников, отравителей жизни по п р и з в а н и ю»². «Добродетель», «долг», «добро в себе», добро, имеющее характер безличности и общепринятости, — пишет Ницше, сражаясь с Кантом, — химеры, в которых выражается закат, потеря последних сил жизни, кенигсбергский китаизм»³.

Очень резко выступает Ницше против христианства и христианской церкви, освящающей невыносимые для его аристократического духа моральные догмы. «Я осуждаю христианство, — раздраженно пишет он, — я возбуждаю против христианской церкви самое ужасное из всех обвинений, какие когда-либо произносились обвинителем. Она для меня высшая из всех мыслимых порч... Христианская церковь не оставила ничего нетронутым своим растлением, она сделала из каждой ценности негодность, из каждой истины ложь, из каждой честности душевную низость»⁴.

В чем тут дело? Чем объясняется подобная квазиреволюционность?

Во-первых, лютой ненавистью Ницше к народным массам. Христианская мораль господствует в буржуазном обществе, ее исповедует большинство трудящихся, угнетенных и придавленных капитализмом. В «добродетелях» этой морали ищут они утешения в своем тяжком земном существовании, в религии топят свой человеческий облик. О трудящихся же Ницше всегда говорит с барским высокомерием, с брезгливостью. Народ для него — «людская сволочь», «сброд», «чернь», «стадное животное», «базарные мухи». Как только речь заходит о народе, «человечестве», его негодование не знает никаких границ. Человеконенавистничество превращается в культ. «Жизнь — это кладезь радости, но там, где также

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX. Изд. 1910, стр. 117.

² См. Ф. Ницше. Антихрист. Изд. 1907, стр. 15.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 154.

пьет чернь, там все колодцы отравлены. Ко всему чистому я благосклонен, но я не желаю видеть рыла с оскаленными зубами и жажду нечистых... Священную воду они отравили своей жадностью, а когда они называли наслаждением грязные мечты, то они отравили также и слова. Пламя становится негодующим, когда они кладут на огонь свои сырые сердца; сам спирт клокочет и дымит там, где к огню подходит чернь»¹. И так далее, без конца. В человеконенавистничестве Ницше не знает равных себе даже в лагере фашистских мракобесов.

Во-вторых, непониманием «переоценщиком всех ценностей» социальной роли и классовой сущности морали и религии. Ницше полагает, что в основе всякой европейской морали лежит «польза стада», «инстинкт стада против сильных и независимых», «инстинкт страждущих и неудачников против счастливых»². Под европейской моралью Ницше понимает прежде всего гуманистическое этическое учение французских материалистов XVIII века. Ницше во что бы то ни стало хочет вытравить эти традиции, дискредитировать и опошлить этот демократический моральный идеал, вдохновляющий трудящиеся массы на борьбу за справедливое общественное устройство.

«Не требуется большой остроты ума, — писал Маркс в «Святом семействе», — чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д. — и коммунизмом и социализмом»³. Ницше, конечно, не мог констатировать эту связь путем научного анализа, но он инстинктивно, или, как он сам выражается, щупальцами нервов, почувствовал ее и воспринял как реальную угрозу и притом настолько болезненно, что даже требование абстрактно-христианской справедливости вызывает у него яростное раздражение. Он смертельно боится, что проповедь «справедливости»,

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I. Изд. Ключкина, стр. 78.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 98.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 145.

«любви к ближнему» и т. п. приведет к расслаблению воли господствующих классов, что в новых условиях они могут растеряться, останутся в плену старых нравственных «предрассудков» и не проявят достаточной решимости и жесткости в осуществлении своих целей. Поэтому он считает своим долгом предупредить нарождающуюся финансовую аристократию от этой опасности.

Теоретики буржуазии до сих пор продолжают искушать трудящихся болтовней о единых интересах общества, Ницше же не хочет становиться в подобную очевидно ложную позицию. Он не замазывает антагонизма между двумя общественными группировками: между рабами и господами (если пользоваться его рабовладельческой терминологией). Этим двум группировкам соответствуют две враждебные друг другу морали: мораль рабов и мораль господ. Свою задачу он видит в том, чтобы «теоретически» обосновать высший тип морали — морали господ, основной принцип которой формулируется им следующим образом: человек имеет обязанность только по отношению к равным себе; по отношению же к существам более низкого ранга, по отношению же ко всему чуждому он может поступать так, как ему заблагорассудится¹.

Пропаганду и защиту морали «высшего типа», морали господ, Ницше ведет под псевдонаучным прикрытием необходимости «возврата к природе». «Здоровой» моралью, поучает он, можно признать лишь ту мораль, которая не противоречит истинной природе человека, не подавляет его естественных склонностей и инстинктов. Внешне это родственно этическим принципам французских просветителей, но в действительности здесь все вывернуто наизнанку. В противоположность учению просветителей, исходивших из предпосылки о том, что «человек по природе своей добр», Ницше выдвигает иной тезис: «человек по природе своей зол», «человек — хищное животное».

Это противоположение отражает изменение в положении самой буржуазии. Теория «разумного эгоизма», логически вытекающая из предпосылки о врожденной

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II. Изд. Клюкина, стр. 225.

доброте человека, объективно означала идеализацию эгоизма восходящего, прогрессивного класса.

Закрепившись у власти, буржуазия, как известно, отбросила эту теорию. На ее место был водворен новый теоретический принцип — принцип утилитаризма, полезности, лежащий в основе не только этики, но и всей социальной философии позитивизма. Согласно Бентаму, одному из наиболее ярких теоретиков утилитаризма, принцип пользы руководит действиями каждого человека в отдельности и совокупной жизнью всего общества. Он составляет то начало, по которому оцениваются поступки людей и определяются политические и общественные отношения; в нем скрыта вся история человечества, начиная с борьбы дикого человека за существование и кончая сегодняшним днем. Вульгаризируя этические воззрения французских материалистов XVIII века, утилитаризм свел основные мотивы нравственных и общественных поступков человека к личному расчету и грубому эгоизму, в котором тонут все абстрактные представления о добре и зле, о совести и чести, о долге и обязанностях. Польза, выгода есть единственный побудительный мотив человеческих поступков и действий, реальная движущая сила истории, решающий критерий истинности. Здесь берет свои истоки прагматизм. Отсюда начинается этика, социология и частично «теория» познания нищезанятия.

Но Ницше не застревает на пройденном уже этапе. Он «развивает» теорию полезности дальше, применительно к новым условиям буржуазного общества. Утилитаристы сохраняют еще некоторую стыдливость, говорят, в целях маскировки, о личной пользе человека вообще, об «общем благе», зиждущемся на ней, и т. д. Моральную идеологию домонополистической буржуазии, выраженную в утилитаризме, Ницше объявляет «философией лавочников»¹. Он видит свою задачу в создании «моральных ценностей» для новой, входящей в силу буржуазии, для финансовой аристократии, в обосновании морали «новых господ земли», которая отбрасывает прочь всякую стыдливость и утверждает эгоистический кастовый произвол лишенного совести сверхчеловека. Этика Ницше и объективно, и субъективно является идеализа-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 157.

цией эгоизма паразитической, умирающей буржуазии, которая в интересах своего спасения разжигает в человеке все низменные, варварские инстинкты и мобилизует их на борьбу против своего главного врага — пролетариата и его союзников. Ницше, собственно, не скрывает этого и говорит с полной откровенностью, что под эгоизмом он подразумевает непоколебимую веру в то, что таким существам, «как мы», должны быть подчинены, должны приносить себя в жертву другие существа. Благородная душа, похваляется он, принимает такое положение вещей без всяких вопросительных знаков¹.

Из этих же побуждений Ницше низвергает и христианскую религию. Он знает, что христианство расслабляет человека, делает его больным, безвольным, что верующий не принадлежит себе, неспособен к активному действию, но он не может простить христианству, что в прошлом оно давало пищу для проповеди идей равенства и справедливости, что оно служило покрывалом для многих социальных движений, направленных против господствующих классов. Он сражается против «демократических» традиций в христианстве. Он боится, что они могут быть снова воскрешены и использованы в борьбе против современной аристократии. «Первый христианин», — негодует Ницше, — боюсь также и «последний христианин», которого я, быть может, еще увижу на своем веку, — есть мятежник против всего привилегированного в силу самого низменного инстинкта, он живет, он борется всегда за «равные права!»². Христианство — это религия рабов. Поэтому — долой эту религию страдания! У ныне правящего, господствующего класса не должно быть никакой религии, никакого бога, кроме наживы и чистогана.

Нападки на мораль, пишет В. Вейман-Вейе, являются как раз той областью творчества Ницше, которая больше всего привлекает к нему³. Это, действительно, так. Но, поднимая на щит новые «скрижали моральных ценностей» — рабовладельческую мораль господ, — теоретики империализма старательно обходят истинные

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 265.

² Ф. Ницше. Антихрист, стр. 105.

³ См. W. Weymann-Weyhe. Die Entscheidung des Menschen, S. 155.

причины этих нападок, чтобы поглубже скрыть подлинную сущность ницшевских «моральных оценок» и получить возможность выдать их за идеальную мораль, раскрепощающую духовные силы человека, скованные «моральным догматизмом», а самого Ницше — за поборника такого «справедливого» общественного устройства, где, говоря словами Ростойчера, «свободный дух не будет скован», где «изобретательность и плодотворность больше не будет приноситься в жертву»¹. К осуществлению этого идеала и движется, будто бы, «западный мир», тот самый мир, в котором господствует принцип «человек человеку — волк». Мелкобуржуазные интерпретаторы Ницше (Г. Брандес, Э. Геллер и др.), наоборот, всячески выпячивают его крикливую критику «моральных догм» как признак «хорошего тона». Это также понятно. Мелкий буржуа, сбитый с толку своим теперешним шатким положением в капиталистическом обществе, ищет в ницшевских «моральных оценках» обоснования своего инстинктивного протеста против экономических и идеологических последствий капитализма, причины которых он не может понять.

Мелкобуржуазные комментаторы Ницше сложили также версию о его «атеизме». Несомненно, Ницше — «атеист» в том смысле, что он не вмешивает бога в идеологию, политику и моральную практику буржуазии, не прикрывается и не спекулирует его именем. Крылатый афоризм: «бог умер» — это детонатор, подведенный под христианскую нравственность, и ничего больше. В произведениях Ницше невозможно найти прямого подтверждения, что данный афоризм можно соотнести к трансцендентному божеству, как понимает его идеалистическая философия. Под именем бога он разумеет Христа, возвестившего «вечные скрижали» моральных ценностей. При этом следует отметить, что Ницше отнюдь не оспаривает существования Иисуса из Назарета как исторической личности. Он ратует не против Христа — богочеловека, а против христианства как системы моральных правил и догматов, которые, как он полагает, не имеют ничего общего с данной «исторической личностью».

¹ См. J. Rosteutcher. Die Wiederkunft des Dionysos, S. 159.

Христос, по мнению Ницше, был единственным истинным христианином, который умер на кресте, не оставив после себя верных учеников. После смерти Христа его учение попало в руки мошенников и фальсификаторов и в этом извращенном виде стало «религией рабов». Жрецы христианской церкви искусно пользуются им, чтобы держать в повиновении «человеческое стадо». Но проповедь братства во Христе, сострадания, самоотречения и иных христианских добродетелей вкралась в души правящих классов, лишив их мужества на «исключительные права». Этого-то как раз Ницше и не может простить ортодоксальному христианству. Первый и единственный христианин, умерший на кресте, был, как можно полагать, и первым ницшеанцем. Не потому ли последние письма к друзьям Ницше подписывал именем «Распятый»?

Версия об «атеизме» Ницше опровергается всем духом ницшеанства. В самом деле, о каком атеизме может идти речь, если «атеизм» не связан с материализмом и не опирается на данные естественных наук? Может быть, Ницше дает логические доказательства, опровергающие существование бога? Тоже нет! Он прибегает к критике христианства как к средству освобождения нарождающейся аристократии от общепринятых моральных норм и воспитания нового поколения властителей на новой религии — на его собственном этическом учении. Помимо этого, критика христианства — «радикальный» жест, рассчитанный на то, чтобы выдать философские измышления за «реалистическую» философию (что ныне имеет место у Хайдеггера, Сартра и др.). Принимая Ницше в свое лоно, официальные теоретики империализма настойчиво отводят обвинения в атеизме. «Ницшевское понимание требований христианства, — пишет, например, К. Ясперс, — возникшее в борьбе против христианства (которое Ницше, по заключению Ясперса, неправильно понимал. — *С. О.*), есть в конце концов оболочка, в которой он высказывает положительные мотивы своей философии»¹. С подобным замечанием трудно не согласиться.

Если философскую проблематику Ницше свести в

¹ K. Jaspers. Nietzsche und das Christentum, S. 59.

один фокус, то таким фокусом будет его ненависть к социалистическому движению своей эпохи и, поскольку он чувствует связь социализма с демократией, к демократизму во всех его формах и проявлениях.

В центре философии Ницше, как неоднократно подчеркивал Ф. Меринг, лежит борьба против социализма, «поход против классовой борьбы пролетариата, идеологически основанный на тех идеях, которыми воодушевлен любой биржевой делец, любой продажный газетчик»¹. Его философия является философией обороны против главного врага буржуазии — рабочего класса как носителя демократических и социалистических традиций нашего времени. Борьба против социализма и демократии есть тот стержень, на котором держится философская система «переоценки всех ценностей».

Ницше не понимал и не мог понять социальной базы социализма. С марксизмом он, видимо, не был знаком. Сведения о социалистическом движении современности он черпал из сомнительных источников — из официальной буржуазной прессы, писаний Е. Дюринга и ему подобных. Но и в таком виде социализм внушал ему животный ужас. Он не мог не заметить, что социалистические идеи все глубже и глубже входят в толщу рабочего класса, проникают в другие трудящиеся слои, завоевывают симпатии интеллигенции, что многие политические деятели, далекие от народа, но желающие приобрести популярность в его среде, играют в демократию, а иногда подкрашиваются под социалистов. Даже в политиках типа Бисмарка видел он демократов самого низкого сорта, «декадентов политики», социалистов, заблудившихся на ступенях трона.

Аристократическая душа Ницше не выносит «дурно-го плебейского духа» эпохи, где люди поклоняются демократическим и социалистическим идеалам, где «червь-человек» выполз и копошится на переднем плане... научился чувствовать себя целью, вершиной, смыслом истории»². Она томится и изнывает под «давящим облачным небом возникающего плебейского господства,

¹ Ф. Меринг. На страже марксизма, стр. 191.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX. Изд. Клюкина, стр. 120.

сквозь которое все кажется непроницаемым, свинцовым»¹.

Ницше не упускает случая, чтобы лишний раз подчеркнуть опасность, угрожающую буржуазии, если она своевременно не примет самых решительных и жестких мер, не покончит с либерализмом и сентиментальностью, не установит жестокой, террористической диктатуры. Иначе, пророчествует он, социалисты «могут во многих местах Европы перейти к насильственным актам и нападениям; грядущему столетию предстоит испытать по местам основательные «колики», и Парижская Коммуна... окажется, пожалуй, только легким «несварением желудка» по сравнению с тем, что предстоит»².

Нетрудно понять, что резкая и нередко острая критика буржуазного демократизма, либерализма, «парламентского кретинизма», христианства, «торгашеского духа» и т. п. является у Ницше побочным продуктом его борьбы против социализма. Он не рекламирует достоинств ублюдочной буржуазной демократии, как обычно поступают официальные идеологи буржуазии, пишущие для обмана трудящихся. Он рассматривает ее как зло, ибо социализм, по его представлению, является «младшим братом отжившего демократизма», «конечным выводом из современных идей», вырастающих в «тепловой атмосфере демократического благодушия»³. Следовательно, критика Ницше отдельных сторон современной ему капиталистической действительности, буржуазно-либеральной практики в области культуры и морали, равно как и в других областях, никак не может быть поставлена в связь с романтической антикапиталистической критикой, которая встречается у мелкобуржуазных теоретиков, идеализирующих простое товарное производство в противовес капитализму с его кризисами, анархией, неустойчивым положением мелкого производителя. Это защита исключительных привилегий крупного капитала, открытый призыв к освобождению фактически правящей в буржуазном обществе касты от идей и идеалов, пропагандируемых теоретиками буржуазии на заре капитализма.

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 249.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 78.

³ См. там же, стр. 77—78.

Как уже отмечалось выше, Ницше пытается вывести свою систему за рамки материализма и идеализма. Он считает себя единственным учеником философа Диониса. Этим определением он хочет показать, что его философия неотрывна от жизни и уходит своими корнями в стихийное жизненное начало. Ницше уверяет, что руководящей нитью его системы является тело. «Оно — сравнительно более содержательный феномен, который допускает более отчетливое наблюдение. Вера в тело лучше обоснована, чем вера в дух»¹. Но это пустая декларация, или, говоря словами самого Ницше, «рыболовный крючок» для простаков. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы кратко ознакомиться с его «теорией» познания.

Ницше прямо ставит теорию познания на службу классовой борьбе и с порога отмечает все, что не отвечает его целям и задачам. Он фальсифицирует всю историю философии, тщательно отбирая из философского арсенала то, что ему нужно для борьбы против социализма, теоретически основанного (он знает это) на материализме, рационализме и диалектике. Представителям этих философских течений Ницше объявляет беспощадную войну, независимо от того, к какому лагерю они принадлежат.

Буржуазия начала свое историческое восхождение с гимна всемогуществу разума, а свой закат — с анафемы всему рациональному, ибо ее существование не является теперь разумным, исторически необходимым. Ницше является одним из ярых защитников иррационализма. Он формулирует свое отношение к рационализму с нигилистической откровенностью. Вера в могущество разума, говорит он, есть величайшее заблуждение. Сам разум пришел в мир неразумным путем, случайно². Все пороки прежней философии коренятся в «бессмысленной переоценке сознания». «Сознание играет вторую роль, оно почти индифферентно, излишне, осуждено, быть может, исчезнуть и уступить место полнейшему автоматизму»³. Познание приносит человечеству неисчислимые беды,

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 249.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 60.

³ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 242—243.

ибо «убивает действие; для действия необходимо покрывало иллюзии»¹. Низвергнув разум и отказывая ему в праве на существование, Ницше ставит на его место инстинкт и интуицию.

Идею разума Ницше возводит к Сократу, из которого он создает зловещий символ декаданса в философии. Каких только небылиц не возводит на него Ницше! В чем же дело? В том, что Сократ якобы был вдохновителем древнегреческой демократии, подстрекателем плебса в борьбе против олигархии. От Сократа тянется прямая линия к Декарту (которого Ницше называет «отцом рационализма и, следовательно, дедом революции») и к Спинозе, а от них — к французским просветителям и Гегелю.

Особенно яростно ополчается Ницше на диалектику. Причины ненависти теоретиков реакционной буржуазии к диалектике глубоко раскрыты Марксом. «В своем рациональном виде диалектика, — писал он, — внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»².

Искусный и опытный софист, Ницше прекрасно понимает, в чем сила и преимущество диалектики перед софистикой и как опасно ее революционное жало для тех, кто возлагает на себя задачу теоретической защиты старого, отживающего свой век общественного строя. Именно диалектики (а не идеализма) не может простить он Сократу. Диалектика вытесняет знатного человека, сокрушается Ницше, вместе с диалектикой получает преобладание чернь. Не является ли она оружием черни? Не мстит ли она знатым тем, что увлекает их за собой? И, наконец, заключает: «Человек, владеющий диалектикой, держит в руках оружие, не знающее пощады... Диалектик... может привести своего противника

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I, стр. 69.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 20.

в ярость и вместе с тем сделать его совершенно беспомощным. Диалектик обессиливает ум своего противника»¹.

В теории познания Ницше находится в тесном родстве с Шеллингом, Кьеркегором, Шопенгауэром, а из его современников — с Махом, Авенариусом, Пирсом и др. Различия между ними, с точки зрения материализма, ничтожны и десятистепенны. Но претендующий на экстраординарность Ницше не признает этого родства и выводит свою родословную непосредственно от Гераклита, у которого он берет напрокат учение о бытии и становлении. Произвольно истолковывая Гераклита и растворяя его диалектику в шопенгауэровском иррационализме, Ницше использует гераклитовское понятие становления для того, чтобы разрушить всякую объективность и низвести бытие к чистой фикции и, следовательно, мифизировать само становление. Таким приемом диалектико-материалистическое учение о бытии и становлении превращается в реакционный идеалистический миф о вечном возвращении, а затем — в миф о воле к власти.

Бытие, действительность, становление, заявляет Ницше, представляют собой иллюзию, сновидение, выдумку философов. Мы ничего не знаем и не можем знать об их существовании. «Мы живем в мире фантазии! В мире извращенном, вывернутом на изнанку, пустом, но полном ясных сновидений»². «Истинный мир!.. — восклицает Ницше в «Сумерках кумиров». — Его нельзя достигнуть, существование его нельзя доказать... Он выдуман как утешение, как мир, к которому человек обязан стремиться, как импульс»³. Таким образом, Ницше уничтожает истинный, реальный мир. Но, может быть, он оставляет человеку кажущийся мир? Нет, в отрицании объективности он идет до крайнего предела; если отрицать, так уж отрицать последовательно, до конца. «Мы уничтожили истинный мир, — говорит Ницше, — какой же мир остался у нас? Может быть, кажущийся?.. О нет! Вместе с истинным миром мы уничтожили также и кажущийся мир»⁴.

¹ Fr. Nietzsche. *Götzendämmerung*, S. 248.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 56.

³ Fr. Nietzsche *Götzendämmerung*, S. 258.

⁴ Там же, стр. 259.

Главу, из которой заимствованы две вышеприведенные цитаты, Ницше назвал весьма характерно: «О том, как «истинный мир» превратился, наконец, в басню». Открыто и грубо высказывает он то, что тщательно пытаются спрятать его философские единомышленники — махисты, прагматисты и пр.

Гносеологическое родство ницшеанства с махизмом бросается в глаза, как только речь заходит об их отношении к философии Канта. Известно, что махисты критиковали Канта справа, ставя ему в вину то, что он недостаточно идеалист. Они «очищали» кантовское учение от материализма, от признания «вещи в себе». Ратуя против допускаемой Кантом материальной субстанции, махисты силились доказать, что «вещь в себе» в действительности не существует, что она не дана в материале действительного опыта, а привносится в него мышлением. Канта они считали менее последовательным и менее приемлемым для себя мыслителем, чем Беркли и Юм.

С того же рубежа атакует Канта и Ницше с той только разницей, что он выражает свое отношение к «гнилому пятну кантовского критицизма» без профессорской деликатности. Общность между ним и махизмом чувствуется даже в некоторых формулировках. В полной солидарности с махизмом Ницше не признает никакой объективной реальности, кроме хаотического мира (комплекса) ощущений, логизированного с помощью рассудка. «Мир «феноменов», — пишет Ницше, — есть обработанный мир, который *мы ощущаем, как реальный*. Противоположностью этому феноменальному миру является не «истинный мир», но бесформенный, недоступный формулировке мир хаоса ощущений»¹. Вещественность, продолжает Ницше, создается по образцу субъекта и затем вкладывается в «сутолоку чувственных впечатлений». Но сам субъект есть в конечном счете продукт творчества, фикция. Значит, если падает вера в действующий субъект, то устраняется также и вера в действующие вещи, в мир действующих атомов, во взаимодействие, в причину, следствие, необходимость и прочие закономерности, в которых обычно выражается связь между феноменами, называемыми вещами. Отпадает и «вещь в себе», так как она в сущности есть концепция

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 269.

несуществующего, вымышленного «субъекта в себе». Противоположение «вещи в себе» и «явления» не имеет никаких оснований, понятие «явление» отпадает. «Отказываясь от понятий «субъекта» и «объекта», — констатирует Ницше, — мы отказываемся также и от понятия «субстанции», а следовательно, и от всех ее различных модификаций, как, например, «материи», «духа» и других гипотетических сущностей. Мы освобождаемся от вещественности, *материальности*»¹.

Итак, реально существует только хаотический мир ощущений, открываемый человеку органами чувств. Но органы чувств далеко не совершенны. Человеческий глаз видит только небольшое пространство, в котором человек существует и движется. Ухо и осязание также замыкают его в узком кругу, за пределы которого он не может выйти. Посредством органов чувств человек ощущает одно — близким, другое — далеким, это — жестким, то — мягким. Так органы чувств вводят человека в обман ощущений, которые в свою очередь служат ему руководством к суждению и познанию. «...Наш духовный мир, — мрачно заключает Ницше, — похож еще на Египет — пустыня и громадные пирамиды, а в этих пирамидах, большей частью недоступных, только жалкие трупы»². Разум бессилен, чувства обманчивы. Что же дает человеку руководящую нить в хаосе ощущений? Только инстинкт и интуиция, отвечает Ницше. Этот вывод уводит Ницше за пределы профессорского махизма и широко открывает дверь другому философскому направлению — интуитивизму.

Все эти философские выверты, поэтически прикрашенные и подсахаренные, нужны Ницше для того, чтобы, как он сам признается, дискредитировать «старые понятия истины», стереть всякую грань между истиной и заблуждением, опровергнуть объективную истину и утвердить в качестве основы теории познания субъективный произвол и волюнтаристскую мистику. Он рассматривает философию как «садовое искусство», главное очарование которого состоит в обмане глаз, а философов как «колористов мира», придающих ему поражающую человека пестроту красок и оттенков. Он признает

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 259.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 266.

познание лишь как «творческое полагание», как «волю к созиданию». Познавать — значит фантазировать, творить, создавать мир по собственному усмотрению. «Даже в познании, — говорит Ницше устами Заратустры, — чувствую я лишь радость моей воли к созиданию и бытию; и если есть невинность в моем познании, то произошло это потому, что в нем есть воля родить»¹. Это «новый» шаг в развитии волюнтаризма. Шопенгауэровский мир «как воля и представление», из которого вышел Ницше, превращается в «мир — мое творение». Дальше идти уже некуда.

Небольшой экскурс в теорию познания (вернее, в теорию отрицания познания) ницшеанства позволяет сделать вывод, что в теоретических основах своего философствования Ницше является продолжателем линии Беркли — Юма — Шеллинга — Шопенгауэра. Он начинает с того, на чем остановился его ближайший предшественник — Шопенгауэр.

В последовательном отрицании объективного мира и возможностей его познания Шопенгауэр пришел к крайнему агностицизму. Человек не знает ни солнца, ни земли, он знает только глаз, который видит солнце, руку, которая ощущает землю, и т. д. Мир, окружающий человека, существует лишь как представление, как объект по отношению к субъекту, воззрение для взирающего. «Все, что принадлежит и может принадлежать миру, — неизбежно обречено этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта»². Мир, в котором не содержится ничего, кроме представлений взирающего субъекта, недоступен рассудочному познанию. Ни человеческий разум, ни наука никогда не могут проникнуть во внутреннюю сущность мира. Знание есть закрепление в понятиях и категориях разума того, что познают другим путем — путем интуиции, в основе которой лежит волевой акт.

Извращая кантовское понятие «вещи в себе» как непознаваемой материальной субстанции, Шопенгауэр подменяет его понятием мистической, слепой иррациональной воли. Воля — это та непостижимая для челове-

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 72.

² См. А. Шопенгауэр. Полн. собр. соч., т. I. Изд. 1901, стр. 3.

ческого ума сила, которая живет растения, организует кристаллы, направляет магнит к северу, словом все то, что движет и управляет миром, навязывая ему свои формы и законы. Она есть внутренняя сущность, ядро каждого частного явления, так же как и всего мира как целого; она обнаруживается во всех проявлениях неорганического и органического мира, равно как и в осмысленных действиях человека. Ее сущность состоит в слепом влечении, в неутомимом порыве, который исключает всякое достижение и удовлетворение. Вечное становление, бесконечный поток явлений есть результат объективации воли, откровения ее сущности, которая есть не что иное, как воля к повышению бытия, к жизни в ее решающих биологических проявлениях. На известной ступени объективации воля, шествовавшая до сих пор в темноте, повинаясь своему внутреннему импульсу, порождает способность к познанию, интеллект. Воля относится к интеллекту, как корень дерева к ее верхушке, как оригинал к копии. Поскольку первичная воля есть воля к жизни, постольку и порождаемый ею интеллект должен служить целям самосохранения и возвышения жизни, целям борьбы за существование, удовлетворения потребностей. Интеллект, по Шопенгауэру, есть простая акциденция человеческого существа, функция мозга, который является «продуктом и даже паразитом остального организма, поскольку он... служит цели самосохранения только тем, что регулирует отношение организма к внешнему миру»¹. Обыденное человеческое сознание никогда не может подняться над повседневными потребностями бытия, определяемыми деятельностью слепой, безрассудной воли.

Разрушив объективный, существующий независимо от человека мир, отбросив разум как инструмент познания, подчинив его интуиции, волевому акту, Шопенгауэр воздвиг «теоретический» фундамент современного волюнтаризма. Но шопенгауэровская воля абстрактна и бессмысленна. Неистребимая, слепая любовь к существованию, безотносительно к цели и ценности бытия, без представления и знания о ней, инстинктивное влечение к размножению и росту составляют, по Шопенгауэру,

¹ См. А. Шопенгауэр. Полн. собр. соч., т. II. Изд. 1901, стр. 199.

эру, *perpetuum mobile* органической природы и человеческой истории. Желание жить безосновно: мы живем, не сознавая зачем и ради чего, но мы не можем не жить. Мир, которым правит безрассудная, дикая воля, страшный, роковой мир, где все подчинено случайностям ее проявления, не имеет сам по себе ни ценности, ни смысла. Бытие человека всегда и при всех условиях есть исполненное страданий и мук существование, а сам он только актер в трагикомедии, именуемой жизнью. Он ничего не может изменить в этом фатально предопределенном мире. Горестные муки его существования могут быть устранены лишь отрицанием воли к жизни, отрешением от ее будничной суеты, бегством в «чистое самосозерцание», погружением в нирвану. Так волюнтаризм попадает в тупик, становится оборотной стороной фатализма. Поэтому от шопенгауэровской философии веет такой безысходной мрачностью и пессимизмом.

Ницше взял на свои плечи непосильную ношу — преодолеть шопенгауэровский пессимизм, превратить его волюнтаризм в философию активного действия. Как же найти выход из тупика, в который попал Шопенгауэр? Оказывается, очень просто. Нужно только подчинить безосновную волю определенному основанию, указать ей цель, определить ее смысл и ценность. И Ницше дает новую формулу — «воля к власти». Стремление к власти, к господству — вот высшая цель, ценность и воплощение воли к жизни, первооснова, движущая творческая сила всякого бытия.

Нет нужды доказывать, что ницшеовское понятие воли не имеет ничего общего с научным представлением о ней. Воля, положенная в основу мироздания как движущая сила всего сущего, с научной точки зрения так же абсурдна, как божественная воля, сотворившая мир и управляющая им. Новое определение воли не изменяет ее сути. Наоборот, «конкретизация» понятия в духе Ницше делает волю, вопреки законам формальной логики, еще беднее содержанием, но тем удобнее становится превратить ее в первооснову произвольно сконструированного мира. С помощью такой конструкции нетрудно устранить закономерно развивающийся материальный мир, существующий независимо от чьей бы то и какой бы то ни было воли, и низвести его к акту творения субъективного Я. Человек как высшая ступень в иерар-

хической лестнице объективации воли к власти начинает творить мир, согласно собственным потребностям и целям. Создавая в своем представлении определенную картину мира, он создает также и «истины», в которых открывается сконструированный по его произволу мир, и, повинаясь инстинкту воли к власти, навязывает их окружающим. Здесь перед Ницше открывается необозримое поле для фабрикации «новых скрижалей ценностей», и его философия обретает мнимый оптимизм и недвусмысленную агрессивность.

Объективной истины нет, заявляет Ницше в полном единодушии с Шопенгауэром, она всегда субъективна и представляет собой лишь род заблуждений. Старая философия (Ницше имеет в виду прогрессивные течения философской мысли), руководствуясь «стадным инстинктом масс», их интересами и потребностями, создала мир, основанный на вере в торжество разума, закономерно развивающийся, упорядоченный, доступный познанию мир. Она создала «истины», которые служат массам в их практической борьбе за преобразование общества на разумных и справедливых началах. Ницше знает, что истина, отражающая мир объективно, таким, каков он есть, не может быть союзницей класса, обреченного историей на гибель, и горестно признается: «Против нас был весь пафос человечества, его понятие о том, чем должна быть истина, чем должно быть служение истине... было до сих пор направлено против нас»¹. Значит, надо объявить беспощадную войну старым истинам, создать новый мир, сфабриковать новые истины, которые служили бы тому новому классу, которому служит сам Ницше, — паразитирующей финансовой аристократии.

Задача философа, как он представляет ее себе, заключается не в познании, а в изменении оценки непознаваемого внешнего мира, в том, чтобы поставить на место опасного для «жизни» (то есть для господствующих классов. — С. О.) заблуждения новое заблуждение, «благоприятствующее жизни». «Оценивать, — говорит Ницше, — значит создавать. Оценка сама по себе есть драгоценность и сокровище среди всех оцененных вещей.

¹ Ф. Ницше. Антихрист, стр. 24.

Только благодаря оценке существует ценность, а без оценки зерно существования было бы пусто»¹.

Подход Ницше к гносеологическим проблемам обусловлен общемировоззренческими мотивами. В противоположность тогдашнему позитивизму и неокантианству Ницше в гносеологии ставит на передний план связь теории с практикой — социальной и моральной практикой крупного капитала. Его теория познания используется «как орудие власти». В чем состоит критерий ницшевской истины — заблуждения? Только в ее практической полезности «для сохранения и продления жизни рода». Ницше пишет об этом с убедительной обнаженностью: «Философия сбилась с пути, благодаря тому, что мы, вместо того, чтобы видеть в логике и категориях разума лишь средство для обработки мира в целях полезности (следовательно, «принципиально» средство для полезной *фальсификации*), принимаем их за критерий истины, а следовательно, и *реальности*. В действительности «критерий истины» представлял просто *биологическую полезность такой системы принципиальных фальсификаций*»².

Однако Ницше здесь многое не договаривает. Указание на биологическую полезность для рода является псевдообъективным прикрытием общечеловеческой значимости выдвигаемого им «критерия истины». Жизнь рода, по мнению Ницше, есть непрерывная борьба между двумя человеческими типами, между двумя расами: господами и рабами. Ницше служит своей философией высшему типу — расе господ. Следовательно, и критерий «истины» определяется пользой, практической выгодой, которую она приносит «высшему типу» — расе господ. Истинно то, что полезно угнетающим классам в достижении и упрочении их безраздельного господства. Насилие, бесчеловечная эксплуатация, колониальный разбой и грабительские войны, словом, все, чем ознаменовала империалистическая буржуазия свое рождение, получило в ницшеанской теории истины свое теоретическое «обоснование» и оправдание. Ницше является, таким образом, одним из родоначальников современного прагматизма.

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 49.

² Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 278.

Линию Беркли — Юма — Шеллинга — Шопенгауэра — Ницше продолжают большинство направлений современной буржуазной философии. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что под приговором, вынесенным Ницше объективной реальности и способности человеческого разума, науки познавать ее, охотно подписываются его теоретические единомышленники. Гносеологические выводы Ницше о непознаваемости объективного мира и его закономерностей основаны на глубоком знании естествознания и математики, заявляет К. Эмге¹. Ницше прозорливо предвидел «существенную позицию современной физики», декларирует А. Митташ; его учение о воле к власти как о первооснове и творческой движущей силе бытия придало учению о природе «невиданный до сих пор динамизм» и позволило ему в «его космическом мышлении» подняться к «высшей мере точному методу научных исследований» и т. п.². Б. Нолль расхваливает Ницше за то, что он первым указал на опасность веры в прогресс науки и требовал скептического отношения к ее истинам³. В особую заслугу ставится Ницше прагматизм.

«Радикальный» агностицизм, соединенный с волюнтаристской мистикой, образует философское основание для мифотворчества. Ницше создает образец для современной фабрикации мифов. Как уже указывалось, в его философии большое место отводится телу, плоти. Но его этика и гносеология утверждают право плоти без всяких уступок философскому материализму. Представление же о теле, лишенном материальных связей, не может не носить мифического характера. Между тем эта биологическая мистика заменяет у Ницше социологию. Реальные связи и отношения, на которых базируется и развивается общество, он подменяет мифическими связями и отношениями, опирающимися на мнимо-биологический базис.

Известно, что прогрессивная философская мысль многие столетия билась над тем, чтобы открыть закономерности общественного развития, и высказала немало

¹ См. K. Emge. Über die bleibende Erbe Nietzsches, S. 208.

² См. A. Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph, S. 294.

³ См. B. Noll. Philosophie und Politik. Bonn, 1954, SS. 13—14.

теоретических догадок и предположений, верно схватывающих и отражающих некоторые объективные процессы, происходящие в обществе, но она не могла привести их к общему знаменателю, не могла выработать цельное мировоззрение, дающее научное, материалистическое понимание истории. В учениях об обществе по-прежнему царили идеалистические взгляды. Эти взгляды разделялись и всеми предшествовавшими марксизму поколениями материалистов. Объективные факторы, образующие подлинные движущие силы истории, уходили из поля зрения философов. На место действительных связей, которые следует искать в исторических событиях, они ставили связи, измышленные ими самими. История рассматривалась ими преимущественно как результат деятельности отдельных выдающихся личностей, как постепенное осуществление их идейных побудительных мотивов, их благих пожеланий и их воли.

Социология становится наукой лишь благодаря революционному перевороту во взглядах на историю, совершенному К. Марксом. Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространив диалектико-материалистическое познание природы на познание человеческого общества. Хаос и разноречивостью, царившие до сих пор в социологии, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как совершается поступательный ход истории, как из одного уклада общественной жизни развивается другой, более высокий общественный уклад. Идеализм был вытеснен из его последнего убежища.

Характеризуя значение этого великого переворота, В. И. Ленин писал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что

развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Открыв в способе производства ключ к пониманию развития общества, марксизм установил общие закономерности общественной жизни. Он доказал, что связь и взаимообусловленность общественных явлений носят не случайный, не единичный, а необходимый и всеобщий характер, что человеческое общество как высшее звено в цепи развития материального мира представляет собой социальный организм, которому присущи свои особые объективные законы движения, существующие независимо от сознания людей. Люди могут познать и использовать эти законы в своих интересах, но они не могут отменить или заменить их. «...Общество, — говорит Маркс, — даже если оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»².

На основе общих закономерностей развития общества марксизм доказал исторически преходящий характер капиталистического строя, неизбежность его гибели и замены новым общественным строем — социализмом. Глубокий и всесторонний анализ капиталистической формации привел Маркса к выводу, что на известной ступени своего развития производительные силы буржуазного общества вступают в непримиримое противоречие с существующими производственными отношениями, которые из форм развития производительных сил превращаются в их оковы. Революция становится неизбежной, классовая борьба пролетариата против буржуазии необходимо приводит к низвержению ее господства, утверждению диктатуры пролетариата, установлению новых производственных отношений, исключающих возможность эксплуатации человека человеком.

Исторический материализм служит не только методом познания общества, но и методом его преобразования, могучим идейным оружием в руках рабочего класса и его революционной партии. Вот почему буржуазия мобилизует все свои силы, чтобы ошельмовать это ве-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 124—125.

² К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 7—8.

ликое учение, сузить его влияние, ослабить его мобилизующее, революционизирующее воздействие. В 70—90-х годах прошлого века в противовес марксистскому, диалектико-материалистическому пониманию исторического процесса появляется множество школ и школок — социал-дарвинизм, «философия жизни», фрейдизм, неомальтузианство, прагматизм и т. п. Здесь нет необходимости характеризовать каждую из них. Все они носят определенно выраженный классовый характер и направлены своим острием против исторического материализма. Одни из них отрицают объективные закономерности в развитии общества прямо и открыто, другие — ссылками на божественное установление, третьи — путем подмены законов общественной жизни биологическими и иными закономерностями, якобы общими и обязательными как для животного мира, так и для человеческого общества. Ницшеанство отличается от них своим крикливым тоном, безапелляционностью суждений, беззаботностью в отношении научной аргументации и нарочито пышной поэтической оболочкой.

Ницше отказывает социологии в праве на самостоятельное существование, считает ее досужим измышлением прежних философов, опасным и пагубным заблуждением. Разумеется, это объясняется не только его слабыми познаниями в области истории и политической экономии, без которых социология как наука немыслима, но также и теми задачами, которые он перед собой ставит, — выместить научные воззрения из социологии, мифизировать общественные процессы, чтобы скрыть революционные выводы, вытекающие из действительно научного анализа реальных отношений буржуазного общества. Откровенность Ницше понятна: ведь если признать социологию как специфическую науку, занимающуюся проблемами общественного бытия и общественного сознания, — значит нужно вступить в научную полемику с прогрессивными социологическими учениями, и в первую очередь с историческим материализмом, и заранее обречь себя на поражение. Ницше сознательно растворяет философию общества в этике, а последнюю посредством ее «натурализации», то есть сведения моральных ценностей к ценностям «натуралистическим», — в субъективной психофизической организации человека. Сущность социальной жизни Ниц-

ше интерпретирует как квазибиологическую жизнь, в основе которой лежит воля к власти.

Всей социологии Ницше предъявляет тяжкое обвинение в том, что она льстит «демократическому духу масс», что она знакома только с формой современного общества, где каждый нуль стремится иметь «одинаковые права», и что, следовательно, она недостаточно аристократична. Свою миссию он видит в том, чтобы вывести науку об обществе на «правильную» дорогу, заменив социологию учением о «формах и способах господства», которое не признает ничего, кроме инстинкта «аристократических единиц».

Решающим фактором в истории человечества является, по мнению Ницше, «веселый кишечник», питание, климат. «Все предрассудки, — безапелляционно изрекает он, — происходят от кишечника». «Климатическое влияние *на обмен веществ*, его замедление или ускорение идет так далеко, что ошибка в месте и климате может не только сделать человека чуждым его задаче, но даже вовсе скрыть от него эту задачу». При выборе пищи, места, климата и т. д. человеком руководит инстинкт самосохранения, который проявляется как инстинкт самозащиты. «Ходячее название инстинкта самозащиты есть вкус»¹. Грубый, вульгарный физиологизм, на котором Ницше строит «новую» социологию, рекламируется им с неслыханным апломбом как величайшее открытие в общественной науке.

Отношение Ницше к закономерности общественной жизни так же, как и к истине, — чисто прагматическое. Объективные законы, определяющие общественное движение, отбрасываются, отметаются, так как они идут вразрез с интересами буржуазии. На их место водворяются новые «закономерности», вымышленные на благо этого паразитирующего на здоровом теле народа класса. Законы грядущему, говорит Ницше, предписывают философы, усвоившие, подобно ему самому, аристократический образ мыслей, то есть «такой образ мыслей, — поясняет он во избежание недоразумений, — который ведет в рабство и различные степени зависимости как в

¹ См. Ф. Ницше. *Ессе homo*. Изд. «Прометей», стр. 26, 28, 29, 40.

основное условие высшей культуры»¹. Настоящие философы — это повелители и законодатели. «Их познание есть творчество, их творчество — законодательство, их воля к истине есть воля к власти»². Они теперь главная сила, ибо другие великие власти нуждаются в них. Извратить истинный образ объективного мира в угоду и на потребу нарождающейся империалистической буржуазии, создать ложный, иллюзорный мир по ее образу и подобию — именно такова главная задача социального мифотворчества Ницше.

Мифы не подлежат научному обсуждению, но самая их произвольность и поэтическая противоречивость не умаляют их воздействия в империалистическую эпоху. Наоборот, те социальные слои, которые империализм выбивает из их привычной колеи, ищут в мифах утешение в своем неустойчивом существовании, перспективу будущего. Далее, поскольку рушится объективная основа для непосредственной апологетики буржуазного строя, миф становится оружием косвенной его апологетики. Именно этим объясняется тяготение современной реакционной философии к мифотворчеству.

Итак, «опыт переоценки всех ценностей» — это идеологическое перевооружение, которое проводит буржуазия на пороге империализма. Главная цель перевооружения состоит в борьбе против диалектического и исторического материализма с позиций псевдореализма, который, отказавшись на словах от идеализма, в действительности сохраняет его основы и результаты; в том, чтобы превратить буржуазную философию, проповедующую пассивность и отречение от жизни, в философию активного действия, не меняя при этом ее гносеологических предпосылок. Попытка Ницше обратить пассивный шопенгауэровский волюнтаризм в «героический реализм» была продиктована прежде всего необходимостью для буржуазной идеологии защищаться против марксизма и его растущего влияния.

Вырастающая на почве крайнего субъективизма и волюнтаризма мифическая символика служит в руках Ницше не только средством целенаправленной фальсификации капиталистической действительности с ее не-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 212.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 254.

примиримыми противоречиями, но и целям мобилизации всех низменных, варварских инстинктов испорченного капитализмом человека для спасения господства паразитической буржуазии.

Философский волюнтаризм является теоретической основой авантюристической практики империалистической буржуазии. Конечно, авантюризм в политике имеет более древнее происхождение. Он является нормой поведения всех уходящих, отживающих свой век классов. Чтобы продлить свое существование и сохранить свое господство, умирающий класс вынужден действовать вопреки восстающей против него исторической необходимости, противопоставляя ей свой субъективный произвол. Только так он может еще удержать свою власть, свои экономические преимущества и классовые привилегии. Однако субъективный произвол правящих классов никогда не заходил настолько далеко, как при империализме. В прежние эпохи борьба за политическое господство обычно заканчивалась переходом власти из рук одного эксплуататорского класса в руки другого эксплуататорского класса. Социальный гнет оставался, менялась лишь форма угнетения. За классом, представлявшим прошлое, сохранялась перспектива «врастания» в тот общественный строй, которому принадлежит будущее. Победенный мирно уживался с победителем, приспосабливался к новым условиям и становился соучастником новых форм грабежа.

При империализме положение принципиально меняется. Победа пролетариата над буржуазией приводит к уничтожению всякого социального гнета и социального неравенства. Мирное сосуществование этих классов в новом общественном строе становится уже невозможным. При социализме буржуазия теряет не только свое политическое господство, она ликвидируется как класс. Поэтому буржуазия не знает пределов в своем предсмертном неистовстве. Она не брезгает никакими средствами, чтобы задержать неумолимый ход истории, остановить время, отбросить человечество назад. В этих условиях авантюризм в политике превращается в необходимое условие существования буржуазии. Философский волюнтаризм призван дать теоретическое оправдание этому авантюризму. Стихийный субъективизм прежней буржуазной социологии уступает место сознательной

фальсификации истории. Главная задача буржуазной социологии сводится теперь к тому, чтобы доказать невозможность познания общественных закономерностей, отвести их как нечто несуществующее и подменить научный взгляд на закономерно развивающийся процесс произвольными псевдонаучными конструкциями.

ПОХОД ПРОТИВ ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА. «ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ» И AMOR FATI (ЛЮБОВЬ К СУДЬБЕ)

Пробным камнем для социолога является его отношение к общественному прогрессу. Развивается ли человеческое общество по восходящей линии, от низшего к высшему, или оно есть нечто раз и навсегда данное, принципиально неизменяемое, вечное? Теоретики, выражающие интересы исторически передовых, восходящих классов, отвечают на этот вопрос положительно; идеологи нисходящих классов, как правило, отрицают поступательный характер общественного движения. Правда, на словах они часто ратуют за прогресс, на деле же отрекаются от него или, в лучшем случае, низводят понимание социального прогресса к поступательному развитию науки, техники, организации производства и т. п.

В домарксистской социологии идея общественного прогресса довольно выпукло представлена в философии французских просветителей (Дидро, Гельвеций и др.), которые ясно видели прогрессивность нового, буржуазного строя, идущего на смену феодализму, и активно содействовали гибели последнего. Но, поскольку закономерности общественного развития оставались для них «книгой за семью печатями», они не могли найти другого выхода, кроме как объявить ненавистное им средневековье результатом роковых ошибок и провозгласить капитализм единственно разумным общественным строем, дальше которого человечество не сможет продвигаться.

Последующее поколение прогрессивных мыслителей — великие социалисты-утописты, особенно Фурье, — в значительной мере преодолело недостатки чисто рационалистической критики средневековья, на которой останавливались их идейные предшественники, и сделало пер-

вую небезуспешную попытку проникнуть в будущее путем анализа реального хода человеческой истории.

Идею общественного прогресса защищал современник великих утопистов — Гегель. Его философия истории ставила своей задачей открыть известную необходимость и закономерный порядок в общественных изменениях, которые обнаруживаются в развитии как исторически преемственная связь между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Он пытался представить всемирную историю в ее необходимом развитии как единый поступательный процесс. Человечество в своем поступательном движении проникает шаг за шагом в разумное, закономерное содержание условий своего существования, и каждый этап в познании необходимости составляет часть того гигантского пути, который Гегель называл *прогрессом в сознании свободы*. Но Гегель был верным сыном своего класса — буржуазии, революционность которой обрывается на том историческом повороте, где она впервые встречается с революционностью своего могильщика — пролетариата. Поэтому конечные выводы его идеалистической, консервативной системы сразу же вступают в противоречие с его методом, как только он обращается к современной исторической действительности, и он видит себя вынужденным положить предел всякому общественному прогрессу, склоняется к провиденциализму и фатализму.

Научное решение проблемы общественного прогресса оказывается посильным лишь для теоретиков, свободных от сословной ограниченности и частнобуржуазных предрассудков имущих классов, то есть лишь для теоретиков пролетариата — последовательно, до конца революционного класса, который, освобождая себя от капиталистической кабалы, приносит социальное освобождение всем трудящимся. Теоретики этого класса — Маркс и Энгельс, опираясь на открытые ими объективные законы общественного движения, доказали, что все общественные формации, сменявшие друг друга в истории, — первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая — представляют собой только преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая общественная формация необходима и, следовательно, имеет свое оправдание для того времени и для тех

условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место более высокой общественной формации, которая в свою очередь также приходит в упадок и гибнет.

Так с железной необходимостью совершается прогресс в истории человечества. Капитализм не может выйти за пределы этой необходимости. За время своего классового господства буржуазия создала более многочисленные и грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Но узкие рамки буржуазных производственных отношений уже не могут вместить всей массы современных производительных сил и становятся их оковами. Не разбив эти оковы, общество не может двигаться вперед. Капитализм исчерпал свои исторические возможности и должен уступить место новому, более высокому общественному строю — социализму. Таким образом, теория общественного прогресса, пропагандируемая молодой буржуазией, становится идейным оружием против нее самой и подвергается ожесточенным нападкам со стороны теперешних идеологов. Критика теорий общественного прогресса выдвигается ими на первую линию философской борьбы. Из этого как раз и исходит Ницше.

Оставаясь последовательным в осуществлении главной задачи своей философии, Ницше отрицает общественный прогресс как ложную идею, основанную на предвзятом представлении прежних философов о возможности и необходимости нравственного совершенствования человека, на вере в достижение социального идеала. Социальный идеал, уверяет Ницше, есть выдумка досужих умов. Он недостижим хотя бы уже потому, что человечества как такового не существует; общество отнюдь не является социальным организмом, оно состоит из отдельных личностей, каждая из которых обладает собственной волей, не поддающейся социальной организации. Ницше знает, что господствующие эксплуататорские классы не нуждаются в идеальном строе: он уже воплощен в их господстве. Ницше воюет против социального идеала трудящихся, в понятие которого им вкладывается революция, отмена рабства, равенство прав, филан-

тропия, миролюбие, справедливость, истина¹. Этот идеал неосуществим в буржуазном обществе, но он опасен как великий лозунг борьбы, как боевое знамя народных масс, поднимающихся против капиталистического рабства. Поэтому Ницше и объявляет, что победа идеала всякий раз была движением вспять.

Идею общественного прогресса Ницше возводит к французским философам-просветителям, мечтавшим об утверждении «естественного» общественного порядка путем ликвидации сословных феодальных учреждений и институтов, «извращающих природу человека». В «Сумерках кумиров» (в отрывке, озаглавленном «Мое понимание прогресса») Ницше, полемизируя с Руссо, писал, что он тоже говорит «о «возвращении» к природе, хотя это, собственно, и не возвращение, а движение вверх, к возвышенной, свободной, даже устрашающей природе и естественности», которая не имеет ничего общего с революционным учением Руссо о равенстве всех, а, наоборот, утверждает в качестве «истинной справедливости» в отношениях между людьми принцип «равным — равное, неравным — неравное», единственно соответствующий, по мнению Ницше, эгоистической, хищнической природе человека. Из тех же соображений Ницше не может принять либерально-эволюционной теории прогресса Спенсера, которого он изображает как типичного английского декадента, «видящего нечто желательное в победе альтруизма»².

Становится ли человек лучше благодаря цивилизации? Этот вопрос Ницше считает смешным. Обоснование отрицательного ответа он ищет в биологической природе человека, подменяя при этом научную аргументацию циничным парадоксом: «Человек есть животное, переставшее быть животным... Стало быть, человек перестал быть человеком»³. Нет, человек, как вид, не прогрессирует, поучает Ницше. Иногда достигаются более высокие типы, но они не сохраняются. Уровень вида не поднимается. Да и вообще весь животный и растительный мир не развивается от низшего к высшему, все виды развиваются одновременно и друг над другом, в смеше-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 53.

² Fr. Nietzsche. Götzendämmerung, SS. 237—238, 324.

³ Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 350.

нии друг с другом, друг против друга. Самые богатые и сложные формы, те, что Ницше именует «высшим типом», гибнут легче; низшие же типы обладают относительной устойчивостью¹.

Человек, по мнению Ницше, был, есть и будет стадным животным. «Даже и то чувство правды, — изрекает он, — которое в сущности есть чувство безопасности, у человека одинаково с животными: не хотят отдаться в обман, боятся обмануться сами, недоверчиво слушают голоса собственной страсти, насилуют себя, стоят на страже против самих себя: все это животное делает так же как и человек; и у животного из чувства действительности (из благоразумия) развивается самообладание... Начала справедливости, благоразумия, умеренности, храбрости, — короче все, что мы именует *сократовскими добродетелями*, можно найти в животном мире, и составляет результат стремлений — найти пищу и избежать врага»². Ницше нисколько не смущается тем, что его «теория» является беспрецедентным оплошанием самых элементарных понятий биологической науки, которыми он спекулирует, и ставит его в смешное положение: не он служит науке, а наука должна служить его задачам.

С этого зыбкого рубежа Ницше начинает наступление на прогресс. «Прогресс», — иронизирует он. — Не надо впадать в ошибку! Время бежит вперед, — а нам бы хотелось верить, что и все, что в нем, бежит также вперед, что развитие есть развитие поступательное... Такова видимость, соблазняющая самых рассудительных. Но девятнадцатое столетие не есть движение вперед по сравнению с шестнадцатым... «Человечество» не движется вперед, его самого-то не существует. Общий аспект напоминает огромную экспериментальную лабораторию, где кое-что удастся... и несказанно многое не удастся, где нет никакого порядка, логики, связи и обязательности... Человек не есть шаг вперед по отношению к животному; культурная неженка-выродок по сравнению с арабом или корсиканцем»³. Трудно придумать более чудовищную клевету на человека и на человечество. Но для

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 334—335.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 23—24.

³ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 56.

идеолога умирающей буржуазии все средства хороши, если они достигают цели.

Отрицая общественный прогресс, Ницше тем самым отвергает и историю как науку. История, утверждает он, имеет свое величие позади себя. Все наиболее существенное в ней произошло в древние времена. Ее высшим взлетом были рабовладельческая культура Греции и Римская империя как образец государственной и политической организации. Дальше этого человечество не пошло.

Изучение истории, уверяет Ницше, приносит больше вреда, чем пользы. При избытке исторического образования жизнь разрушается, а вслед за ней вырождается сама история. История вредна прежде всего своими аналогиями (то есть, добавим от себя, теми примерами самоотверженной борьбы за социальное раскрепощение трудящихся, которыми так богато прошлое человечества. В героическом прошлом живущие поколения черпают вдохновение для настоящего и будущего. Оно является для них источником мужества, решимости и непоколебимой уверенности в окончательной победе над стихийными силами природы и социальной несправедливости). Исторические аналогии опасны даже тогда, говорит Ницше, когда к ним прибегают герои-одиночки. Они воодушевляют их на подвиги отчаянной смелости, а воодушевление превращают в фанатизм. В результате подвергаются разрушению царства, убиваются властители, возникают войны и революции. Нетрудно себе представить, ужасается он, каково будет влияние истории, если ею завладеют и постараются ее использовать народные массы¹. Отсюда его категорическое требование: прочь «историю евнухов» — историю, объективно освещающую поступательное движение человечества. История должна служить только «сильным натурам».

Особую немилость Ницше заслужила гегелевская философия истории. Ведь Гегель впервые попытался применить диалектику к истории и представить всемирную историю как единый закономерный процесс. Разумеется, это никак не устраивает Ницше, и он не жалеет усилий для того, чтобы развенчать привитое Гегелем

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. II. Изд. 1909, стр. 105—106.

восхищение «перед властью истории», используя при этом гегелевскую непоследовательность в проведении принципа историзма и его идеалистическое изображение истории как земное шествие бога¹.

Иллюзия прогресса в природе и обществе, если верить Ницше, покоится на иллюзии мировой цели. Привычка предполагать цель в основе существующего заставляет думать, что мир близится к состоянию какого-то совершенства, что настоящее существует только для будущего. Но, если бы мир имел какую-то цель, она была бы уже достигнута. Мир беспрерывно умирает и беспрерывно нарождается, питаясь своими экскрементами. Он вечно течет и не способен застыть в каком-либо состоянии, в нем нет ничего вечного, кроме самого процесса бесконечного течения, кроме непрерывных изменений. Но это не значит, что мир в своем движении не повторяется. Наоборот, отсутствие повторений предполагало бы известную целесообразность, намерение. Поскольку развитие осуществляется без цели и намерений, постольку оно представляет не поступательное, а кругообразное движение. Достигнув известного предела в своем развитии, мировой процесс возвращается к исходной точке. С помощью подобных софизмов Ницше подходит к одному из центральных пунктов своей философии — к учению о «вечном возвращении», к которому он сводит все процессы, происходящие в мироздании. Однако Ницше при всей вере в собственную непогрешимость сам чувствует недостаточность только софистической аргументации и начинает искать подтверждения вымышленной им теории в естественно-научных открытиях, в частности в законе сохранения энергии. Так как количество мировой энергии, или, говоря словами Ницше, возможностей проявления «воли к власти», постоянно и, добавляет он от себя, ограничено, а время и пространство, в которых осуществляется ее движение и превращение, бесконечны, то повторяемость комбинаций в мировом процессе становится неизбежной. Одни и те же комбинации сил вынужденно повторяются в вечности бесконечно и бесчисленно. Таков якобы универсальный закон всего сущего².

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. II, стр. 152—153.

² См. Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht. Fr. Nietzsche Werke, Bd. X. Leipzig, 1906, SS. 224—228.

Но подменить «сущее», то есть материальный мир, входящим уже тогда в моду словечком «энергия» и свети все явления природы и общественной жизни к энергии, рассматриваемой к тому же как нечто субъективное, зависящее всецело от воли человека, признать (специально для данного случая) реальность времени и пространства — это еще далеко не значит согласовать теорию с объективной действительностью. Ницше, нужно сказать, не особенно претендует на последнее; для него важно, чтобы произвольная теоретическая конструкция, имеющая чисто служебное назначение, выглядела научно-образно.

Ницше придает идее «вечного возвращения» решающее значение. Ее возникновение он изображает как потрясающий переворот, как внезапное лучезарное откровение. Он называет ее великой, победоносной, пророческой идеей, сокрушающей все прежние учения о жизни, «религией религий», «руководящим принципом на службе силе и варварству». «Расы, которые не вынесут ее, — заявляет Ницше, — обречены на гибель; те же расы, которые воспримут ее как величайшее благодеяние, предназначены для господства над всем миром»¹. Столь пышные декларации нужны Ницше для того, чтобы выдать старую теорию за новое величайшее открытие и привлечь к ней всеобщее внимание.

Идея «вечного возвращения», или вечного круговорота, в форме, близкой к ницшевской, имела хождение еще в древней Греции. Одним из первых ее пропагандистов был Пифагор, она встречается также у софистов и стоиков. Профессор классической филологии не мог, конечно, не знать об этом. Отзвук этой теории можно найти у некоторых философов и социологов нового времени (Д. Вико, О. Конт и др.). Наконец, она была выдвинута современником Ницше — Густавом Лебоном и «аргументирована» им в том же аспекте, что и у Ницше.

Ницше эксплуатирует прежде всего диалектическую природу становления. Объявив бытие фикцией, он лишает становление его материального содержания и превращает его в средство для произвольных, сомнительных теоретических манипуляций, заставляет его работать на себя. Он рассматривает становление как хаос, в кото-

¹ Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht, S. 221.

ром нет ни пребывающей, ни становящейся сущности, ни единства, ни логики, ни порядка, ни закономерности. Оно представляет собой лишь последовательность комбинаций, развертывающихся в бесконечную цепь, ничего не значащих и ни к чему не приводящих; бессмысленную игру сил, реализующихся по воле случая в ограниченное число возможных сочетаний. Вечное возвращение лишено всякого смысла. Про него нельзя сказать, разумно оно или неразумно, благожелательно или жестоко. Оно безразлично и аморально, оно *невинно*.

Невинность становления «при радикальном устранении самого понятия «бытие»¹ — это как раз то, что нужно Ницше и для его радикальных жестов в «переоценке всех ценностей», и для оправдания реакционной идеи «вечного возвращения». Во-первых, Ницше использует «невинность» становления как динамит в борьбе против «вечных заповедей» прежней морали. Если в мире нет ничего вечного, неизменного — ни добра, ни зла, ни истины, ни заблуждения, — стало быть, необходимо низвергнуть мораль, основанную на признании вечных, неизменных добродетелей, и утвердить новую мораль, свободную от химеры, называемой совестью. Здесь «невинное» становление служит прямой предпосылкой для агрессивной реакционности ницшевской философии. Это уже не шопенгауэровское пассивное принятие действительности таковой, какая она есть, а призыв к активному воздействию на нее в интересах господствующего класса, к решительному устранению из нее всего устаревшего, переставшего отвечать новым условиям и новым потребностям этого класса, не брезгая при этом никакими средствами, — призыв к открытому переходу от либерализма к «большой политике» подавления «демократического инстинкта масс» как главного препятствия на пути «становления» империалистической буржуазии.

Во-вторых, поскольку становление располагает ограниченной возможностью действующих сил, оно не может дать ничего принципиально нового, не бывшего уже ранее, — значит нужно брать жизнь такой, как она есть, — «без смысла, без цели, но возвращающуюся неизбежно, без заключительного «ничто»: «вечный воз-

¹ См. Ф. Ницше. *Ессе homo*, стр. 62.

врат»¹. Ницше сам чувствует это бьющее в глаза противоречие и пытается выйти из него, налагая на становление отпечаток бытия. Все возвращающееся, говорит он, есть крайнее приближение мира становления к миру бытия. Таким образом, становление метафизически отождествляется с бытием и превращается в нечто ставшее, данное, неизменное. Выход найден. Все существующее в этом мире получает благословение, его нужно принять и приветствовать, ибо становление «невинно». Почва для оправдания капитализма и всех ужасов капиталистической эксплуатации подготовлена. Он — неизбежный результат закона «вечного возвращения», необходимое звено в «кольце возврата», сама жизнь, ее высшее проявление, олицетворение всей бывшей до сих пор истории, ее смысл и ее содержание.

Идея «вечного возвращения» при всей ее поэтической нарядности и красоты не выходит, да и не может выйти за рамки, начертанные еще пифагорейцами. Пусть скажет об этом сам Ницше:

«Смотри, мы знаем, чему ты учишь, — говорят Заратустре его звери, — ты учишь, что все вещи вечно возвращаются и мы сами с ними, и что мы уже существовали бесчисленное число раз и все вещи вместе с нами. Ты учишь, что существует великий год бытия; он должен, подобно песочным часам, постоянно снова переворачиваться, чтобы снова протекать и вытекать, — так что все эти годы походят сами на себя как в величайшем, так и в самом малом, — так что мы сами в каждом великом году подобны самим себе, как в величайшем, так и в самом малом. И если бы ты теперь захотел умереть, о, Заратустра, смотри, мы знаем и то, как ты тогда заговорил бы с собой... Вот, я умираю и исчезаю, стал бы ты говорить, и в мгновение я превращаюсь в ничто... Но возвратится узел причин, в котором я запутан, — он снова создает меня!.. Я снова возвращаюсь с этим солнцем, с этой землей, с этим орлом, с этой змеей, — не к новой, не к лучшей и не к другой похожей жизни, — я вечно буду возвращаться к этой же самой жизни, как в величайшем, так и в самом малом»².

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 38.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 193.

Учение о «вечном возвращении» — мешанина псевдонаучности и необузданной фантастики. Теоретически обосновать его, разумеется, невозможно, миф всегда остается мифом. Поэтому Ницше требует, чтобы оно было принято как догмат возведенной его устами своеобразной «религии вечности». В конце концов эта новая религия сводится ее изобретателем к следующему основному положению, звучащему как псалом: Я приемлю тебя, жизнь, каковая бы ты ни была: данная мне в вечности, ты претворяешься в радость и желание непрерывного возвращения твоего, ибо я люблю тебя, о, вечность, и благословляю кольцо колец — кольцо возврата, обручившее меня с тобою¹.

На первый взгляд может показаться, что «вечное возвращение» есть некий художественный символ пафоса принятия жизни, идея, несущая в себе первозданное жизнеутверждающее начало, или прославление, обоже-ствление мгновения в фаустовском духе. Именно так пытаются изобразить «вечное возвращение» пропагандисты ницшеанства. Ограничимся двумя примерами. Учение о вечном возвращении, комментирует его И. Ростойчер, разрушает значимость всех старых универсальных принципов, подводит человека под биологическую и психологическую необходимость, внушая ему любовь к жизни во всех ее формах и проявлениях. Это — «абсолютное возрождение культа Диониса» — торжествующего инстинктивного жизненного начала². Вечное возвращение, вторит Ростойчеру Вейман-Вейе, есть действительное, как судьба, переживание, величественный гимн вечности и неустрашимости жизни и в то же время «глубоко научная теория», близкая к учению христианства о вечности³. Последнее неоспоримо.

Поэтическая напыщенность этой идеи вводила в заблуждение и объективных исследователей, пытавшихся подойти к Ницше критически. Так, например, Лейтейзен склонен принять ее как «выражение счастья и полноты жизни»⁴. Между тем теоретическая необоснованность и

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 201—203.

² См. J. Rostetscher. Die Wiederkunft des Dionysos, SS. 13; 137.

³ W. Weymann-Weyhe. Die Entscheidung des Menschen, SS. 196—201.

⁴ См. Лейтейзен. Ницше и финансовый капитал,

примитивность этой идеи настолько очевидны, что даже фашистский «теоретик» А. Боймлер отбрасывает ее, предпочтя более полноценный, по его мнению, заместитель — учение о неизменяемости расы, в котором империя Гитлера предстает как сознательно осуществленное обновление первоначальной чистоты и силы древних германцев.

«Вечное возвращение» для Ницше — не самоцель. Стремление выдвинуть его на первый план и придать ему характер универсального закона мироздания служит лишь ширмой, прикрывающей его истинную роль в философской системе автора. Ларчик открывается довольно просто. «Вечное возвращение» имеет чисто служебную функцию — доказать, что возникновение нового «космически» невозможно.

В применении к общественной жизни это означает, что человечество замкнуто в «колесе времени», что история не движется вперед, а лишь повторяет уже пройденные этапы, она может вновь вернуться к средневековому варварству и рабству, но не может перешагнуть за капитализм. Победа нового общественного строя — социализма, о котором мечтают и во имя которого трудящиеся во главе с пролетариатом ведут борьбу, «космически» не предусмотрена. Таким образом, учением о «вечном возвращении» Ницше выдает капитализму патент на вечность. Здесь берет свое начало мнимый оптимизм и ложный пафос жизнеутверждения: «Я люблю тебя, о, вечность, и благословляю кольцо колец — кольцо возврата, обручившее меня с тобою».

Ницше не признает «счастья и полноты бытия» для всех. Наоборот, он обещает их немногим избранным, расе господ, если она, конечно, примет религию «вечного возвращения». Только они, избранные, высшие люди, имеют право на жаждущую вечности радость жизни. «Великая радость, — патетически восклицает Ницше, — хочет вечности всех вещей, хочет меда, хочет дрожжей, хочет опьяненной полуночи... Вы, высшие люди, она стремится к вам, эта радость, неукротимая, блаженная, к вашей скорби»¹. Так прочь скорбь! Кольцо возвращения вращается для избранных. Им же поет гимны и сам пророк «вечного возвращения» и призывает их спеть

¹ Ф. Ницше. Собр., соч., т. I, стр. 270.

вместе с ним песнь, которая называется «Еще раз», смысл ее «во веки веков!»¹.

Идея «вечного возвращения» является, как открыто признается Ницше, средством для философского обоснования господства олигархии над народами в ее собственных интересах, орудием ее воспитания в духе новой политики, свободной от всяких моральных обязательств². Своим острием эта теория направлена против тех, кто ведет борьбу за разрушение старого, «космически» predetermined строя, за коренное преобразование общественных отношений. «Против парализующего ощущения всеобщего разрушения и неоконченности, — говорит Ницше, — выдвинул я идею вечного возвращения»³.

«Вечное возвращение» приводит Ницше к фатализму. Точнее говоря, само «вечное возвращение» есть представленная в форме мифа идея фатальной неизбежности и вечности существования того общественного строя, который поэтизировал Ницше, — капитализма. Раз история не может дать ничего принципиально нового — значит нужно принять капиталистическое рабство как космически неизбежное общественное состояние. Борьба против него бесполезна и бессмысленна. Те, кто недоволен этим состоянием, должны безропотно переносить его муки, приспособляться к его условиям, чтобы суметь выжить, сохранить себя. Те же, на которых работает «вечное возвращение», должны благословлять каждое мгновение, используя его для упрочения своей воли к власти «еще раз» и «во веки веков». «Вечное возвращение» — это рок для всех времен и народов, а Ницше — «его благодный вестник» и, разумеется, «по необходимости человек рока»⁴.

Фатальную predeterminedность всего сущего Ницше выражает понятием amor fati (любовь к судьбе). Amor fati, вещает Ницше, — это значит: «не хотеть ничего другого ни впереди, ни позади, ни во всю вечность. Не только предполагать необходимость, но и не скрывать ее... любить ее»⁵. Как и следовало ожидать, amor fati проявляется двояко: у сильных (рабовладельческой,

¹ См. Ф. Ницше. Собр., соч., т. I, стр. 271.

² См. Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht, SS. 222—223.

³ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 178.

⁴ Ф. Ницше. Ecce homo, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 45.

дворянской или финансовой олигархии — все равно) *amor fati* выступает как воля господствующей касты к дальнейшему возвышению и, следовательно, как оправдание любого произвола и насилия по отношению к «слабым»; у слабых — как слепая покорность судьбе, как «фатализм без возмущения».

Формула *amor fati* придумана прежде всего ради утешения трудящихся в их безысходном существовании. Их-то и поучает Ницше примирению с судьбой-мачехой, призывая к «зимней спячке»: «Ничего вообще больше не принимать, не допускать к себе, не воспринимать в себя, — вообще не реагировать больше. Глубокий смысл этого фатализма, который не всегда есть мужество к смерти, но к сохранению жизни при самых опасных для жизни обстоятельствах, выражает ослабление обмена веществ, его замедление, род воли к зимней спячке»¹. Ницше учит трудящихся терпеть, убеждая себя в том, что этого не избежать, и по существу вновь возвращается к древнему христианскому догмату: «господи, да будет воля твоя...». Ничего нового он предложить не может.

Но любовь к судьбе — слишком призрачное утешение даже для ее любимцев. А если трудящиеся не проявят должного уважения к року и поднимутся против сильных мира сего, — что тогда? Ницше не может дать гарантии, что этого не случится. *Amor fati* не выдерживает нагрузки мнимого оптимизма, и оптимизм превращается в свою противоположность.

Объявленная Ницше война против идеи общественного прогресса продолжается с нарастающим напряжением последующими поколениями буржуазных социологов. Ее фронт растягивается все шире, и борьба принимает «тотальный» характер. Бои на переднем крае, против марксизма, сопровождаются диверсиями в глубокие тылы, к истокам идеи, против ее первых защитников. Со времени Ницше утекло много воды. Научная теория общественного прогресса нашла блестящее подтверждение в историческом опыте России и многих других стран, а буржуазная социология «все в той же позиции на камне сидит», продолжая повторять на все голоса, что прогресс в обществе — это фикция, иллюзия, внушенная

¹ Ф. Ницше. *Ессе homo*, стр. 17.

«триумфом прикладных наук», наивное пожелание видеть общество развивающимся по восходящей линии. За примерами далеко ходить не нужно.

В 1953 году в Лондоне вышла небольшая книжка проф. Мориса Джинсберга «Идея прогресса», снабженная весьма характерным подзаголовком: «Переоценка». Словечко «переоценка» звучит по-нищиеански и внешне, и по существу, и по постановке, и по решению проблемы. На 82-х страницах Джинсберг пытается доказать, что ни одному из исследователей вопроса, ни Тюрго, ни Кондорсе, ни Конту, ни Марксу, — никому не удалось сформулировать закон или принцип общественного прогресса, ибо, категорически утверждает он, до сих пор еще не было обнаружено законов социального развития и, следовательно, законов прогресса. Не желая считаться с показаниями истории, Джинсберг предлагает своим соратникам по борьбе предать идею прогресса анафеме, выбросить само слово «прогресс», ввести вместо него термин «изменение» и лишь для некоторых узких областей, смежных с социологией, например для истории инструментов, сохранить понятия «эволюция» и «развитие»¹.

Предложение Джинсберга встретило широкое одобрение и поддержку среди массы зарубежных философов и социологов. Приветствуя книгу Джинсберга, Бертран Рассел писал, что проф. Джинсберг «сделал полезную работу, написав некролог идее прогресса». Защитники идеи прогресса, по Расселу, идут якобы к мистицизму, к Апокалипсису. Прогресса не существует, в жизни народов имеют место лишь социальные «изменения», которые не могут привести к коренному улучшению социальных условий, к «внезапному наступлению золотого века», обещаемого прогрессистами. Человеческая природа, на которой зиждется нормальное (то есть буржуазное. — С. О.) общество, вечна: она может претерпевать некоторые изменения, но коренные преобразования — никогда².

В том же примерно духе высказывается один из старейших западногерманских социологов — заслужен-

¹ См. M. Ginsberg. The Idea of Progress: A Revaluation. London, 1953.

² См. B. Russell. The End of the Idea of Progress — в газете „The Manchester Guardian Weekly“, March 19, 1953, p. 11.

ный профессор Кельнского университета Леопольд фон Визе. «Термин «социальные изменения», — говорит он, — в наше время вытеснил термины, которые были до этого популярны, — «эволюция» и «развитие», так же как заменил он в еще большей степени термин «прогресс». Исходя из этого, Визе предложил отказаться от попыток искать в обществе «общую линию развития» и заняться исследованием частичных изменений, решительно отвергая при этом «отождествление изменений с беспорядками»¹, то есть с революционными выступлениями трудящихся против капитализма. Тайна не требует разоблачения: ведь если признать прогресс — значит признать необходимость революционных преобразований буржуазного общества, а этого-то как раз теоретики буржуазии и не хотят.

Идея закономерного исторического прогресса, вытесняя старые, привычные представления об обществе как вечно неизменном состоянии человечества с «естественным» неравенством людей и неизбежной эксплуатацией человека человеком и овладевая сознанием широких масс, воодушевляет и мобилизует их на активную борьбу за коренное преобразование общественных отношений. Здесь скрыта не только главная причина войны против прогресса, но и ее тактические средства и приемы.

Невозможность поступательного развития общества и его совершенствования объясняется обычно природой самого человека, который был и остается, несмотря на несомненные успехи цивилизации, «стадным животным». С самого начала своего существования, пишет, например, американский историк и социолог Карл Беккер, человек во всевозрастающей степени приобретает власть над физическими силами природы, но его могущество растет, ограничивая его индивидуальную свободу. С развитием техники и своей власти над природой человек теряет свою индивидуальность, обезличивается, растворяется в толпе. Современная техника подавляет человека, превращает приданных ей людей в безликую, бесформенную массу, которая не знает и не может знать, чего она хочет, и легко поддается ложной, но эмоционально-насыщенной агитации. Прогресс всегда

¹ См. Transactions of the Third World Congress of Sociology, Vol. I. Amsterdam, 1956, pp. 4—6.

был делом выдающихся индивидуальностей. При теперешнем господстве массы появление подобных индивидуальностей сильно затруднено, общественный прогресс практически становится невозможным. «Никогда раньше, — констатирует Беккер, — человек не достигал относительно большего прогресса в рациональном контроле физических сил и относительно меньшего в рациональном контроле социальных отношений... Каждое усилие по улучшению человеческих отношений сводилось на нет, так как общество не может быть преобразовано без согласия необразованных масс... Массы, образующие общество, нужно убедить или принудить приспособить их деятельность к предлагаемым изменениям социального порядка». Значит, виновата «масса», трудящиеся, которые не желают идти на поводу у «преобразователей социальных отношений» из лагеря империалистической реакции, не принимают навязываемый ими «прогресс». Поэтому-де человек не достоин заботы о нем, о его благополучии и интересах, он «одна из неосторожностей природы, достойная внимания лишь ввиду сложности и необъяснимости»¹. Аттестуя себя как гуманиста, Беккер в действительности поступает как патентованный нищиеанец.

В походе против прогресса принимают участие не только дипломированные социологи, политики и т. д., но также и служители других наук, не имеющие, казалось бы, непосредственного отношения к социальным теориям, например биологи. Вот один из представителей этой науки, кичащийся своей беспартийностью, — Анатолий Рапопорт, профессор Чикагского университета. Опровержение идеи прогресса он начинает гневными упреками в адрес философов XVIII столетия в том, что они «начали рассматривать историю как эволюционный прогресс, а не как последовательность случайных событий» и тем самым помогали оттачивать оружие, которое сейчас успешно используется против буржуазии. Отождествляя капитализм с человеческим обществом, Рапопорт патетически восклицает: «Естественно сомневаться в ценности исследований сверхзвука, если они создают ракетопланы с атомной бомбой... Можно лишь пожать

¹ См. K. Becker. Progress and Power. New York, 1936, pp. 104—105, 114.

плечами по поводу гигиены и медицины, которые могут спасти миллионы индусских детей от смерти и инфекции для того, чтобы они могли умереть через несколько лет голодной смертью»¹. Каждому известно, что, кроме капитализма, где наука и техника служат усилению империалистического гнета, целям войны и разрушения, где медицина и гигиена недоступны нищающим год от года трудящимся массам, существует и крепнет мир социализма, где развитие науки и техники поставлено на службу раскрепощенному человеку, на службу мира и счастья народов и используется как условие ускорения прогресса общества. Но Рапопорта это не касается: там, дескать, урезается индивидуальная свобода (свобода грабить трудящихся и наживаться за счет их непосильного труда), а это, по его понятиям, регресс. Словом, движением вспять объявляется все то, что скроено не по мерке буржуазного общества.

Вместе с понятием «прогресс» социологи современной буржуазии решительно изгоняют из общественной жизни объективные законы, определяющие направление и характер ее поступательного развития. «Закон истории, подобно закону природы, — пытается убедить своих читателей профессор Лондонского университета Дж. Ренир, — является гипотезой, имеющей более чем обычную силу, но тем не менее гипотезой, которая, подобно всякой другой гипотезе, может быть отброшена, если она не «работает»². Ясно, что если законы общественного развития не «работают» на класс, которому служит г-н Ренир, или работают против него, — их нужно отбросить.

Социология бессильна что-либо объяснить, признается один из ведущих американских социологов — Мак-Айвор. Социолог «может узнать, сколько потерь в людях и деньгах принесла война, но он не узнает, почему люди вели войну, какие страсти и убеждения двигали ими... Он не откроет те силы, которые контролируют и управляют поведением человека»³. Трудно поверить, что подобная беспомощность выставляется на-

¹ См. A. Rapoport. How Relative Are Values? — в журнале: „E. T. C.“, Vol. VIII, № 3, 1951, pp. 180—192.

² См. G. Renier. History, Its Purpose and Method. London, 1950, p. 222.

³ См. R. McIver. Social Causation and Change — в сборнике: „Twentieth Century Sociology“. New York, 1945, p. 134.

показ в порыве добродушной профессорской откровенности. Мак-Айвор хочет еще раз подчеркнуть, что социология, исследующая общие законы развития человеческого общества, не имеет никакого смысла, что ее место должна занять микросоциология, покоящаяся на статистике. Значит, вместе с научными понятиями прогресса и закона нужно отбросить и социологию как науку.

Возвещенная Ницше идея «вечного возвращения» не блещет ни оригинальностью, ни остроумием, тем не менее она продолжает бытовать в современной буржуазной социологии, оказывая, прямо или косвенно, известное влияние на многих социологов. Наиболее отчетливо она обнаруживается в философии непосредственного предшественника фашизма — О. Шпенглера.

Шпенглер рассматривает всемирную историю еще более мистически, чем Ницше; он видит в ней лишь «некую духовную возможность», совершающую свой круговорот вокруг человека как предполагаемого центра всего мирового процесса. «Все, что стало, все, что проявляется, — пишет Шпенглер, — есть символ, есть выражение души»¹. Мировой процесс не представляет собой поступательного движения, безграничного восхождения вверх; он есть строго ограниченный в отношении формы и длительности, неизбежно предопределенный, изменяемый столетиями замкнутый круг.

В основе исторического процесса, по Шпенглеру, лежит культура, которая налагает на свой материал — человечество — собственную форму, собственные страсти, собственную жизнь и собственную смерть. Всякая культура переживает возрасты отдельного человека: она рождается, мужает, стареет и, завершив предопределенный ей цикл, уступает место другой культуре и т. д. Человек в этом вечном круговороте — лишь песчинка, ничтожное, жалкое существо, приниженное и придавленное стихийной игрой таинственных роковых сил.

Замаскированный фатализм ницшевского *amor fati* у Шпенглера превращается в открытое признание необходимости судьбы, которая, если верить ему, и составляет ядро и суть всей истории. (Шпенглеровское учение о судьбе вошло затем в арсенал «философии» фашиз-

¹ О. Шпенглер. Закат Европы, т. I, стр. 113.

ма.) Поэтому «каждая культура должна иметь свою собственную историю судьбы»¹. Но «судьба» уже наложила печать упадка на буржуазную культуру. Шпенглер видит и сознает это, но пытается изобразить ее закат как неизбежную гибель всех культурных ценностей. Гибель культуры неизбежна, пророчествует он, если «высший тип людей» не сумеет задушить революционный дух городского пролетариата. Таким образом, принципиально разделяя схему исторического процесса, измышленную Ницше, Шпенглер не может не поставить ему в упрек «романтизма», который привел Ницше к ложным оптимистическим выводам в отношении будущего буржуазии.

Этот упрек находит оправдание в тех изменениях, которые произошли в судьбах капитализма со времени Ницше до победы Великой Октябрьской социалистической революции, пробившей первую брешь в мировой капиталистической системе. Рождение социалистического государства, его первые успехи и неутешительные для буржуазии итоги первой мировой войны решительно подорвали веру в вечность и незыблемость капиталистического строя, питавшую оптимистические иллюзии Ницше и его современников. Кто посмеет теперь с легким сердцем и беззаботным легкомыслием сказать, что история совершает свой круговорот «еще раз» и «во веки веков» для и ради умирающей буржуазии?

Ницшевское *amor fati* сознательно положено в основу социологии экзистенциализма. При этом экзистенциалисты унаследовали от Ницше не только реакционное содержание формулы, но и методологический принцип ее доказательства.

Воюя против социалистов, Ницше обвинял их в том, что они, осуждая пороки, болезни, преступления, проституцию, нужду и тому подобные явления, неизбежные в эксплуататорском обществе, восстают якобы против самой жизни². Экзистенциалисты часто цитируют это изречение и твердо держатся данной Ницше «руководящей» нити. Всякое бытие оправдано — такова первая предпосылка и конечный вывод экзистенциализма, рассматривающего капиталистический хаос как вечное и

¹ См. О. Шпенглер. Закат Европы, т. I, стр. 20.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 27.

единственно действительное общественное состояние человека. «Во всяком обществе, — говорит Карл Ясперс, — существует различие материальных благ и, прежде всего, неминуемое различие верхних и нижних слоев»¹. Так было и так будет. Следовательно, нужно принять «наличное общественное бытие» без ропота и без возмущений. Такова жизнь. Исхода нет. Нужно терпеть и покоряться.

Человек не способен справиться с окружающей действительностью. Он одинок, покинут, заброшен в этом горестном мире, на каждом шагу его подстерегают страх, отчаяние и т. д. Он всегда находится на границе смерти. «Чем определеннее воспринимаю я мир, — мрачно резюмирует Ясперс, — тем безрадостнее чувствую я себя в нем — безутешном в качестве другого и в качестве такового»². Но никто в этом не виноват, ибо все, что существует, — свет и тьма, радость и горе, свобода и рабство, добро и зло, мир и война, преступление и невинность — все одинаково принадлежит бытию, имеет право на жизнь. Виноват в этом сам человек, так как, однажды попав в этот мир, он ответственен за все, что делает.

Нетрудно понять, что здесь экзистенциализм непосредственно смыкается с мифом Ницше об Аполлоне и Дионисе, символизирующим извечную борьбу доброго и злого, светлого и темного, разумного и стихийного начал в истории, имеющих равное право на существование. У позднего Ницше этот миф не имеет большого значения: он отдал свое предпочтение Дионису. Экзистенциалисты воскресили этот миф, а вместе с ним возродили эпизодическую для их предшественника идею о «ковре жизни», выдвинутую им в оправдание мифа об Аполлоне и Дионисе. Жизнь, проповедуют они на все лады, представляет собой ковер, в котором нити страдания и счастья переплетены так, что любая попытка выдернуть одну из них неминуемо приводит к разрушению всего ковра, к разрушению самой жизни.

Кошмарный ужас перед завтрашним днем, неотступно преследующий теперешнюю буржуазию на каждом шагу, вызвал к жизни философию, которая выводит че-

¹ K. Jaspers. Die Idee der Universität, Berlin, 1946, S. 97.

² K. Jaspers. Philosophie, Bd. II. Berlin, 1932, S. 3.

ловека на границу смерти. Боязнь существования, как метко заметил О. Гротеволь, есть наиболее характерный признак философии экзистенциализма¹. Такова эволюция «оптимизма» империалистической буржуазии, зная которого пытался поднять Ницше.

Идея «вечного возвращения» перекликается с многочисленными теориями общественного «круговорота», фабрикуемыми современными буржуазными социологами и историками. Для примера можно сослаться на широко известного на Западе английского историка А. Тоинби, которого иногда называют английским Шпенглером.

Тоинби выдвинул теорию параллельно существующих и бесследно гибнущих цивилизаций, призванную, по его расчетам, разрушить «иллюзию прогресса». Составные элементы каждой такой цивилизации определяются религией; ее создателями, творцами является «творческое меньшинство». Сопоставляя одни цивилизации с другими, Тоинби пытается вывести некоторые общие черты их развития и по этой аналогии определить будущее так называемой западной цивилизации. Сопоставления и аналогии приводят его к выводу, что история западной цивилизации якобы повторяет историю античной цивилизации не только в их общих проявлениях, но и в деталях. Значит, все возвращается и в большом, и в малом. Так, современный пролетариат отождествляется с древнеримским люмпен-пролетариатом, коммунизм — с христианскими еретическими учениями, победа либералов в Турции на выборах 1950 года — с «цивилизаторской» деятельностью иудейского царя Ирода, Петр I — с понтийским царем Митридатом и т. д. Общий вывод, к которому приходит Тоинби, сводится к утверждению, что западная цивилизация идет к гибели. Для того чтобы спасти ее от «азиатского варварства», необходимо религиозное возрождение Запада².

Реакционные теории общественного круговорота проповедуются американскими социологами Райтом, Пенделлом, Куком, Хейсом и т. д. Империалистическая

¹ См. сборник: О. Grotewohl. Deutsche Kulturpolitik, S. 27

² См. A. Toynbee. The World and the West. London — New York, 1953.

буржуазия пытается осуществить эти теории на практике, жестоко преследуя все прогрессивное, передовое, возрождая самые дикие формы эксплуатации и грубые, опирающиеся на голую силу формы политического господства. Но поступательное движение истории сметает все преграды на своем пути. Прогресс человечества обусловлен закономерными факторами и не зависит ни от классовых интересов буржуазии, ни от субъективного произвола ее теоретиков.

ВОЛЯ К ВЛАСТИ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Оторванное от материальной субстанции, не поддающееся логическому исследованию и формулировке, иррациональное и непознаваемое становление, каким оно представлено в философской системе Ницше, допускает любую произвольную интерпретацию. Поэтому все, что можно сказать о становлении после того, как оно подверглось подобной обработке, Ницше с игривой легкостью сводит к тому, что оно есть результат соперничества между энергиями, между борющимися за превосходство и преобладание волями. Эту мифическую волю к господству, к власти (*der Wille zur Macht*) он навязывает всякому становлению, всем явлениям, совершающимся в мировом процессе. Воля к власти, уверяет Ницше, является наиболее элементарным фактом из всех, какие можно констатировать, говоря о становлении, при этом фактом, принимаемым априорно и не нуждающимся ни в каких доказательствах. Она первооснова всего сущего, единственная движущая сила, действующая как в природе, так и в обществе.

Философ, по Ницше, есть законодатель, творец мира. Следовательно, если он создает в своем мозгу «новую теорию», пусть это будет миф, неузнаваемо искажающий истинную картину объективного мира, то нынешний мир должен прийти в полное соответствие с его измышлениями. Для Ницше такой универсальной теорией служит учение о «воле к власти», которую он приписывает всему мирозданию, нимало не заботясь о том, подтверждается или не подтверждается она данными науки и практики. Воля к власти, порожденная философской и поэтической фантазией ее творца, является

прежде всего методологическим принципом, призванным извратить реальные общественные отношения, основанные на господстве и подчинении, и доказать их предопределенность не только биологически, но и «космически». Будучи предельным выражением философского волюнтаризма, этот принцип не выдерживает научной критики, но он представляет известный интерес как образец целенаправленной фальсификации общественных отношений путем подмены объективных законов, которым подчинено общество в своем поступательном движении, категориями и закономерностями, вымышленными философами империалистической буржуазии или искусственно перенесенными в историю из других областей.

Метод, которым пользуется Ницше для «объяснения» общественных явлений, конечно, не нов и не оригинален. Его родословная восходит, по крайней мере, к крылатому изречению «*bellum omnium contra omnes*» (война всех против всех). Эта формула метко схватывает поверхность таких явлений буржуазного общества, как анархия производства, конкуренция, погоня за наживой, борьба за рынки и т. д., но она ни на шаг не продвигает исследование их причин и их действительного содержания. Ухватившись за эту формулу, Мальтус вложил в нее понятие «борьба за существование» как решающий фактор всей органической природы и человеческой истории и вывел из него «вечный и естественный» закон народонаселения. Выводы Мальтуса, как справедливо отмечал К. Маркс, являются сознательной подменой науки «в интересах господствующих классов вообще и реакционных элементов этих господствующих классов в особенности»¹.

Биологическая интерпретация общественных явлений приобрела особенно широкое распространение во второй половине прошлого века, отмеченной бурным развитием и успехами биологии, из которых следует отметить прежде всего великое открытие Чарлза Дарвина. Стремление объяснить общественную жизнь «биологически» связано, во-первых, с общей тенденцией идеалистической и метафизической философии к спекуляции на достижениях тех отраслей естественных наук, кото-

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I. Партиздат, 1932, стр. 212.

рые привлекают к себе всеобщее внимание, и, во-вторых, с попытками реакционной буржуазии использовать любые средства для идеологической защиты умирающего капитализма как «естественного и вечного» состояния общества. Этому в некоторой мере способствовало и то обстоятельство, что сам Дарвин в своей эволюционной теории не сумел полностью избежать влияния мальтусовской «борьбы за существование».

Извращая открытый Дарвином закон естественно-исторической эволюции органических форм и распространяя его действие на общественную жизнь, социал-дарвинисты выводят из него самые реакционные следствия в области социологии, имеющие своей задачей парализовать революционные действия, направленные на коренную ломку существующих общественных отношений. Псевдосоциология, основанная на «естественных и вечных» законах, удобна для идеологов реакционной буржуазии еще и тем, что из нее можно извлечь реакционные выводы с видимостью научной убедительности, не ломая головы над обоснованием апологетики капиталистического рабства.

Сущность и назначение подобной фальсификации общественных отношений раскрыта еще Ф. Энгельсом, который указывал, что в основе этой фальсификации лежит «просто-напросто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о войне всех против всех и буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса. Прodelав этот фокус... опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества»¹. Особое положение, которое занимает Ницше в ряду этих философов (социал-дарвинистов, мальтузианцев и т. п.), характеризуется лишь тем, что он более открыто мифицирует естественно-научные законы и категории и более решительно переносит вымышленные им принципы философии общества на все явления природы, не проводя грани между ее органическими и неорганическими формами, а затем исходит из природы, чтобы выдать свои кон-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 306.

струкций за способ проявления космической закономерности.

Исходным пунктом для социологических построений Ницше является та же *bellum omnium contra omnes*, но он позволяет себе не согласиться с ортодоксальными мальтузианцами и социал-дарвинистами, рассматривающими войну всех против всех как борьбу за существование, и вкладывает в нее в качестве основы собственное «оригинальное» понятие «воля к власти». Однако конечные выводы, к которым приходит Ницше, не выходят за рамки мальтузианства и социал-дарвинизма.

Ницше мыслит «космическими масштабами». Его не удовлетворяют ни физика, ни химия, ни другие науки, в которых не находится места для «воли к власти». Он решительно восстает против физических понятий силы, притяжения, отталкивания и т. д., объявляет их пустыми фикциями; восстает, как кажется на первый взгляд, потому, что с помощью этих понятий физики создали бога и ложный, богом управляемый мир. Но, низвергая старых, телеологических и теологических богов, он вводит в мир новое божество, рожденное его фантазией. Ницше требует, чтобы в мир, построенный на всеторжествующем понятии «сила», была введена некоторая «внутренняя воля», называемая «волей к власти», то есть, поясняет он, «ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью как творческий инстинкт»¹.

Такую же процедуру проделывает Ницше с физическим понятием атома. Отказывая в существовании атому как мельчайшей материальной частице, известной тогдашней физике, он заменяет его «некоторым количеством воли к власти», мельчайшей частицей этого нового божества. Количество власти, заключенное в атоме, характеризуется действием, которое оно производит, и действием, которому оно оказывает сопротивление. «В сущности, — говорит Ницше, — имеется только воля к насилию и воля защищать себя от насилия... Каждый атом производит свое действие на все бытие, — мы упраздним атом, если мы упраздним это излучение воли к власти»². Воля к власти пронизывает также и все химиче-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 298.

² Там же, стр. 304.

ские процессы. Ницше определяет химию как науку об абсолютном установлении отношений власти между веществами, вступающими в химические реакции: более сильное вещество становится господином более слабого, не зная при этом ни сожаления, ни пощады, ни уважения к объективным законам¹, которым в действительности подчинено всякое химическое движение в природе.

Как бы ни была фантастична картина мира, нарисованная Ницше, он тем не менее не стоит в стороне от общей дороги, по которой идет современная реакционная буржуазная философия.

Незнание диалектики или нежелание принять ее в качестве единственно научного метода исследования объективной реальности неминуемо приводит буржуазных философов в болото мистики и фидеизма. Спекулируя на кризисе естествознания и на ошибках некоторых естествоиспытателей, впавших в физический идеализм, философствующие приказчики буржуазии громогласно возвестили об исчезновении материи и постарались свести все материальные процессы к математическим формулам, за которыми якобы нет никакой объективной реальности. Открытие о неисчерпаемости атома, о превращении его мельчайших материальных частиц друг в друга (фотонов в электроны и позитроны и обратно) было использовано ими для того, чтобы протащить учение о рождении материи из «чистой энергии», о «свободе воли» у электрона и т. п. Но электрон, обладающий «свободой воли», принципиально ничем не отличается от атома, излучающего «волю к власти»: и то, и другое есть предельное выражение философского волюнтаризма, мистика чистейшей воды. Это дало А. Митташу «право» сделать далеко идущее обобщение, что результаты сегодняшней физики будто бы полностью подтвердили «покоящееся на прогрессе естественных наук» предвидение Ницше о некорпускулярности элементарных частиц материи, и представить его волюнтаристскую мистику как последнее слово современной натурфилософии².

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 301.

² См. А. Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph, SS. 285—286.

Навязав волю к власти всему мирозданию, Ницше может теперь спокойно объявить жизнь частным случаем проявления этой вездесущей воли к власти. Так он и поступает.

Уже во времена Ницше было доказано, что жизнь представляет собой способ существования белковых тел, в основе которого лежит ассимиляция и диссимиляция. Белковое тело извлекает из окружающей среды необходимые ему вещества и усваивает их, тогда как более старые его частицы разлагаются и выделяются. Как только прекращается эта непрерывная смена питания и выделения, белковое тело распадается, умирает. Ницше ничего не может возразить против такого определения жизни, но он делает при этом одну подстановку, которая ставит научное представление с ног на голову, — он заменяет понятие «усвоение» понятием «присвоение» и выдает последнее за результат стремления живого организма «покорять» окружающее, за волю к насилию, к господству над окружающей внешней средой. Самым существенным в процессе жизни, объявляет Ницше, является внутренняя созидаящая сила, эксплуатирующая, обращающая себе на пользу внешние обстоятельства¹.

Ницше рассматривает все живые существа, в том числе и человека, как определенную иерархию сил, соперничающих друг с другом в воле к власти и различающихся друг от друга количеством и качеством этой мистической воли. Более сильные организмы всегда живут за счет более слабых, покоряя и угнетая их. Слабые завидуют сильным и ненавидят их. Поэтому в борьбе против сильных слабые стремятся к объединению между собой с тем, чтобы не только противостоять сильным, но и растворить их в себе, подчинить их своей коллективной воле. Сильные же, наоборот, избегают присоединения к каким-либо коллективам, предпочитают жить в одиночку, гордые своим могуществом и величием. Борьба сильных и слабых за преобладание составляет содержание всей истории животного мира. «Воля к власти во всякой комбинации сил, образующаяся против более сильного, нападающая на более слабое»², — такова непреложная истина, которую возвещает Ницше.

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 311.

² Там же, стр. 313.

Ницше воюет против научного представления об обществе как о совокупности общественных отношений, складывающихся в процессе производства материальных благ. Но поскольку он, как и все буржуазные социологи, вместе взятые, не может опровергнуть это представление с научной точки зрения, постольку он, нисколько не смущаясь произвольностью научно-естественной аргументации, смело ставит на место действительной философии общества биологическую мистику, стирающую всякие качественные различия между животным миром и человеческим обществом. Для него важно, чтобы «истина» могла служить инструментом фальсификации общественных отношений, обусловленной его классовыми интересами борьбы против социализма. Здесь же следует искать разгадку его отрицательного отношения к учению Дарвина и ортодоксальному социал-дарвинизму.

Опираясь на огромный материал, накопленный предшествующей биологией, Дарвин впервые представил происхождение и развитие видов животных и растений как естественно-исторический процесс, совершающийся по восходящей линии, и объяснил причины этой закономерной эволюции на основе изменчивости и наследственности, свойственной живым организмам. Он доказал, что в результате естественного и искусственного отбора у животных и растений закрепляются те изменения, которые оказываются полезными им в их борьбе за существование. Эти изменения, передаваясь по наследству из поколения в поколение, обуславливают появление новых животных и растительных форм. Материалистическая теория Дарвина, правильно понятая, не оставляет лазеек для идеализма и тем более фидеизма в истолковании происхождения и развития живой природы, но, применяемая к общественной жизни, она превращается в пустую фразу независимо от того, с хорошими или дурными намерениями предпринимается такое перенесение.

Реакционных социологов в дарвиновской эволюционной теории привлекает прежде всего ее наиболее слабая и наиболее уязвимая сторона — борьба за существование. Социал-дарвинисты, делая вид, что они приемлют дарвинизм целиком и полностью, на самом деле берут лишь эту сторону учения Дарвина, абсолютизируют ее

с тем, чтобы использовать фразу о борьбе за существование в качестве исходного пункта для оценки перспектив классовой борьбы и будущности капитализма. Если борьба за существование является движущей силой развития, а перевес в этой борьбе всегда сохраняется за более сильными и приспособленными к внешней среде индивидами, то, следовательно, победа в той борьбе, которую ведут буржуазия и пролетариат, и впредь будет сопутствовать экономически и политически более сильному и более приспособленному классу, то есть классу капиталистов. Таков вывод, к которому приходят социалдарвинисты под прикрытием фразы о борьбе за существование.

Ницше подходит к апологии буржуазного строя несколько иначе. Он ставит перед собой две задачи: во-первых, доказать вечность и незыблемость капитализма, во-вторых, предостеречь правящие классы от смертельной для них опасности — от социализма и демократизма и указать им путь к укреплению своего господства. Первую задачу Ницше пытается решить в основном посредством учения о становлении, «вечном возвращении» и *amor fati*. В учении о воле к власти он переносит центр тяжести на разрешение второй задачи.

Ницше, как уже отмечалось, отвергает «вечный и естественный» закон борьбы за существование. Что касается «пресловутой борьбы за существование», говорит он, то она является больше утверждаемой, чем доказанной. Она может иметь место лишь как исключение, а не как общее правило. Общий вид жизни, продолжает он далее, не есть состояние нужды или голодания, а, скорее, наоборот, богатство, избыток, даже бессмысленная расточительность. Там, где борются, — борются всегда за власть. Но если даже допустить, что борьба за существование имеется, то ее исход бывает, к несчастью, обратный тому, которого хочет школа Дарвина и которого следовало бы ожидать, а именно: победа не на стороне сильных, «уполномоченных», не на стороне счастливых исключений. Слабые всегда будут господами сильных, ибо они составляют большинство и к тому же они умнее, богаче духом. Дарвин забыл о духовной стороне дела, бросает ему упрек Ницше¹.

¹ См. Fr. Nietzsche. *Götzendämmerung*, SS. 303—304.

Касаясь теории естественного отбора, Ницше снова возвращается к этой мысли. Он еще раз навязчиво подчеркивает, что естественный отбор происходит в ущерб счастливым исключениям, в ущерб тому «высшему типу», который призван господствовать над человечеством, так как наиболее сильные и счастливые оказываются слишком слабыми, когда им противостоят «организованные стадные инстинкты, боязливость слабых, численное превосходство»¹. Слабые одерживают верх благодаря своей численности, благоразумию и хитрости. Природа жестока по отношению к своим удавшимся детям, которые погибают при смене благоприятных и неблагоприятных условий легче других, но она слишком милостива по отношению к низшему и среднему типам, которых она щадит, охраняет и любит. «Рост власти данного вида, — суммирует Ницше, — может быть, менее гарантирован преобладанием его *удачных детей*, его сильных, чем преобладанием средних и низших типов... Последние имеют за себя сильную плодовитость, устойчивость; с первым связано возрастание опасности, скорое вымирание, быстрое уменьшение численности вида»².

Ницше, как видно, чувствует шаткость теоретических позиций социал-дарвинистов и пытается преодолеть ее с помощью еще более произвольной конструкции «воли к власти». Если общественная «борьба за существование», или, точнее говоря, классовая борьба, не может автоматически произвести «высший тип» человека и обеспечить ему безраздельное и вечное господство над низшим и средними типами, то нужно достигнуть такого общественного устройства, где бесчисленное количество слабых индивидов приносится в жертву немногим избранным, где целые народы и расы образуют материал для создания отдельных ценных индивидов, безропотно покоряются их высшей «воле к власти»³. Такое общественное устройство позволит не только сохранить лучшие достижения природы, но и выращивать, воспитывать их. Только в этом, по мнению Ницше, заключается прогресс человечества.

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 334.

² Там же, стр. 336.

³ См. там же, стр. 330.

Охранительные меры против «слабых», против социализма (ибо социализм, по Ницше, есть учение «слабых»), которые он предлагает, сводятся к установлению новых форм классового господства буржуазии, исключая всякие демократические поправки трудящемуся большинству и способных предотвратить подъем рабочего движения и возможную победу социализма. Ницше скептически относился к либеральной буржуазии. Он мало верил в то, что современные ему капиталисты, зараженные либеральными и демократическими иллюзиями, смогут осуществить такое дело. Он опасался, что они еще не подготовлены к решающему повороту в государственной политике, и возлагал эту миссию на будущих «господ земли», на формирующуюся на его глазах новую, империалистическую буржуазию, которая воспримет руководящие принципы его этики. Таким образом, Ницше предвосхищает новые формы классового господства, к которым стремится империалистическая буржуазия и которые находят практическое осуществление в фашистской диктатуре.

«Критика» социал-дарвинизма, которую дает Ницше, лишний раз подтверждает, что социал-дарвинисты исходят не из проверки объективной правильности и применимости дарвинизма к явлениям общественной жизни, а из определенных политических целей, и, подобно самому Ницше, не идут дальше вульгарной антидарвинистской аргументации. Дарвинизм используется реакционными социологами лишь как методологический прием для извращения действительных общественных отношений буржуазного общества и классовой борьбы, необходимо возникавшей в обществе, основанном на эксплуатации и угнетении. Этим же целям служит и ницшевская воля к власти.

Известно, что капитализм все более и более разделяет общество на два больших враждебных лагеря — буржуазию и пролетариат. Достигнув господства, буржуазия разрушила все патриархальные и феодальные путы, привязывавшие человека к его «законным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого расчета. Старые формы эксплуатации, скрытые за религиозными и политическими покровами, она заменила эксплуатацией прямой, открытой и бесстыдной. Уже первые самостоятельные выступления рабочего

класса в 30—40-х годах XIX века показали, насколько очевидны, глубоки и непримиримы противоречия между основными классами буржуазного общества. Классовые отношения настолько упростились, что, как замечает Энгельс, только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе классов и в столкновении их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории¹.

Марксизм доказал, что источник классового деления и, стало быть, классовой борьбы нужно искать в экономической структуре общества. Классы есть «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»². Поэтому всякая борьба классов, несмотря на ее неизбежно политическую форму, ведется в конечном счете ради *экономического* освобождения. Антагонистические классы и классовая борьба, возникшие с появлением частной собственности на орудия и средства производства, прекращают свое существование с ее исчезновением, ибо только с ликвидацией частной собственности становится возможным экономическое освобождение трудящихся, их свободное политическое и духовное развитие. Во имя этих благородных целей пролетариат ведет борьбу против господства буржуазии.

С появлением марксизма, впервые с научной точностью определившего положение и роль каждого класса в буржуазном обществе и историческую миссию пролетариата как могильщика буржуазии, классовая борьба, которую ведет пролетариат, вступила в новую стадию. Марксистская теория классов и классовой борьбы, указавшая пролетариату прямой и надежный путь к победе над буржуазией, к утверждению своего классового

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 374.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 388.

господства, начинает подвергаться самым ожесточенным нападкам со стороны буржуазных идеологов, в том числе, конечно, и со стороны Ницше.

Ницше рассматривает общество как скопище индивидуумов, отличающихся от животных только известной степенью интеллектуальности, способностью сознавать и оценивать свои поступки. Индивидуум есть нечто абсолютное, черпающее оценку своих поступков в самом себе. Он работает как органическая клетка: грабит и насилует, угнетает и убивает, подчиняет себе все более слабое, захватывает вокруг себя все, что можно захватить, поступая так ради своего наслаждения. «Очеловечение» (*Vermenschlichung*) в этой общей для всего живого тенденции состоит в том, что человек сознает, насколько тяжело подчинить себе волю другого и какой огромный ущерб наносит другому его власть над ним¹.

Жизнь, поучает Ницше, чуждается всякого альтруизма, в ее основе лежат грубые эгоистические инстинкты — агрессивный и оборонительный эгоизм, являющийся делом фатальности самой жизни, независимо от того, идет ли речь о живом организме, индивидууме или обществе². Требование обоюдно удерживаться от нанесения вреда, от насилия, если сделать его основным принципом общества, означает стремление к отрицанию жизни. Поэтому нужно, призывает Ницше, отказаться от всякой чувствительной слабости и принять жизнь такой, как она есть, — как присвоение, преодоление чуждого и более слабого, подавление, навязывание собственных форм и, по меньшей мере, даже в самом мягком виде, как эксплуатацию. Всякое живое тело является воплощенным стремлением к власти, к захвату окружающего и перевесу над ним, не исходя из какой-либо моральности или неморальности, а просто потому, что оно живет, и потому, что жизнь есть стремление к власти. Эксплуатация не есть принадлежность испорченного, несовершенного или примитивного общества, она принадлежит к сущности всего живущего как основная органическая функция; она является следствием истинного стремления к власти, которое есть стремление к жизни. «Предположим, что, как теория, это — ново, — заключает Ницше, —

¹ См. Fr. Nietzsche. *Der Wille zur Macht*, SS. 31—32.

² См. там же, стр. 7.

но как реальная действительность, — это *основной фактор* всей истории»¹.

Но различные люди, «разъясняет» Ницше, располагают неодинаковым количеством воли и власти: одни (избранные, благородные натуры) — бóльшим, другие (люди низкого происхождения) — меньшим. О человеке и его ценности для жизни и для ее возвышения можно и должно судить лишь по тому количеству воли к власти, которой он располагает. Воля к власти имеет также качественные различия. В человеке как виде соединены творение и творец: в нем есть материя, обломок, клей, грязь, бессмыслица, хаос и, с другой стороны, творчество, созидание, твердость молота, божественность зрителя и седьмой день творения². Первые качества присущи простым людям, трудящимся, создающим «низменные», материальные блага, вторые — благородным, аристократии, творящей за счет изнуряющего, непосильного труда простых людей «высшие» ценности, культурные и духовные. Соответственно этому разделению воля к власти у избранных является созидающей волей, воля к власти у трудящегося большинства — разрушающей. Первые, аристократия, есть соль земли, единственный смысл и цель человеческого существования, истинные повелители по духу и по происхождению, вторые — материал для их исторического опыта.

Теоретические хитросплетения и поэтический пафос Ницше направлены к тому, чтобы доказать, что индивидуумы, обладающие более сильным и «благородным» инстинктом воли к власти, призваны повелевать более слабыми, а слабые — повиноваться более сильным. Таков абсолютный закон жизни. Об этом говорит и этому учит ницшевский Заратустра: «Но где только находил я живущее, там слышал и речь о послушании. Все живущее есть повинующееся. А вот второе: тому будет приказано, кто не может повиноваться самому себе... Но вот третье, что я слышал: повелевать труднее, чем повиноваться... повелевающий несет тяжесть всех повинующихся и... тяжесть эта может раздавить его... Пусть слабейший служит сильнейшему, вот к чему побуждает живущего его воля»³.

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 222.

² См. там же, стр. 170.

³ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 95—96.

Так вместе с Заратустрой скорбит Ницше о тяжелой участи «благородных», призванных господствовать и повелевать человеческим «стадом слабых». Куда легче живет тем, кто должен повиноваться. Каждый из них отвечает только за себя, не рискуя ради других. У них лишь одна забота: безропотно влачить непосильную ношу подневольного труда, работать до полного изнеможения сил, способствуя умножению славы и могущества власть имущих. Но, к сожалению (для Ницше, конечно), они способны не только роптать, но и возмущаться, восставать против своих «естественных» повелителей. Они организуются, объединяются, спланивают, складывают свои индивидуальные воли воедино, чтобы вырваться из кабалы сильных и навсегда сбросить ярмо угнетения и эксплуатации.

Ницше изучал историю и хорошо знает, насколько она богата примерами самоотверженной борьбы трудящихся за свое освобождение. Наконец, он был очевидцем великого революционного выступления пролетариата — Парижской Коммуны и других классовых боев современной ему эпохи. Он не замазывает противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорами, ожесточенной, смертельной борьбы между ними. Напротив, он грубо и цинично разделяет общество на две полярности — господ и рабов, не скрывая при этом своих нежных симпатий к первым и лютой ненависти ко вторым, и решительно выступает против всякой болтовни о единстве, общности и гармонии их интересов. Но его меньше всего интересуют действительные причины и побудительные мотивы извечной борьбы между ними. Его задача заключается в том, чтобы извратить ее цели и содержание, выдать ее за «естественный» закон самой жизни, мифизировать историю, подогнав ее под спасительную форму «воля к власти».

История, если верить Ницше, представляет собой борьбу двух типов воли к власти: воли к власти «сильных» (то есть господ) и воли к власти «слабых» (то есть рабов). Во всех поступках «слабых», будто бы, проявляются пессимистическая злобность по отношению к положению человека и осуждение человека вместе с его положением, тяготение к нивелировке, к равенству и прочие низменные инстинкты, входящие в разряд добродетелей морали рабов. Они восстают против «сильных»,

руководствуясь «стадным инстинктом» зависти и ненависти ко всему, что сильнее, выше, лучше и благороднее их. Воля к власти «слабых» находит свое выражение в христианстве, социализме и анархизме, воля к власти «сильных» должна найти свое законченное воплощение в этике Ницше.

Сам Ницше не оставляет ни тени сомнения в том, что следует понимать под его терминами «рабы» и «господа». Рабы — это угнетенные трудящиеся массы, господа — правящие эксплуататорские классы. Он гордился тем, что никогда не писал для народа, а обращался всегда только к «избранным» и не стыдился называть вещи своими именами. Его защитникам приходится туго: их задача — донести ницшеанство до широкой читающей публики. Значит, нужно подать его в менее огрубленных формулировках. Боясь, что человеконенавистническая философия Ницше и его рабовладельческая терминология будут восприняты так, как нужно принимать их объективно, адвокаты ницшеанства спешат выручить своего подзащитного. Их основной аргумент в защите — не следует придирается к словам, нужно принимать ницшеанство не буквально, а как поэтическое иносказание, символизирующее борьбу за возвышение человека и утверждение восходящих форм жизни. Ницше, бездоказательно утверждает К. Ясперс, вовсе не чужд народу, как принято думать. Но чем он, Ясперс, может подкрепить свое утверждение? Ничем, кроме ссылок на «глубокий поток философствования», проникающий «в глубь человеческого духа» и... немецкой души. А как же быть с другим заверением его, что Ницше не может быть понят «большинством», то есть народом?¹ Ясперс оставляет этот вопрос открытым.

А. Лихтенберже высказал мысль, что рабы у Ницше не социальное понятие, а художественный образ, олицетворяющий все аскетическое, слабое, больное и дряхлое в человеке. Заключение Лихтенберже опровергается каждой строкой, написанной рукой Ницше, но иного выхода нет, приходится строить защиту на этом зыбком песке. Так поступают Дж. Морган, Вейман-Вейе и многие другие. Г. Гербер идет еще дальше: интерпретируя Ниц-

¹ См. K. Jaspers. Nietzsche, S. 374; Nietzsche und das Christentum, S. 65.

ше на свой лад, он зачисляет в сословие рабов лавочников и либеральных болтунов от политики¹.

Абсурдность подобных утверждений выступает наружу уже при беглом знакомстве с философией Ницше. Его «философский молот» не знает пощады к социальным, этическим и религиозным учениям, которые, пусть даже в самой абстрактной форме, включают в себя идеи справедливости, равенства, гуманизма, сострадания, любви к человеку и т. д. Сваливая в одну кучу христианство, анархизм и социализм, Ницше обвиняет христианство в том, что оно испепелило Римскую империю и дало лозунги всем восстаниям угнетенных против своих поработителей.

Что касается утверждения о гибели Римской империи, то можно признать, что Ницше недалек от истины, если учесть, что понятие «христианин» он отождествляет с понятием «раб». Именно восстания рабов подрывали ее мощь изнутри и подготовили ее завоевание извне. Ницше охотно использует этот факт для того, чтобы подогнать историю под свою схему. Римская империя — самая паразитическая государственная форма классового господства — является для Ницше самой величественной государственной организацией, по сравнению с которой все предшествующие и все последующие государства были дилетантизмом. Он превозносит ее как высшее достижение воли к власти «господ», как символ полноты и процветания жизни. Эта организация, по Ницше, была достаточно прочна, чтобы выдержать дурных цезарей, но оказалась недостаточно прочной, чтобы выдержать натиск христиан, поднявшихся на борьбу за социальное равенство.

Завуалировав объективную основу классовой борьбы, происходившей в древнем Риме, Ницше дает волю своему аристократическому гневу. Его ненависть к поработленным Римской империей народам, осмелившимся поднять кулак на своих поработителей, кажется, не знает предела. «Эти тайные гады, — неистовствует он, — заползавшие ко всем под покровом тьмы, тумана и двусмысленности... эта трусливая, женственная и приторно сладкая банда шаг за шагом отвратила «души» от этой колоссальной постройки, — отвратила те ценные, муже-

¹ См. Н. Gerber. Nietzsche und Goethe, S. 138.

ственно-знатные натуры, которые чувствовали в деле Рима свое собственное дело, свою собственную серьезность, свою собственную гордость. Пролазничество ханжей, секретность тайных собраний... медленно разожженный огонь мщения, мщения чандалы, — вот что сделалось господином над Римом»¹. *Демократизм* христианских инстинктов одержал победу над инстинктами возвышения жизни².

Вышеприведенные цитаты дают исчерпывающий, с точки зрения Ницше, ответ на вопрос, почему могучая Римская империя пала под ударами «слабых» — рабов, исповедующих христианство. Дело, оказывается, в том, что рабовладельческая римская аристократия позволила заразить себя вкрадчивой, лъстивой моралью подвластных, подавленных и несвободных, словом — моралью рабов, выставляющей в розовом свете те свойства, которые служат облегчению существования страждущих: сострадание, теплое сердце, терпение, усердие, кротость, дружелюбие³. Яд учения «о равных правах для всех» проник из религии в политику и расслабил волю к власти правящих классов, у них не хватило мужества на исключительные права, на право владычества, на чувство уважения к себе и себе подобным — на пафос дистанции. С тех пор, заключает Ницше, вся «наша политика больна этим недостатком мужества»⁴. Нужно, следовательно, воспитать новую аристократию, новое поколение правителей, людей с твердым сердцем, не признающих сострадания и угрызений совести, с непреклонной решимостью и несгибаемым мужеством в защите своих привилегий и врожденного превосходства. Прообраз нового поколения властителей Ницше видел в нарастающей империалистической буржуазии, а образец для их воспитания — в героях древней Греции и древнегерманских саг.

В назидание будущим господам земли Ницше преподает печальные уроки исторического прошлого. Христианство, которое он незаслуженно обвиняет в том, что оно якобы являлось идеологической и этической основой для всех социальных потрясений и революций в прошлом,

¹ Ф. Ницше. Антихрист, стр. 144.

² См. там же, стр. 110.

³ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 227—228.

⁴ См. Ф. Ницше. Антихрист, стр. 94.

служит для него мифизированным предлогом для борьбы против главного противника — социализма. Христианство, иудейство, анархизм, социализм — все это, если довериться Ницше, слова-синонимы. Христианское движение, как и современное европейское движение, то есть социализм, с циничной злобой говорит он, есть «движение всякого рода отребья и отбросов», которые с помощью «веры в преимущество большинства» стремятся к удовлетворению своей воли к власти, к созданию общественного строя, отрицающего «здоровые» аристократические инстинкты, — строя, основанного на принципах социального равенства, свободного от отношений господства и подчинения, исключаящего эксплуатацию человека человеком.

Грубо извращая учение социализма, Ницше изображает социалистов как представителей социальных слюев, находящихся в состоянии упадка. Провозглашая лозунг справедливости и равных прав для всех, социалисты якобы находят во власти собственной непросвещенности, которая мешает им понять, что поработанные капитализмом люди труда страдают только недостатком жизни, и побуждает думать, что кто-то должен быть виноват в их тяжелом подневольном состоянии. На самом же деле, вещает Ницше, трудящийся безусловно виноват только сам. Причина его жалкого положения коренится в нем самом, в его бедности волей к жизни, волей к власти, которая только и делает человека господином над другими людьми. Стало быть, он должен покориться печальной участи раба и смиренно принимать удары судьбы и барского кнута.

Но, клеветая и негодуя, Ницше остро чувствует великую силу социалистического движения, он знает, что оно имеет глубокие, неистребимые корни в гуще народных масс и прежде всего в пролетариате, который под влиянием современного социализма все яснее и отчетливее сознает свои классовые интересы и становится общепризнанным вождем освободительной борьбы всех угнетенных капитализмом людей труда.

«Вера в преимущество большинства», сокрушается Ницше, производила и будет производить революции. Сознание этого факта вызывает в нем желчное раздражение, питает его клеветнические измышления на трудящиеся массы и побуждает изобретать рецепты избавления

от грядущей социальной революции. Рабочему дано слишком много прав, с ним обращаются слишком снисходительно и мягко. Нынешним правящим классам явно недостает благородных форм, которые отличают касту повелителей от «человека стада» — жестокости и мужества в активной защите своих эгоистических классовых интересов от посягательства трудящихся. В современном обществе, где все держится на купле и продаже, сетует он, очень ясно выступает закон нужды: человеку хочется жить, и он продает себя, но в то же время презирает того, кто использует для себя эту нужду и покупает себе работника. Иначе говоря, Ницше недоволен тем, что капитализм обнажил классовые противоречия настолько, что пролетарий, продающий свою рабочую силу, сталкивается с эксплуатирующим его труд капиталистом лицом к лицу и непосредственно опознает в нем своего врага. Рабство и феодализм были свободны от этого «общественного порока», гибельного для господствующего класса. «Подчинение людям, могучим и возбуждающим к себе страх тиранам и предводителям, — говорит он, — никогда не кажется столь тягостным, как подчинение неизвестным и неинтересным личностям, которыми оказываются все крупные величины индустриального мира. В работодателе работник видит лишь хитрого, сосущего, спекулирующего на всякую нужду пса... Фабрикантам и крупным представителям в области торговли недоставало, вероятно, до сих пор тех форм и отметок высшей расы, которые и делают только личность интересной. Если бы у них во взоре и манерах было то благородство, которое мы наблюдаем у людей знатных по происхождению, то, может быть, среди масс никогда не было бы никакого социализма»¹.

Итак, тирания капитала кажется Ницше слишком мягкой для того, чтобы держать в узде трудящиеся массы, и он советует дополнить ее тиранией рабовладельческой или по крайней мере феодальной диктатуры: ведь массы — это «стадо», нуждающееся в железной воле и биче пастыря, они «готовы подчиниться какому угодно рабству, если они только будут думать, что лицо, стоящее над ними, обладает высшей формой и тем самым доказывает свое превосходство и свое приращенное

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 69.

право повелевать другими»¹. «Сильные», господствующие не должны, не имеют права стеснять себя в средствах, обеспечивающих их господство над «слабыми», — на их стороне сама жизнь с ее «вечным» законом «воли к власти». Они роковое орудие этого закона, и было бы противоестественно обвинять их в произволе и жестокости по отношению к «слабым», как нельзя обвинять больших хищных птиц в том, что они таскают ягнят. Если бы этих птиц упрекнули в несправедливости, они с полным сознанием своей правоты могли бы ответить: «У нас вовсе нет ненависти к ягнятам, мы даже любим их: вкуснее их нежного мяса нет ничего на свете». «Требовать от силы, — продолжает законодательствовать Ницше, — чтобы она не проявлялась как сила, чтобы она не была желанием преодолеть, желанием низвергнуть, желанием сделаться владыкой, чтобы она не испытывала жажды врага, сопротивления, победы, — требовать этого так же бессмысленно, как требовать от слабости, чтобы она проявлялась как сила»².

Так учение о «воле к власти», извращая и мистифицируя теорию классовой борьбы, превращается в апофеоз паразитизма эксплуататорских классов. Обращаясь к грядущей финансовой аристократии, к людям, профессией которых, по словам В. И. Ленина, является праздность, Ницше призывает их не забывать о своих привилегиях, о своем призвании быть господами земли и твердо помнить о том, что весь огромный труд, пот, пыль и рабочий шум цивилизации поднят для тех, кто сумеет использовать все это, не принимая участия в самой работе, что необходимо должна существовать каста привилегированных, которые поддерживают свое существование за счет общего излишка работы, и что она представляет смысл и апологию всей этой возни. «Если, например, аристократия, — пишет он, — отбрасывает свои привилегии и приносит себя в жертву крайностям своего нравственного чувства, то это растление... Главное в хорошей и здоровой аристократии то, что она чувствует себя не функцией... а *смыслом* и высшим оправданием, — что она со спокойной совестью принимает

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 70.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 122.

жертву бесконечного количества людей, которые ради нее должны быть придавлены, принижены до положения несовершеннолетних людей, рабов, орудий»¹.

Главная вера этой аристократии, рассуждает далее Ницше, заключается в том, что общество должно существовать не для общества, а лишь как подмости, на которых она поднимается вверх к своим высшим задачам, к своему неограниченному господству. Этот «избранный род человеческих существ», этих «избранных» тунеядцев, Ницше метафорично сравнивает с ползучим растением *Sipo Matodor*, растущим на острове Ява, которое своими ветвями обнимает дуб и взбирается по нему ввысь, пока не достигнет его вершины и не распространит свой венец под яркими лучами солнца, давая окружающим любоваться своим счастьем². Данная метафора поэтична, но не точна. Более правильно было бы сравнить этих «избранных» с распространенными повсюду ползучими растениями-паразитами, живущими жизненными соками полезных растений.

Взоры Ницше обращены к будущему капитализма. Политика современных ему правящих классов с ее демократизмом, либерализмом и фальшивой проповедью любви к ближнему приводит его в негодование. Он обвиняет либеральную монополистическую буржуазию в ослаблении воли к власти: уж слишком много подачек кидает она пролетариату и слишком нерешительна для того, чтобы набросить петлю на шею трудящихся, народа. В результате этого человечество мельчает, становится слабым, уступчивым, раздражительным, умеренным и добрым. Человек потерял страх перед человеком — вот в чем видит Ницше зловещий рок Европы. Если так будет продолжаться и впредь, аристократические инстинкты будут окончательно побеждены, и «чернь», «толпа», «слабые» восторжествуют, ибо они не дремлют, они организуются, рвутся к власти. Надо быть слепым, чтобы не видеть опасности, угрожающей господствующему ныне классу.

Предостерегая от возможной опасности, Ницше вместе с тем считает своим долгом дать будущим властите-

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 220.

² См. там же.

лям моральную идеологию. В поисках новых нравственных критериев, которым должны следовать будущие властители, пророк грядущего империалистического варварства обращается в прошлое, к временам троянских войн и «великого переселения» народов. Его моральным «идеалом» является варвар арийского происхождения, или, как он сам его называл, «белокурая бестия». Ницше не жалеет поэтических красок для воспевания его истинно аристократической поступи.

Вот один из образчиков характеристики белокурого человека-зверя, взятый из «Генеалогии морали»:

Люди этого типа составляют сплоченный замкнутый коллектив. Среди равных себе они строго держатся в рамках обычаев, взаимно наблюдают друг за другом и обнаруживают редкое самообладание, верность, гордость, дружбу. Но вне пределов этого коллектива, по отношению к другим человеческим индивидам, на чужбине они становятся не лучше хищных зверей. Они наслаждаются там свободой от всяких моральных и социальных уз; живя в дикой чаще, они безнаказанно навострыивают ту свободу действий, которой жертвовали в своей среде: они снова возвращаются к невинной совести хищного зверя, ведя позади себя ужасную свиту убийств, пожаров, насилий, пыток, уходя от них с гордостью и душевным равновесием, как будто бы совершена простая шалость, убежденные, что теперь поэты будут петь и славить их деяния. *В этих благородных людях нельзя не узнать хищное животное пышной светло-русой расы, с наслаждением блуждающее за добычей и победой; иногда ему хочется освежиться, стать снова зверем.* Такова римская, арабская, германская, японская аристократия, таковы гомеровские герои и скандинавские викинги, — в этом отношении они все равны. Всюду, где проходили эти благородные расы, они оставляли позади себя понятие «варвар» и гордились этим высоким званием. Их безумная, безрассудная, легкомысленная смелость, равнодушие и презрение к безопасной жизни, их удовольствие, их наслаждение в разрушениях, их сладострастное упоение победой и жестокостью вызывали страх и ненависть слабых и «добрых» людей и народов. Глубокое, горькое недоверие, которое и теперь еще возбуждает немец всякий раз, когда он собирается с силами, есть отзвук непотухающего страха, который в тече-

ние нескольких десятилетий заставлял Европу смотреть на неистовства светло-русого германского зверя¹.

Коротко говоря, Ницше мечтает об ассоциации избранных, сплоченных единством эгоистических классовых интересов повелителей, которые пройдут по земле как опустошители, наводящие ужас на тех, кто противостоит и сопротивляется их воле к власти, к эксплуатации, к возвышению паразитических форм жизни, готовые в любую минуту и любыми средствами задушить в зародыше революционное возмущение угнетенных масс.

Нетрудно догадаться, что поэтизация грубой животной силы, покоряющей все и вся, и воспевание белокурого варвара прежних эпох являются приемом косвенной апологетики тирании капитала, настоящего (капиталистического) и будущего (империалистического) варварства. Как бы ни был откровенен Ницше, он не смеет сказать прямо и открыто, что составляет основу капиталистической эксплуатации. Он много и охотно распространяется о надклассовом характере своей философии, стараясь выдать ее за философию полноты жизни, и не желает выставлять напоказ свои симпатии к буржуазии. Образцы прошлого нужны ему для того, чтобы показать, что источник невыносимого положения трудящихся следует искать не в отношениях буржуазного общества, а в вечном законе самой жизни. Справедливости и равенства не существует ни в природе, ни в обществе. Загляните в прошлое, в окружающую природу: разве там что-либо совершается иначе? Более того, примеры прежних эпох свидетельствуют о том, что общественные формы, в которых воплощается современность, есть формы упадка жизни, ее движения вспять — непозволительное отступление от законов, определяющих «естественный» ход событий и общественных отношений.

Если бы Ницше не ставил перед собой подобной задачи, у него не было бы нужды ходить за примерами столь далеко. Современная ему капиталистическая действительность и вся короткая история капитализма неопровержимо подтверждают, что господство капитала держится на грубом насилии над человеческой личностью, на бессердечном чистогане, на бесстыдной эксплуатации трудящегося большинства. «...Новорожденный

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 118—119.

капитал, — как метко подметил К. Маркс, — источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»¹. Ни одна предшествующая эпоха не знает таких чудовищных и массовых преступлений против человечества, какими ознаменована эпоха капиталистического рабства.

Учение о воле к власти и вытекающие из него выводы в области морали могли возникнуть в мозгу философа лишь как идеологически извращенное обобщение практики буржуазии. Возрастание жизни ради жизни в том виде, в каком оно дано в философских откровениях Ницше, есть в конечном счете не что иное, как мифизированное отражение тенденции капиталистического производства к самовозрастанию капитала, к накоплению ради накопления, следствием которого является рост богатства в руках небольшой и постоянно сокращающейся численно кучки капиталистов и рост нищеты, муки труда и рабства на стороне трудящихся.

Основным мотивом деятельности капиталиста, отмечает Маркс, «является не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик самовозрастания стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства... То, что у собирателя сокровищ было индивидуальной манией, то для капиталиста является действием общественного механизма, одним из колесиков которого он является. Кроме того развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала必要ю, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы»².

Конкуренция неизбежно приводит к гибели мелких капиталистов, к вытеснению их более крупными, к концентрации капитала, которая в свою очередь становится новым страшным оружием в конкурентной борьбе. Поскольку конкуренция свирепствует прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов, постольку накопление становится единственным средством завоевания мира общест-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 764.

² Там же, стр. 597.

венного богатства. Вместе с массой эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста. Только деньги, капитал создают силу и могущество. Больше богатства — больше власти. Жажда власти, отмечает Маркс, есть один из элементов страсти к обогащению¹. Ненасытная жажда обогащения освобождает капиталистов от последних остатков стыда и совести. Она не желает знать никаких моральных обязательств, никаких законодательных норм, сдерживающих страсть к наживе.

Империализм с господством монополий и финансовой олигархии еще более углубляет эту тенденцию капиталистического накопления. Всесилие финансовой аристократии выражается во всесилии золотого тельца — единственного бога, которому приносятся неисчислимые человеческие жертвы. Воля к власти как жажда к наживе лежит в основе всей экономической и государственной политики современной буржуазии. Могущество монополистических объединений внутри страны, превосходство отдельных финансовых групп или отдельных стран на мировых рынках держатся прежде всего на силе, сообразно чему буржуазные государства делятся на великие и малые. Соревнование крупных империалистических хищников в силе, их борьба за экономическое и политическое преобладание практически перерастают в борьбу за мировое господство, ибо только оно, кажется, может гарантировать относительно спокойное будущее и высокие монопольные барыши. Обострение противоречий между трудом и капиталом также толкает буржуазию на этот скользкий путь. В борьбе против рабочего класса буржуазия не гнушается никакими средствами, не стесняет себя никакими моральными принципами, хотя она и не прекращает ханжеской проповеди любви к ближнему и тому подобных христианских добродетелей.

Принцип «сильному все позволено» так же стар, как и общество, зиждущееся на эксплуатации. Он сформулирован еще в рабовладельческой Греции и впоследствии неоднократно выдвигался более близкими предшественниками Ницше — Макиавелли, Штирнером и многими другими. Ницше сделал его основным принципом всей

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 598 (примечание).

философской системы, придал ему характер космической предопределенности. Империалистическая буржуазия независимо от того, исповедует или не исповедует она официально «евангелие от Ницше», считает этот принцип руководящим для своей практической деятельности, оставляя за философами право его теоретического оправдания.

Основной символ веры ницшеанства — учение о «воле к власти» как методологический прием сознательного извращения общественных отношений буржуазного общества и «теоретического» обоснования «естественного закона» капиталистических джунглей мы находим у многих наших современников: у Хокинга и других персоналистов, у Росса и Рассела, у Сантаяны и Фогта, у Джинсберга и Шумпетера и т. д.

Персонализм, как известно, начинает с абсолютизации личности как высшей ценности и цели всего бытия. Внешне это исходное положение персонализма противоположно ницшеанству, публично возглашающему презрение к человеку. Но сближение между ними начинается сразу же, как только персоналисты, после ряда софизмов, подменяют уважение к «святости личности» подобострастным почтением к возможностям, заключенным в ней. Люди различны по своим врожденным возможностям, значит, они не равны и по своей социальной ценности. Дальше ницшеанцы и персоналисты идут уже параллельно. Чем определяется ценность человека? Количеством и качеством воли к власти, которой он имманентно наделен, говорит Ницше. Социальными инстинктами, решающими среди которых являются «импульсы властвовать или следовать за лидерами»¹, отвечает от имени персоналистов В. Хокинг. Чем сильнее в человеке импульс господства, воли к власти, тем выше его социальная ценность, и наоборот.

Правда, Хокинг вводит в формулу Ницше небольшую поправку, которая несколько сглаживает ее откровенный цинизм, но несколько не изменяет ее сути. Согласно Ницше, каждый живой организм, клетка или атом навязывают свою волю к власти ради самой власти. Хокинг, принимая формулу Ницше, упрекает его в

¹ См. W. H o c k i n g. Preface to Philosophy. New York, 1947, p. 7.

том, что он, к сожалению, дал этой формуле слишком общее определение, позволяющее толковать принцип воли к власти — в его приложении к обществу — как волю индивида к господству, к насилию над другими индивидами безотносительно какой-либо цели. Между тем, пишет Хокинг, универсальной воли к власти ради самой воли к власти, как она мыслится у Ницше, не существует. Воля к власти всегда реализуется для определенной цели. Этой целью, по Хокингу, является самоутверждение человека в качестве творчески активной личности, его стремление «внести свой вклад в человеческую историю своими идеями и своей работой». Человек, глубокомысленно рассуждает Хокинг, есть мыслящее животное, которое более всего боится тщетности своего существования, поэтому он охотно пользуется инстинктом воли к власти для осуществления своих идейных намерений, навязывая ради этого свою идейную целеустремленность окружающим его людям. Поскольку для человека побуждающим к действию мотивом служат прежде всего идеи, постольку и воля к власти может осуществляться не иначе, как посредством идей. Итак, воля к власти посредством идей — таково последнее слово Хокинга. «При таком понимании, — заключает он, — мы не можем не признать волю к власти»¹.

Эволюция формулы, конечно, не случайна. Ницше стоял у истоков империализма, и ему казалось, что движение к социализму можно остановить плетью и расстрелами. Его надежды не сбылись. В новом варианте формула расширяет фронт борьбы и «обогащает» ее арсенал. Класс, имущий власть в буржуазном обществе, в стремлении к усилению эксплуатации и расширению своего господства не может полагаться только на грубую силу, необходимо еще идейное воздействие на массы трудящихся, духовное рабство их. И современная буржуазия, особенно американская, использует это оружие в масштабах, невиданных до сих пор. Газеты, радио, кино, телевидение, литература, театр — все средства идейного воздействия пущены в ход, чтобы отравить душу простого человека, деморализовать, дезориентировать его и подчинить необузданной воле к власти, излучаемой золотым тельцом.

¹ W. Hocking. Preface to Philosophy, p. 14.

Немало труда и усилий в общее для всех идеологов империалистической буржуазии дело теоретической защиты и оправдания закона капиталистических джунглей вложил Дж. Сантаяна. Но и его служба на этом поприще не обошлась без влияния мифа о воле к власти.

Искусственно вырывая человека из истории и общественной жизни, Сантаяна рассматривает его как чисто зоологическую особь, а человечество как «расу загадочных животных», побуждаемых к действию эгоистическими инстинктами и страстями. Естественным состоянием общества является война всех против всех, царящая в джунглях. Цель этой войны — борьба за преобладание, эксплуатация, навязывание собственных форм, возрастание жизни ради жизни. Как в джунглях происходит «первобытная война», в которой «более сильное растение перехватывает солнечные лучи и поглощает влагу, необходимую его более слабым соседям», обкрадывает их «одним лишь фактом своего существования», так и в обществе «каждое жизненно целостное племя, нация или правительство, если они не находятся в затруднительном положении, смотрят на всех других как на нечто, причиняющее им вред или таящее опасность, нечто, от которого хорошо было бы отделаться»¹. Это вечное стремление «сильных» поглощать «слабое», жить за его счет, питаться его соками, желать его гибели не есть проявление злобы со стороны сильного, это — воля к жизни, воля к власти.

В отличие от Ницше, Сантаяна проводит разграничение между властью и господством. Властью, или жаждой власти, он называет все то, что способствует «естественным побуждениям» живого организма, связанным с его стремлением к развитию; господством — все то, что противодействует раскрытию «естественных потребностей». Но это отличие опять-таки лишь кажущееся, только претензия на оригинальность. За разграничением власти и господства у Сантаяны скрывается качественное различие между волей к власти «сильных» и волей к власти «слабых», которое так настойчиво подчеркивает Ницше, выдавая первую за нечто положительное, вторую — за отрицательное. Власть как утверждение

¹ См. G. Santayana. *Dominations and Powers*. New York, 1951, pp. 178, 48.

восходящей линии жизни, изучаемая «сильными», творит добро; господство как отрицание «здоровых» инстинктов жизни, исходящее от «слабых», — зло. Именно в этом заключена суть разделения этих семантически родственных терминов.

В применении к обществу власть, согласно Сантаяне, есть то, что способствует расширению современной, капиталистической цивилизации, техники, промышленности и прочих «восходящих» форм жизни. Цивилизация же требует жертв. Человек для нее — лишь сырье. «Никогда не следует забывать, — поучает Сантаяна, — что из сырья для промышленности одним из наиболее важных видов является человек... Цивилизация потребует и должна завербовать каждое человеческое существо на свою вечную службу. Упориться было бы изменой и заслуживало бы смерти»¹. Сопротивление власти есть, следовательно, восстание против законов самой жизни. Во имя чувства полноты власти Сантаяна готов заранее освятить любые преступления и злодеяния власть имущих, ибо всякая власть, в его понимании, — благо. «Если у кого-нибудь перед глазами или за спиной смерть, — утешает он тех, кто обречен на муки и гибель роковым законом воли к власти, — то в воздухе — жизнь, и экзальтированное воображение не может частично не приоткрыть панораму истории, в которой всякое зло, как бы ужасно оно ни было, имеет причины и условия, которые в какой-то части хороши, и следствия, которые также в какой-то части хороши»². Поэтому долой всякую сентиментальность в отношении тех, кто препятствует воле к власти делать дело самой жизни — «*большое дело империализма*»³, на службу которому добровольно завербовался Сантаяна.

Известную дань ницшевской формуле «воля к власти» отдал Б. Рассел. Политическое здание, по его мнению, зиждется «на обширном инстинктивном механизме», проявляющемся как инстинкт сотрудничества в пределах стада и как инстинкт враждебности к другим стадам. Всякая человеческая деятельность побуждается инстинктивными желаниями, которые подавляют и ин-

¹ G. S a n ' t a y a n a. Dominations and Powers, p. 77.

² Там же, стр. 216.

³ Там же, стр. 279.

тересы долга, и принципы морали. Человек — это соединение бога и зверя, заявляет Рассел, но описывать человека как смесь бога и зверя едва ли было бы справедливо по отношению к зверям, ибо у людей, в отличие от животных, есть «бесконечные желания, которые никогда не могут быть полностью удовлетворены и которые не оставили бы его в покое даже в раю»¹.

Среди многочисленных желаний, обуравующих человека, Рассел выделяет пять побудительных импульсов: стремление к обладанию пищей, соперничество, стяжательство, тщеславие и жажду власти, особо подчеркивая при этом последний импульс. Жажда власти является решающим фактором человеческой истории, во-первых, потому, что только обладание властью гарантирует пищу, дает превосходство над соперниками, приносит богатство и удовлетворяет тщеславие, и, во-вторых, потому, что любовь к власти, как никакая другая страсть, имеет тенденцию к безграничному возрастанию по мере применения власти. Инстинкт власти более эгоистичен, чем другие инстинкты. Так как всякая власть над человеческими существами, говорит Рассел, выявляется в том, что их заставляют делать то, что они охотнее не делали бы, — человек, движимый любовью к власти, скорее склонен причинить страдание, чем разрешить удовольствие². Но такова уж сама жизнь. В «естественном» соперничестве, в вечной конкуренции человека с человеком всегда побеждает более сильный, навязывая более слабому свою волю, подчиняя его своей власти.

Грубое попираание элементарных правовых и моральных норм во имя воли к власти находит обоснование и в прагматизме. Правда, прагматизм не наследует ницшеанской формулы, но «инструментальный» метод приводит прагматистов окольным путем к тем же выводам в области морали, к которым Ницше пришел прямой дорогой. Если истина есть то, во что полезно верить, то нет никаких принципов или критериев истинного или неистинного, допустимо все, что удовлетворяет какую-либо осознанную потребность и желание, служит достиже-

¹ См. B. Russell. *Human Society in Ethics and Politics*. London, 1954, pp. 171, 161, 236.

² B. Russell. *The Springs of Human Action*—в журнале: „The Atlantic“, Vol. 189, № 3, March, 1952, pp. 27—31.

нию какой-либо полезной цели. Неважно, какова цель или какими средствами достигается ее осуществление, важно само действие. Прагматист тот, говорит один из основоположников прагматизма — В. Джемс, «кто обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действию, к власти»¹.

Ницшеанская философия «воли к власти» нашла свое наиболее открытое осуществление в «теории» и практике фашизма. «Учение» о воле к власти с вытекающей из нее «моралью господ» как нельзя кстати отвечало бредовым мечтам фашистских диктаторов о мировом господстве. Ницшеанство помогло им развратить миллионы людей, отравить их души ядом пропаганды о превосходстве белокурого человека-зверя над остальными народами и воспитать из молодежи армию растлителей, насильников и убийц, которые с тупым самодовольством называли себя сыновьями Заратустры.

Ныне та же безудержная воля к власти, к завоеванию всех стран и континентов владеет американскими империалистами. США — самая сильная и могущественная капиталистическая держава, говорят они, следовательно, американцы призваны господствовать над остальными народами, более слабыми и менее жизнеспособными. Безразлично, какими методами будет достигнуто мировое господство, какие жертвы понесет при этом человечество, — лишь бы удовлетворить сжигающую американских миллиардеров волю к власти. Именно к этому сводится широко рекламируемая политика «с позиции силы», проводимая с безрассудной напористостью реакционными правящими кругами США.

Аргументация этой политики, к которой прибегают американские политические и государственные деятели, нередко звучит в духе Заратустры. Руководящая роль США в этом тревожном мире предначертана якобы свыше, имманентными законами самой жизни: сильный да управляет более слабым. «Эту задачу, — пишет двукратный кандидат в президенты США Э. Стивенсон в книге «Призыв к величию», — мы взяли на себя не по собственному выбору, а в силу необходимости... Тяжесть этого бремени не имеет равных себе в истории, так же, как

¹ В. Джемс. Прагматизм. Изд. 1910, стр. 37.

и грозящая нам опасность и отклик на нее»¹. Бремя претендентов на мировое господство так тяжело, жалуется он, но неблагодарные народы не хотят добровольно сдаваться на милость американских повелителей, подозревая (и не без оснований, конечно), что заокеанские монополисты «озабочены не столько тем, чтобы помочь другим, сколько тем, чтобы помочь себе»². Хуже того, они даже осмеливаются осуждать политику американского диктатора. Как и следовало ожидать, решающим тезисом в аргументации Стивенсона является ссылка на угрозу мирового коммунизма — этого «порождения нечистой совести Запада», — тезис, который со времен Ницше владеет умами всех врагов социального прогресса.

Вся мировая послевоенная история представляется проповедниками этой политики как состязание в силе между двумя великими державами: США и СССР. Измеряя все на собственный аршин, они изображают бурный рост экономической и политической мощи Советского Союза как стремление навязать другим народам социалистические формы общественных отношений (ведь жизнь есть «насилие, подчинение, навязывание собственных форм»): почему бы иначе России не остаться таким же слабым и зависимым государством, каким она была при царизме? По их мнению, только могущество США сдерживает осуществление агрессивных замыслов страны социализма. Здесь все ставится вверх ногами. В действительности положение таково, что вдохновители и поджигатели войны за мировое господство американских миллиардеров смертельно боятся великого гнева и сурового возмездия народов, в том числе и народа США. Не будь этого неодолимого препятствия, они не постеснялись бы ввергнуть человечество в ужасную атомную катастрофу. В откровенных признаниях этого факта нет недостатка. Для примера можно сослаться на книгу бывшего министра авиации Томаса Финлеттера «Сила и политика». Единственная альтернатива, возможная в этом мире, пишет он, — «это немедленная атомная война, которая, бесспорно, стоила бы Америке тысяч и миллионов

¹ Adlai E. Stevenson. Call to Greatness. New York, 1954, p. 37.

² См. там же, стр. 32—33.

жизней», но, вынужден он с сожалением констатировать, «лишь очень немногие американцы согласились бы вовлечь страну в этот священный крестовый поход такой ценой»¹.

Чем уже становятся возможности осуществления империалистической «воли к власти», тем больше неистовствуют новые претенденты на мировое господство. Но политика грубой силы и диктата встречает решительный отпор со стороны народных масс всего мира. Во главе этого неодолимого народного движения стоит великий Советский Союз — первая страна победившего социализма, вокруг которой объединяются и сплываются силы мира, демократии и прогресса.

МИФ О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Мир, по мнению Ницше, не имеет ни цели, ни смысла, а между тем вся жизнь человека зиждется на вере в достижение какой-то конечной цели. Следовательно, констатирует он, представление о цели, к которой стремится человек, всегда было актом его произвола и прихоти: люди и народы создают себе цель по собственному усмотрению. «Тысяча целей существовала до сих пор, — говорит Ницше, — ибо существовала тысяча народов. Недостает только оков для тысячи человек, недостает единой цели. Человечество не имеет еще никакой цели»².

Современное человечество, пишет Ницше, деградирует все дальше и больше. Современный человек изнемогает от какой-то бесконечной усталости. Он ничего не ищет, кроме неподвижности и покоя. Он неминуемо погибнет, если его уничтожение не будет остановлено новым актом творчества. Настало время, взывает Ницше, поставить перед человечеством новую цель, которая сковала бы его воедино, удержала от гибели и открыла перспективу движения вперед. Надо торопиться, пока почва для этого еще достаточно плодотворна. Иначе будет поздно: придут более худшие времена, «когда человек не

¹ См. Т. Финлеттер. Сила и политика. Изд. иностранной литературы, 1956, стр. 109.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 50.

пустит стрелы своих стремлений выше человека», — времена полного господства «презреннейшего человека»¹, то есть трудящихся.

Какую же конечную цель спешит навязать Ницше человечеству в интересах его «спасения»? Какими оковами хочет он сковать его?

Спасти человечество от дальнейшего вырождения, пророчествует Ницше, может только сверхчеловек (*Übermensch*). Сверхчеловек — вот та цель, которой должно следовать человечество. Воля сверхчеловека — вот те оковы, которые скуют человечество в единое целое. Сверхчеловек — это высшая ценность, которую может создать человечество; все существующее должно оцениваться лишь по отношению к нему, в сравнении и в сопоставлении с ним. Вся жизнь человека должна быть подчинена этой цели: человек должен работать и изобретать, чтобы построить жилище для сверхчеловека, подготовить его пришествие на землю. *Человек должен принести себя в жертву сверхчеловеку*, он должен готовить для него почву, растения и животных, ради него он должен желать своей собственной гибели².

«Учение» о сверхчеловеке — наиболее мистифицированная часть философии Ницше. Пропагандисты ницшеанства обычно изображают сверхчеловека как некий идеал, выражающий стремление «свободного духа», как конечную цель, которую должен достичь человек в процессе биологической эволюции путем самовоспитания и самодисциплины. Провозглашение этого идеала было «революцией» в философии. Голос сверхчеловека, пишет Э. Геллер, — это первый звук в молчании сжатой пустоте, который отныне слышат повсюду и которому эхом откликается мир; учением о сверхчеловеке Ницше осветил «человечеству» (то есть современной буржуазии. — С. О.) единственно надежный выход из отчаяния и тупика³. Ясперс, Вейман-Вейе, Эмге, Морган и другие, навязчиво подчеркивая «полную совместимость» ницшевского идеала с общечеловеческим гуманистическим идеалом стремления к «свободе духа», выражен-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 10.

² См. там же, стр. 8.

³ E. Heller, *Enterteter Geist*, SS. 170—171.

ным якобы в христианстве, отождествляют сверхчеловека с христианским понятием богочеловека.

Комментаторы Ницше, стоящие на позициях буржуазного и мелкобуржуазного индивидуализма, рассматривают миф о сверхчеловеке как возрождение лучших традиций культа героя, который «был убит проповедью социалистического и коммунистического равенства». Подобно тому, как индивидуализм эпохи Ренессанса выступил против средневековой неволи во всех областях жизни, пишет Т. Циглер, Ницше выступил против массы и ее инстинктов, восстал против факта и описания истории как дела масс, восстановил поверженный индивидуализм в его правах¹. Под сверхчеловеком, говорит Г. Рейберн, Ницше понимал великого человека, творящего историю, героя, для которого он (Ницше) нашел «форму религиозного утверждения в аморализме»². В том же духе высказывается Б. Нолль³.

Учение о сверхчеловеке является также центральной проблемой, на которой скрещиваются копыта буржуазных толкователей, отвергающих ницшевский аморализм. Подвергая это учение подчас резкой критике, они между тем осторожно обходят вопрос о социальном генезисе сверхчеловека, подменяют его исследованием литературных источников, натолкнувших Ницше на эту идею. Сверхчеловек, утверждают они, не имеет никаких корней в современной (буржуазно-империалистической. — С. О.) действительности, он только плод необузданной поэтической фантазии Ницше, ничего больше. Критика в конечном итоге заканчивается упреками в адрес Ницше или в несовместимости идеи сверхчеловека с нормами общепринятой морали (А. Фулье, Н. Авксентьев и др.)⁴, или в крайнем индивидуализме, граничащем с анархизмом и... социализмом (Р. Шельвин, Е. Трубецкой и пр.)⁵.

Кто же или что же он, сверхчеловек Ницше?

¹ Th. Ziegler. Die geistigen Strömungen des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1901, SS. 664, 629—630.

² См. G. Reyburn. Nietzsche, pp. 307—308.

³ См. B. Noll. Philosophie und Politik, S. 14.

⁴ См. А. Фулье. Ницше и аморализм. Изд. 1905; Н. Авксентьев. Сверхчеловек. Изд. 1906.

⁵ См. Р. Шельвин. Макс Штирнер и Фридрих Ницше. Изд. 1909; Е. Трубецкой. Философия Ницше.

Сверхчеловек, если верить на слово его пророку, есть продолжение человека как рода, вершина его биологической эволюции. Эта исходная посылка находится в явном противоречии с огульным отрицанием идеи эволюционного развития, провозглашенным мифом о вечном возвращении. Сам Ницше нигде и никак не объясняет этого противоречия. Не могут объяснить его и последователи Ницше. Наиболее «веский» аргумент выдвинул Г. Раушнинг: освобождая человечество от необходимости, Ницше установил, что «способность к плодотворному развитию человека лежит не в его принадлежности к биологическому виду «человек», не в его принадлежности к коллективу, а в его «персональном бытии»¹. Но это только уловка. Остается принять на веру этот грубый, вульгарный эволюционизм, к которому вынужден прибегнуть Ницше, чтобы придать мифу о сверхчеловеке наукообразный вид.

Человек, по Ницше, является во всех отношениях промежуточным звеном в развитии органического мира, «канатом, натянутым между животным и сверхчеловеком, — канатом над бездной». В нем велико и достойно любви именно то, что он не есть конечная цель органической эволюции, а только мост, ведущий к этой цели, переходная и переходящая форма жизни, удобрение для сверхчеловека². Служению этой «великой цели» человек должен посвятить всю свою энергию и всю свою жизнь без остатка. Он должен оставить заботу о собственном благополучии, об общественном благе, о борьбе за лучшее будущее. Отныне его задача состоит в том, чтобы забыть о «мелких добродетелях», о «муравьиных мелочах», о «счастье большинства»³.

Сверхчеловек создается Ницше якобы путем синтеза человека, путем сведения в одно целое того, что есть в отдельных людях частичного и отрывочного. «Я должен был принимать все во внимание, когда я творил сверхчеловека. Все ваше (человеческое. — С. О.) зло и вся ваша фальшь, вся ваша ложь и все ваше невежество — все это есть в его семени»⁴. Это признание выдает Ниц-

¹ H. Rauschnig. Masken und Metamorphosen des Nihilismus, SS. 174—175.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 8.

³ См. там же, стр. 242.

⁴ Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 76.

ше с головой. Как видно, сверхчеловек представляет собой прямую противоположность нормальному, здоровому человеку и тем благородным качествам, которые выделяют его из мира животных. Сверхчеловек конструируется его творцом посредством решительного отрицания «человека массы» — человека труда, занятого на капиталистической каторге. Аристократический дух Ницше не может примириться с тем подлинным гуманизмом, который отличает производителей материальных благ и культурных ценностей — людей, кормящих и одевающих весь мир, — от социальных слоев, паразитирующих на их изнурительном труде, развращенных праздностью и бездельем. Ему претит демократический идеал трудящихся и их великая цель социального и духовного раскрепощения, освобождения от капиталистической кабалы. Сблизив человека с перспективой мифического счастья в творчестве сверхчеловека, первым актом этого творчества он объявляет необходимую победу над властителями настоящего, над «маленькими людьми», исповедующими идеал всеобщего равенства и социальной справедливости, ибо они-то и есть величайшая опасность для сверхчеловека¹. Так уже с первых шагов сверхчеловек, сбрасывая маску, обнажает свое настоящее лицо.

С проповедью сверхчеловека Ницше обращается к так называемым высшим людям, аллегорическое изображение которых дано в последней части «Заратустры». «Высшие люди», если соскрести с них поэтическую шелуху, есть, несомненно, представители тех правящих классов, господство которых уже отошло или отходит в прошлое: цари, отрешенные от власти, но еще цепляющиеся за нее; бывший папа — служитель религии, освещающий любое порабощение; проповедник и художник — идеологи власть имущих и т. д.². Выстраивая «высших людей» для обозрения, Ницше хочет подчеркнуть, что новые, складывающиеся в его время условия извечной борьбы между угнетенными и угнетателями требуют новых форм господства и новой идеологии. Ни прежняя патриархальная монархия с королем как «добрым отцом» своих подданных во главе, ни религия, сблизившая порабощенного человека несуществующим

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 242.

² См. там же, стр. 208—231.

небесным раем, ни идеология, проповедующая уход от жизни и ее больных вопросов, — эти средства уже не могут оградить господство эксплуататорских классов от народного гнева. Чтобы держать трудящихся в повиновении, для этого нужно, внушает Ницше, утвердить террористическую диктатуру новых «господ земли», которые решительно отбросят патриархальные иллюзии о «добрых повелителях», пекущихся о благе «своего народа», сентиментальную болтовню о равенстве прав и обязанностей и т. п.; нужна также новая философия, «философия молота», философия активного действия.

О «высших людях», собравшихся в гроте Заратустры, Ницше повествует с горькой иронией. Они растеряны, сбиты с толку, не могут понять, куда и как развивается рок событий, мечутся в поисках спасения. Они жалки своей беспомощностью противостоять возрастающему натиску «черни», остановить процесс демократического брожения и «социалистического разрушения» современного общества. Не в них видит Ницше свой идеал. Он тоскует о новом «избранном народе» — о новых властителях земли, более решительных и твердых, хищных и жестоких, как смеющиеся львы¹. Они-то и «осчастливят» человечество появлением сверхчеловека. Но новое поколение властителей, а также и сверхчеловек могут быть созданы только на основе уже имеющегося материала. Собравшиеся в гроте Заратустры «высокие гости» должны явиться кирпичами в его создании. Их гордый аристократизм, их презрение и ненависть ко всему, что стоит ниже их в иерархической социальной лестнице, их паразитические инстинкты и страсти, их злоба — вот те качества, которые позволяют им создать «избранный народ»².

«Высшие люди» для Ницше лишь сосуд, в котором готовится «избранный народ», строительный материал, из которого этот народ должен быть подготовлен и которому «высшие люди» должны придать определенную форму и колорит. Он понимает, что изображаемый им тип «высшего человека» обречен на гибель. Он печется не о прошлом, а о будущем господствующих эксплуататорских классов, мобилизуя для удержания их господства

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 237—238.

² См. там же, стр. 243.

Все то из прошлого, что может быть поставлено на службу их интересам в настоящем и будущем. Инстинктивно угадав поворот в судьбах капитализма, видя, что нарождается новая буржуазия, новое «избранное человечество» и что в связи с этим поворотом происходит резкая поляризация социальных сил в капиталистическом обществе и обостряется борьба между ними, Ницше считает своим долгом не только предупредить буржуазию о грозящей ей смертельной опасности, но и выписать ей рецепт на спасение, предначертать новые способы господства и новые формы классовой организации, отвечающие сложившимся историческим условиям. Он полагает, что современная ему буржуазия слишком далеко зашла в игре в демократию и либерализм, и предостерегает ее от этого тяжелого недуга, которым было ознаменовано начало ее жизненного поприща.

Как уже отмечалось выше, Ницше сетует на то, что современным ему представителям буржуазии недостает признаков и отметок высшей расы¹. Для того чтобы стать «господами земли», деспотическими повелителями, способными сдержать любое возмущение масс, буржуазия должна принять образ мыслей прежних господствующих классов — рабовладельческой и феодальной аристократии, их манеры, повадки и поступь, гордый и суровый аристократизм, себялюбие и бесстыдный эгоизм. Энергичная, напористая, беспощадная в достижении экономических выгод и преимуществ, буржуазия, по мнению Ницше, страдает недостатком воли к власти, к политическому господству. Занятая всецело заботами о чистогане, она мало задумывается о сохранении, укреплении и продлении своего политического господства на вечные времена. Ей не хватает той «благородной» ненависти в сознании собственного превосходства и прочих аристократических качеств, которыми отмечены «высшие люди».

Таким образом, аллегория с «высшими людьми» потребовалась Ницше для того, чтобы на примере бывших повелителей преподать урок власть имущим современникам. Желаемый тип нового «господина земли» он пытается найти в синтезе «высшего человека» и современного буржуа, отрекшегося от демократических и либе-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 69—70.

ральных иллюзий своих предков. Их брак должен произвести на свет «избранный народ», от которого впоследствии произойдет сверхчеловек. Этот вывод подтверждается и той участью, которую Ницше оставляет на долю «высших людей». «Высшие люди» должны погибнуть, растворившись в новом человечестве. Их аристократическая закваска, «благородная кровь» и «высокая культура», слившись с жизненной энергией теперешнего правящего класса, поднимут последний на новую ступень социальной иерархии, придадут ему осанку и поступь «высшей расы», за которой будет закреплено «прирожденное право повелевать». Нарождающаяся новая буржуазия, в представлении Ницше, должна стать также и новой аристократией — новым «избранным народом».

Таким образом, новая ступень в биологическом возвышении человека, обещанная Ницше, означает дальнейшее углубление социальной иерархии. «Избранный народ» — это та ступень, на которую поднимется весь господствующий в капиталистическом обществе класс, когда он окончательно отвергнет ненавистную Ницше современную мораль, основанную на признании добра и справедливости, задушит в зародыше демократический и социалистический идеалы, принимаемые большинством человечества, и воспримет «скрижали ценностей», некогда вознивших и господствовавших среди «благородных рас», когда он разобьет все правовые и нравственные оковы, сдерживающие его дикий произвол и неограниченную жажду порабощения.

«Избранному народу», к которому Ницше причисляет также «блюстителей закона» (высших чиновников, судей и т. д.), «защитников порядка» (полицию) и воинов, в иерархическом государстве будущего, планируемом Ницше, отводится функция «исполнительной» власти, передаточного механизма, доводящего до простого народа, до трудящихся, низведенных на положение рабов, повеления существ, стоящих на самой высшей ступени иерархии. Эта новая высшая ступень и есть сверхчеловек, от которого исходят жизненные импульсы для всего социального организма.

Говоря языком Ницше, сверхчеловек — это «высшая форма существования», предельная вершина биологической эволюции человека. Но, поскольку Ницше ставит знак равенства между биологической и социальной эво-

люциями, точнее, пытается подменить социальные отношения мифом о биологическом восхождении человека, сверхчеловек оказывается предельным возвышением *определенного социального слоя* по иерархической лестнице, а «учение» о сверхчеловеке — учением о социальной иерархии, методологическим приемом оправдания социального неравенства при помощи биологической мистики.

Единственным мерилom ценности человека Ницше признает волю к власти. Поэтому основное «положительное» качество, приписываемое сверхчеловеку, есть его могущество, его воля к господству, его неоспоримое право повелевать, быть господином над всем и над всеми. Сверхчеловек — прежде всего *повелитель*. Его неограниченная деспотическая воля, говорит Ницше, является «бурей для всякой черни»¹. Сверхчеловек — это высшая концентрация «воли к власти», идеальное воплощение коллективной «воли к власти» господствующего класса.

Как концентрированная «воля к власти» сверхчеловек выступает в качестве *творца*, обладающего волей создавать мир, формировать «скрижали ценностей», определяющие физиономию целой эпохи и поведение всех людей, живущих в эту эпоху, а также и *законодателя*, творящего законы, регулирующие жизнь и быт поколений, их социальную и государственную организацию. Его социальное законодательство не ограничено ни объективными законами, ни нравственными принципами. Ему нет дела до объективной истины, существующей вне его и независимо от него, до «добра» и «зла», он создает *свою* истину, *свое добро*. Он никогда не делает «для», «ради» или «потому что». Он творит, пересоздает, пока его воля не скажет: «таким я хотел этого, таким буду его хотеть»². Он бесстрашный *экспериментатор*, преследующий задачу «нахождения новых форм жизни», не щадящий ради опасных экспериментов ни своей жизни и счастья, ни жизни и счастья руководимых им низших существ. Человек для него не может быть ни объектом любви, ни даже предметом сострадания: он лишь бесформенная масса, материал, безобразный камень,

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 249.

² См. там же, стр. 171.

нуждающийся в ваятеле, а история — мягкая глина в его руках¹.

Чтобы выполнить свою задачу, сверхчеловек должен оставаться беспощадным к материалу своего творчества. «Созидающие, будьте тверды!» — так звучит *первая заповедь*, с которой обращается Ницше к господствующим классам. Пусть ваше сердце никогда не знает сострадания к поработленным вами людям труда, не дрогнет при виде мук и ужасов эксплуатации, на которые обречены они вашим господством. Отбросьте угрызения совести, не стыдитесь своей жестокости: пока сила и право на вашей стороне, вам нет возмездия. Грабьте, насилуйте, убивайте. Не сожалейте и не раскаивайтесь, причиняя страдания занятым на вашей каторге людям. В этом-то и проявляется истинное величие духа, достойное сверхчеловека.

За примерами для подражания Ницше опять отсылает к эпохе варварства, когда правящие и власть имущие «еще не стыдились своей жестокости», и поэтому «жизнь была веселее». Торжество сверхчеловека немыслимо без жестокости. Посмотрите, напутствует Ницше, как любили боги древних жестокие сцены: греки не знали «никакой другой приправы к счастью своих богов, как радость жестокости». Трагические ужасы «были праздниками для богов и праздниками для поэтов, стоящих близко к богам»². Но древнегреческие боги умерли, теперь их место должен занять сверхчеловек — «полубог, полужверь, получеловек с крыльями ангела на голове», злое, демоническое существо, избравшее своим оружием «ложь, насилие и самый беззастенчивый эгоизм»³.

От языческих богов и древних героев будущий сверхчеловек должен воспринять отличающее их сознание собственной непогрешимости, безнаказанности своих действий и поступков, бодрое настроение счастливого игрока, «радостную невинность резвящегося ребенка». Его душа должна стать легкой и беззаботной, не знающей ни приступов раскаяния в совершенных против человечества преступлениях, ни страха перед неминуемой расплатой за них. Он игрок, играющий в кости судьба-

¹ См. Ф. Ницше. *Ессе homo*, стр. 99; Соч., т. II, стр. 276.

² См. Ф. Ницше. *Собр. соч.*, т. IX, стр. 142—143.

³ См. Ф. Ницше. *Полн. собр. соч.*, т. III. Изд. 1911, стр. 175.

ми людей и не признающий ничего, кроме радостных волнений игрока. Он должен научиться смеяться — смеяться над муками и страданиями миллионов людей, над их мечтами и стремлениями к счастью, к свету и свободе, над их идеалами и «ценностями», над всем, что принадлежит и служит народу¹. Так дух сверхчеловека обретает «веселые ноги» — призрачный оптимизм класса, приговоренного историей к смерти.

Пророча неизбежное и скорое пришествие сверхчеловека, Ницше не ограничивается поэтическими аллегориями и декларациями. Он вступает в общение с историей и, извращая ее закономерный ход, пытается опереться на ее показания. Сверхчеловек появляется в такие моменты истории, когда эксплуатация как основной закон жизни, из которого рождается социальная энергия, достигает наивысшего напряжения, когда господствующая аристократия ясно осознает свое назначение в осуществлении этого закона с его насильственным и диким характером и решительно противодействует «распущенным желаниям неразумной доброты». История, резюмирует Ницше, дает следующее наставление о возникновении сверхчеловека: «Эксплуатируйте и истязайте людей, — так говорит она страстям зависти, ненависти и соревнования, — доводите их до крайности, возбуждайте человека против человека, народ против народа, и притом в течение целых веков. Тогда как бы из отлетевшей в сторону искры зажженной этим страшной энергии, быть может, сразу возгорится свет гения; воля, одичавшая, подобно коню под шпорами всадника, вырвется тогда и перекатится в другую область»².

Самые благоприятные условия для создания и формирования сверхчеловеческого типа существовали, по мнению Ницше, в древнегреческих государствах и Римской империи. Это понятно: трудно быть более злым и беспощадным к массам трудящихся, чем рабовладельческая аристократия, открыто паразитирующая на дармовом труде рабов. Работник, раб был для нее просто говорящим орудием, инструментом, которым можно распорядиться как заблагорассудится. Она не нуждалась ни

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 247—249.

² Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 169—170.

в каких иллюзиях, прикрывающих «естественную» эксплуатацию человека человеком.

Конечно, эксплуататорский «инстинкт» буржуа не менее беспощаден и жесток, чем у рабовладельца, но он стыдливо прикрыт внешней, юридической оболочкой капиталистических отношений и не бьет так грубо в глаза. Ницше знает, что «болтовня о достоинстве труда» и «достоинстве человека» в буржуазном обществе является «убогим призраком скрытого рабства», и восстает против этой лицемерной болтовни, подстрекающей рабов капитала к размышлению о своем положении, уничтожающему «состояние невинности раба». «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившегося смотреть на свое существование как на некоторую несправедливость и принимающего меры к тому, чтобы отомстить не только за себя, но и за предшествующие поколения»¹, — пишет Ницше с горестным сожалением о тех безвозвратно прошедших временах, когда рабство считалось «естественной» основой общественных отношений. Только на этой почве может вырасти и сформироваться сверхчеловек, только при этих условиях человечество достигнет конечной цели.

Но если подобные условия однажды уже существовали, значит, существовал и сверхчеловек, и конечную цель, которой соблазняет Ницше человечество, можно принять как призыв возродить рабовладельческие порядки на новой, капиталистической основе, дополнить экономическое порабощение трудящихся, на котором держится капитализм, внеэкономическим принуждением, соединить воедино все исторически существовавшие формы эксплуатации — рабовладельческую, феодальную и буржуазную. Иного пути к сверхчеловеку нет.

Идеализируя рабовладельческий строй как общественное состояние, отвечающее биологической природе человека, и непозволительно переоценивая достижения античности в области искусства, науки, философии и государственного устройства, преподнося их как образец, недостижимый для последующих поколений, освободившихся от позорных институтов рабства, Ницше выдает все достижения античной эпохи за результат «творче-

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I, стр. 126.

ской деятельности» узкого привилегированного общественного слоя, освобожденного благодаря изнурительно-му труду рабов от «борьбы за существование». Он сравнивает эту «блестящую культуру» с обгаренным кровью победителем, который в своем триумфальном шествии волочит привязанных к его колеснице побежденных как рабов. Без рабства нет и не может быть «истинной» аристократической культуры, и если верно, что греки и их могучая культура погибли вследствие рабства, иронизирует Ницше, «то еще вернее то, что мы погибнем вследствие отсутствия рабства»¹.

Ницше борется против «суеверия, допускающего творческую массу», более того, он выражает сомнение в «творческих» способностях господствующих классов в целом. Создание культурных и духовных ценностей есть дело немногих олимпийцев; это функция сверхчеловека, и только сверхчеловека. Он-то и есть тот кровавый победитель, который волочит за колесницей культуры поработенное человечество. Однако, говоря о творцах античной культуры, Ницше не прилагает к ним термина «сверхчеловек», хотя они и наделены всеми его признаками. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, объявить о существовании сверхчеловека в рабовладельческую эпоху, признать сверхчеловеческий тип уже бывшим ранее — значит разоблачить тайну мифа: «биологическое возвышение человека» не может мыслиться вне времени, и создатель мифа, претендующий на роль открывателя «великих» истин, не рискует сбросить со счета этот фактор. Во-вторых, Ницше никогда не персонифицирует сверхчеловека, не полагает его как конкретную историческую личность. Сверхчеловек для него — собирательный образ, наряженный в пестрые одежды, сотканные из мистики и поэтической фантазии, которые мешают разглядеть его настоящий облик и внутреннюю сущность. Ницше далек от мещанского понимания сверхчеловека как незаурядной индивидуальности, объявляющей себя бунтарем-одиночкой, стоящим по ту сторону добра и зла, в котором нетрудно увидеть мелкого буржуа, желающего стать настоящим буржуа.

Античный сверхчеловек — это элита рабовладельцев,

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I, стр. 171.

рабовладельческая знать, Олимп наиболее родовитых, знатных, смелых и решительных представителей рабовладельческого класса, которым класс вверяет свою судьбу, полагаясь на их врожденную аристократическую мудрость и стойкость в защите собственных интересов и привилегий. Это замкнутая каста правящих и законодательствующих, которая правит и законодательствует в силу своей «воли к власти», сокрушающей и подчиняющей себе все и вся. Эта элита складывалась и закаляла свою волю к власти в процессе длительной и жестокой борьбы между свободными элементами античного общества, которую Ницше называет «гомеровским соревнованием». Раздор, Вожделение, Обман, Страсть, Мечь, Вражда, Зависть и другие языческие божества были их наставниками и воспитателями. В этом соревновании отбирались, крепили и мужали лучшие экземпляры человеческой породы, суровые и беспощадные к себе и своим противникам. Так образовалась, наконец, избранная каста тех, «кто может приказывать», каста «господ по природе», у которых «повелительные поступки и наружность», которые «носят в себе черты жестокости, достойную тигра жажду уничтожения»¹. Так сформировалась каста рабовладельцев — героические, сверхчеловеческие натуры, действующие, как судьба, — «без повода, расчета и предлога». «Их дело — инстинктивно созидать формы... это — самые произвольные, самые бессознательные художники, какие только могут быть... Это — живые образы власти, в которых части и функции соразмерно разграничены, в которых вообще нет ничего, что не стояло бы в каком-нибудь осмысленном отношении к целому. Они не знают, что такое долг, ответственность, эти прирожденные организаторы; в них царит тот страшный эгоизм художников, который блесит, как медь, и умеет оправдаться в своем деле, как мать в своем ребенке»².

Сверхчеловеческий тип как социальный тип, как элита господствующей аристократии, во всей его божественной жестокости и величии, пишет Ницше, имел место и в немецкой истории. Это была древнегерманская родовая

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I, стр. 203—209.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 161.

знать и цвет немецкого рыцарства: гордые викинги, которым «Вотан вложил в грудь твердое сердце», предводители расы «белокурых бестий», наводящих ужас на соседние народы, и их наследники — псы-рыцари, совершавшие опустошительные набеги на соседние племена, творившие дикие бесчинства на завоеванных землях. Они явились для Ницше вторым эталоном, по которому он воссоздает тип будущего сверхчеловека. Ницше не может прибавить к нему никаких других определений, помимо тех, которые уже даны при характеристике античной и средневековой знати.

Вся история человечества после падения Римской империи, за исключением некоторых «взлетов германского духа», предстает перед взором Ницше как движение вспять. В борьбе между «сильными», «благородными» и «массой», «чернью» победа на долгое время оказалась на стороне последних. Победил «стадный инстинкт большинства», которое справило свой триумф сначала в реформации, а затем еще более убедительно во французской революции. «Последнее проявление силы и благородства в политической области, — скорбит Ницше, — падает на 17—18 столетия во Франции, но их сокрушили народные инстинкты: месть и злоба низших и рабов; — не было на земле большего торжества, более шумного энтузиазма»¹. Идеи великой французской революции проникли в толщу народа. Но самым страшным и пагубным, по мнению Ницше, было расслабление воли к власти у господствующих классов, их непростительное попустительство демократическим и социалистическим требованиям масс, их отказ от «пафоса дистанции», либеральные манеры и поведение. Сверхчеловеческий тип, который отличал правящую аристократию в былые времена, исчез. Человек измельчал, обессилел, устал. Человечество вплотную подошло к той черте, за которой его ожидает неминуемая гибель. Нужен новый сверхчеловек.

Понимая сверхчеловека прежде всего как социальный тип, Ницше вместе с тем тщательно отбирает из прошлого отдельных деятелей, которые своими индивидуальными качествами представляют дальнейшее разви-

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 128.

тие и обогащение этого типа. Он без смущения отбрасывает все достижения материальной и духовной культуры, если они в какой-то мере, с определенной очевидностью, связаны с действиями масс, если они идут вразрез с вымышленной им схемой исторического процесса. В условиях, которые исключают деятельность сверхчеловека, развитие вперед, если оно имеет место, превращается в функцию гения-одиночки. Ломая косность и сопротивление «большинства», подобный гений ведет историю за собой, пока не истощит всех своих сил. В те эпохи и в тех странах, где аристократические инстинкты ослабевают, а сама аристократия отказывается или боится открыто признать себя солью и смыслом земли, сверхчеловеческий тип может появиться лишь как исключение, как счастливый случай, особенно в социальной области. Самыми светлыми пятнами на мрачном историческом фоне нового времени Ницше считает Цезаря Борджиа и Наполеона.

Что в них восхищает и умиляет Ницше? Их не знающая преград, деспотическая воля к власти, их жестокость, возведенная в культ, и другие сверхчеловеческие качества. Ницше пытается убедить читателя в том, что, если бы Цезарю Борджиа — мелкому тирану, оружием которого были интрига, провокация, яд и кинжал, — удалось одержать победу над своими противниками и занять папский престол, история сложилась бы более счастливо. Она, возможно, снова привела бы к господству сверхчеловеческого типа¹.

С тех же позиций подходит Ницше и к оценке Наполеона, популярность и энергию которого напуганная размахом народного движения французская буржуазия использовала как орудие исправления «крайностей» революции и осуществления безумных замыслов покорения Европы и Азии. Ницше не мыслит высшей заслуги и большей добродетели, чем спасение «высшего сословия» от гнева и справедливого возмездия народных масс. Наполеон явился миру, повествует Ницше, как нечто «необыкновенное и неожиданное», как «воплощение античного идеала», и еще раз «сильнее, отчетливее, увлекательнее, чем когда-либо; прозвучал страшный и восторженный лозунг преимущества немногих». Наполеона

¹ См. Ф. Ницше. Антихрист, стр. 151—152.

следует расценивать как высшее счастье, которое новая история реализовала в наиболее ценных людях и моментах. Наполеон — это «проблема идеала силы и благородства», это «синтез нечеловека и сверхчеловека». Правящие классы должны идти по пути, указанному Наполеоном¹.

Идеализируя и гипертрофируя роль великой личности в истории, Ницше, однако, не придает решающего значения *герою-одиночке* в исторической борьбе между «сильными» и «слабыми». Он готов ради единственного сверхчеловеческого типа желать гибели для всего человечества, но гений-одиночка, если даже он величием подобен Наполеону, не может противостоять движению большинства. Такая задача подстать только некоей общественной, организованной совокупности избранных личностей, имеющих опору во всем социальном слое, от имени которого они осуществляют свою миссию. Именно в этом заключается секрет запальчивой полемики Ницше против мещанского индивидуализма Давида Штрауса и против культа героя Томаса Карлейля.

В мифе о сверхчеловеке Ницше исходит из «теоретических» предпосылок, общих для всей вульгарной социологии, для Штрауса и Карлейля в том числе, которая делит человечество на избранное творческое меньшинство и нетворческую массу, изображает первое как героев — людей активного исторического действия, а последнюю как толпу, неспособную к самостоятельному историческому творчеству. Ницше не согласен со Штраусом, который склонен предоставить роль творца истории любой «критической» личности, то есть любому буржуазному и мелкобуржуазному интеллигенту, действовавшему на собственный страх и риск. Такое решение проблемы Ницше называет филистерским обоготворением обывденного, «прислужничеством образованному филистеру», считающему творческой единицей только себя и принимающему свою действительность за мерило разума во всем свете. Подобный индивидуализм он квалифицирует как выражение «скрытой ненависти к власти гения и к тирании истинно-культурных требований»².

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 128.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 290.

В культе героя Карлейля Ницше, напротив, не устраивает наивная вера в героя как мессию, как в спасителя от всех зол при любых социальных условиях, стоит только ему появиться. Карлейль, по Ницше, — типичный романтик, наивно возлагающий все надежды на отдельную сильную личность, и Ницше спешит отмежеваться от него как от «фальшивомонетчика знания и воли»¹. Сверхчеловек — ближайший родственник карлейлевского героя, но, по замыслу его пророка, он шире, глубже и богаче содержанием. Он не нуждается в обожествлении, ибо сам он божество, суровое, жестокое божество для «добрых» и «правдивых», или, иначе, сверхчеловеко-дьявол².

Итак, сверхчеловек есть продукт определенных социальных отношений, когда, во-первых, имеется настоящая, торжествующая аристократия, полагающая себя «избранным народом», когда, во-вторых, работник, непосредственный производитель материальных благ, низведенный до положения говорящего орудия, приемлет свое рабское состояние как *amor fati*. Герои предшествующей эпохи — Борджиа, Наполеон и т. д. — только прообразы грядущего сверхчеловека.

Чтобы предсказать пришествие нового сверхчеловека, Ницше вынужден спуститься с заоблачных высот безудержной фантазии на землю. И когда он снова сошел к людям, вернулся в ненавистную ему атмосферу «демократического благодушия» и «морального опьянения», он вдруг отчетливо увидел проблески «утренней зари», ощутил «признаки нового подъема сил».

Современное общество, отмечает Ницше, заметно изменяется к лучшему, становится «естественнее», прямее и грубее. В его чреве нарождается новая социальная сила. *Испорченность шагнула вперед*. Правящий класс, высшее общество — «общество праздных и богатых», излечивается от тяжкого недуга, унаследованного от французской революции, от «морального лицемерия» и расслабленности воли к власти, проникается иронией к «великодушным чувствам», «развлекается и живет ради собственного удовольствия» и с чувством полной непорочности предается «распутству духа». Принципы для

¹ Fr. Nietzsche. *Götzendämmerung*, SS. 302—303.

² См. Ф. Ницше. *Ecce homo*, стр. 119.

него стали теперь смешными, уже никто более не решается без усмешки говорить о своем «долге», «обязанностях» и т. п. Оно не верит больше в право, которое бы не покоилось на силе, и открыто полагает все права как завоевание. Оно не признает великим ничего, к чему не примешивалось бы и великого преступления, воспринимает всякое величие как выход за черту добра и зла. Движение правящего класса к «естественности» сводит все социальные и моральные проблемы к вопросу о мощи: «что я могу», — и лишь затем как вторичное: «что я должен»¹.

Особенно радует Ницше «военное развитие Европы». Пора покоя прошла. Государства лихорадочно вооружаются, чтобы помериться силами друг с другом. На горизонте встает «страшный и светлый призрак» небывалой войны. «Прекрасные мужи» — будущие покорители стран и народов — вновь становятся возможными. Сословие воинов, говорящих «да» варвару и дикому зверю, выдвигается на передний край борьбы и во внутренней и во внешней политике — и против возможных соперников и претендентов на господство над другими странами и народами, и против освободительного движения в своем собственном доме².

От Ницше не ускользает и тот факт, что новая полоса в развитии Европы характеризуется невиданным обострением «гомеровского соревнования» между отдельными представителями «высшего общества», борьбы за преобладание в хозяйственной, финансовой и политической сферах, напоминающей «охоту человека на человека», в которой торжествуют более сильные и могущественные хищники и гибнут менее удачливые экземпляры господствующего класса. Сожалея о гибели «бесчисленного множества индивидов высшей породы», Ницше относит эти жертвы к неизбежным издержкам, которыми оплачивается появление более высокого типа. Кто выживает в этой борьбе, тот «силен, как черт». Наступает «эпоха высших индивидов» — эра господства нового сверхчеловека. «Кольцо возвращения» замыкается еще раз. Классический античный идеал, о котором грезит Ницше, находит свое осуществление в новых

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX. стр. 75—77.

² См. там же, стр. 79.

владыках земли — в формирующейся финансовой олигархии. Ее безраздельное господство, ее тираническая власть над всем сущим уже не за горами. Надо позаботиться о том, призывает Ницше, чтобы пододвинуть ее торжество, обеспечить ее полную победу по меньшей мере в наших детях¹.

Наряду с определенным поворотом буржуазии к политической реакции и милитаризму Ницше отмечает как обнадеживающий фактор исторически временное, а на самом деле только кажущееся ослабление революционного рабочего движения. Он наивно полагал, что развернутое наступление буржуазной реакции на завоеванные трудящимися в жестоких сражениях права и демократические свободы, дальнейшее усиление капиталистической эксплуатации могут покончить с социализмом. Полицейские репрессии, обрушившиеся на европейский рабочий класс после падения Парижской Коммуны, принесли, по его мнению, благожелательные результаты. Напуганные свирепой расправой с парижскими коммунарами, европейские рабочие будто бы охладели к революционным действиям, их вожди растерялись и присмিরели. Пусть сие пророчество не сбывается, да и не могло сбыться, — оно потребовалось Ницше для вывода, что, если правящий класс будет и впредь упорно и последовательно осуществлять политику репрессий и террористических налетов на рабочее движение, его будущее можно считать обеспеченным: ведь человек — это животное, легко поддающееся дрессировке. Уже сейчас, в современной, пока еще демократической, Европе люди, легко поддающиеся дрессировке, представляют большинство. Вскоре же, как только удастся развеять демократические иллюзии и утвердить неприкрытую диктатуру избранного меньшинства, «стадное животное» будет полностью подготовлено. Сбитое с толку шумом капиталистической цивилизации, духовно расслабленное, напуганное разгулом политической реакции, это «стадное животное» безропотно примет ничем не ограниченный произвол нового сверхчеловека и покорно признает в нем конечную цель и оправдание своего рабского существования. «Эпоха величайшей глупости, гру-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 81—82.

бости и ничтожества масс, — откровенничает Ницше, — есть также эпоха высших индивидов»¹.

Таким образом, заключает Ницше, почва для сверхчеловека подготовлена. Оснований к унынию нет. «Кто соединил и воспитал в себе крепкую волю вместе с широким умом, имеет более благоприятные шансы, чем когда-либо». И с внешней, и с внутренней стороны все благополучно. Рождается новая раса «белокурых бестий», «варваров, скрытых под видом старой культуры», складывается каста «державных индивидов», то есть элита монополистической буржуазии, финансовая олигархия. «Настало время великого полдня, ужасающего просветления»². Новый сверхчеловек грядет во всем величии богодьявола, восседая на золотом тельце, и человечество, ослепленное его золотым сиянием, падает перед ним ниц. Молитесь и поклоняйтесь новому божеству, трепещите в страхе перед его всепожирающей волей к власти, к могуществу, к обогащению. Убейте в себе несбыточные мечты о лучшем будущем, о социальных преобразованиях, о революциях. Цель достигнута. Дальше дороги нет.

Объективный анализ мифа о сверхчеловеке опрокидывает все измышления о Ницше как о борце за свободу личности, за ее духовное раскрепощение и возвышение, рассеивает ложные представления о нем как певце буржуазного интеллигентского индивидуализма. Ницше мало интересуется отношениями между индивидами (индивид для него — просто заблуждение), он интересуется главным образом социальными отношениями, отношениями между классами и общественными группами. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы распознать в сверхчеловеке социальный тип, возникающий в исторически определенных условиях; надо лишь иметь смелость высказать это, как, например, Шпенглер, увидевший в туманных видениях сверхчеловека «ту высшую породу людей, которая благодаря превосходству воли, знания, богатства и влияния воспользуется демократической Европой как послушным и подвижным орудием, чтобы взять в свои руки судьбы земного шара

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 80—81.

² См. там же, стр. 80, 81, 82.

и, как художник, творить из человеческого материала»¹. Ницше сам срывает маску со сверхчеловека, обнажает его социальное лицо и содержание, но не находит в себе мужества назвать его настоящим именем: финансовая олигархия.

Современный сверхчеловек выступает у Ницше как естественный и законный преемник предшествующей, рабовладельческой и феодальной, господствующей элиты, наследующий ее «лучшие» традиции, качества и признаки и обогащающий их собственным опытом. Широкое пользование историческими аналогиями позволило Ницше безошибочно предсказать разбойничий характер, деспотические манеры и животные инстинкты нового сверхчеловека еще в младенческом возрасте. Восторженно приветствуя его рождение и его первые шаги, Ницше возложил на свои плечи тяжелую обязанность быть его первым наставником, знаменосцем и трубадуром. Для него он начертал «новые скрижали ценностей», подготовил моральную идеологию, оправдывающую все его преступления перед человечеством, и высоко поднял чадящий философский факел, чтобы осветить ему дорогу вперед. Миф о сверхчеловеке — это торжественный гимн паразитической тирании и деспотическому произволу магнатов финансового и промышленного капитала. Каждая его строчка, каждая метафора звучит как апофеоз грядущему империалистическому варварству.

Господство современного сверхчеловека является самой кровавой эпохой в истории человечества. Он паразитирует на его теле, взимая дань человеческим потом и кровью. Ни одна правящая олигархия не требовала для себя такой массы изнурительного труда и людских жертв. Человек для нее — действительно только мост, по которому она идет к своей цели, только материал, из которого выжимаются невиданные до сих пор барыши. Миллионы человеческих жизней искалечены и загублены на ее каторге — на фабриках, в шахтах и рудниках. Сотни тысяч лучших людей, борцов за свободу и счастье человечества, замучены в ее тюремных застенках, расстреляны на баррикадах. Ради нее истребляются целые народы, дерзнувшие поднять оружие в защиту своих прав и человеческого достоинства. Неисчислимы чело-

¹ О. Шпенглер. Закат Европы, т. I, стр. 365—366.

веческие жертвы, погибшие в колониальных и междоусобных войнах, в смертельных схватках за мировое господство — для того, чтобы паразитировал, тучнел и обогащался сверхчеловек. Это он угрожает человечеству ужасами атомной и водородной бойни, опустошением материков и континентов. Это его слуги и наемники бесчинствуют в его владениях, а при случае и в соседних странах, грабят и расхищают народное достояние, сажают в тюрьмы и вешают прогрессивных деятелей, душат всякую живую мысль, зажигают костры из книг, разрушают культурные ценности.

Никто, даже сам Ницше, не рискнет утверждать, что миф о сверхчеловеке, как и всякий миф, имеет какую-то научную теоретическую основу, но бесспорно то, что его задачей является «опровержение» научной теории. Мифотворчество Ницше всецело подчинено целям борьбы против социализма, миф о сверхчеловеке имеет более узкое назначение — доказать «несостоятельность» научного, материалистического решения проблемы роли масс и личности в истории.

Научный социализм, как отмечал В. И. Ленин, отличается замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного, закономерного процесса общественного развития с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс¹. Открытие Марксом и Энгельсом законов общественного движения дало возможность увидеть решающую, движущую силу истории, скрытую от предшествующих социологов и историков. Поскольку история человеческого общества, как учит марксизм, представляет собой прежде всего смену способов производства материальных благ, а главной силой производства являются производители материальных благ, трудящиеся, то история общества есть по существу история народов, история трудящихся.

«Народ — творец истории». Это общее положение исторического материализма относится ко всем временам и эпохам. Несомненно, гнет эксплуататорских классов, которым в антагонистических обществах принадлежит экономическое, политическое и идеологическое господство, ограничивает созидательную деятельность народных

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 21—22.

масс и их политическую активность, но изменения, происходящие в социально-политической жизни, идеологии и культуре, могут быть объяснены только путем изучения экономического развития и обусловленной им борьбы народных масс против эксплуатации и угнетения. Весь прогресс человечества, все общественные преобразования являются закономерным результатом классовой борьбы. Каждый новый этап в раскрепощении непосредственных производителей, диктуемый развитием производства, означает тем самым и изменение правового положения трудящихся в обществе, расширение возможностей для борьбы против своих угнетателей и, следовательно, дальнейшее возрастание роли народных масс в историческом творчестве. При капитализме с появлением пролетариата, ростом его численности и классового самосознания решающая роль трудящихся в истории становится настолько очевидной, что этот факт попадает в поле зрения буржуазных идеологов. Борьба пролетариата против капитализма, за освобождение от всякого гнета и эксплуатации расширяет основательность исторического действия, а «вместе с основательностью исторического действия», замечает Маркс, растет и «объем массы, делом которой оно является»¹.

Уже Парижская Коммуна, несмотря на ее поражение, показала, что рабочий класс, объединив под своим руководством массу трудящихся, сможет свалить капитализм и на его развалинах построить новое, социалистическое общество, в котором народ предстанет суверенным, никем и ничем, кроме объективных законов общественного развития, не ограниченным, никому не подчиненным, полновластным хозяином своей судьбы.

Вывод Маркса и Энгельса о решающей роли народа в истории, убедительно подтвержденный практикой борьбы пролетариата, вызвал в стане реакционных идеологов бурные нападки на марксизм и новую волну клеветы на народные массы. Правда, они до сих пор не смогли противопоставить этому выводу марксизма ничего, кроме старой избитой теории «героев и толпы», и не пошли дальше распространения небылиц о том, что «экономический детерминизм» ведет к фатализму, к отрицанию «свободы воли» и сводит на нет роль личности

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 90.

в истории и т. п. Оставаясь до конца верными субъективистскому подходу к истории, социологи империалистической буржуазии возвели субъективистские ошибки и заблуждения прежних мыслителей в основной принцип сознательного извращения объективного исторического процесса и его движущих сил. Прогрессивные социологи прошлого, хотя они и сводили историю к деятельности выдающихся личностей, никогда не противопоставляли великую личность интересам народа; они оценивали ее, исходя из соответствия ее деятельности «всеобщему» абстрактному человеческому идеалу, демократическому и гуманистическому в своей основе. Идеологи современной буржуазии сознательно используют субъективистское истолкование истории для оправдания произвола правящего класса и его авантюристической, антинародной политики. Миф о сверхчеловеке является убедительной иллюстрацией этого поворота от «стихийного» субъективизма к откровенному волюнтаризму.

С открытым забралом, вооруженный лишь слепой злобой к научному мировоззрению да старым, заржавленным теоретическим оружием, бросается Ницше в атаку против исторического материализма, который видит в действии масс «наиболее важные и значительные факторы истории», против учения, открывающего трудящимся перспективу движения к социализму. Чтобы расчислить почву для социализма, говорит он, «нужно только продолжать излагать историю с точки зрения масс и стараться открыть в истории такие законы, которые могут быть выведены из потребностей этих масс, т. е. из законов движения низших слоев общества»¹.

Чувствуя, какую великую опасность для господствующего класса таит в себе мобилизующее и вдохновляющее трудящихся в их борьбе за коренные социальные преобразования учение о решающей роли народных масс в истории, Ницше лишает массы права на самостоятельные исторические действия. Для него трудящиеся массы представляют интерес лишь как «плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов», как «противодействие великим людям» и как «орудие великих людей» — «в остальном же поberi их черт и статистика»².

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. II, стр. 163—164.

² См. там же, стр. 164.

Материалистическое понимание истории не имеет точек соприкосновения ни с субъективизмом, ни с фатализмом. Законы развития общества, как известно, действуют необходимо, но не фатально. Общественные законы, как и другие закономерности материального мира, существуют объективно, независимо от того, познаны они или нет, однако, в отличие от законов природы, они осуществляются благодаря деятельности людей, реализуются в столкновениях различных социальных групп и классов, которые или препятствуют их осуществлению, или, наоборот, способствуют их более полному раскрытию. Познав общественные законы, люди могут поставить историческую необходимость на службу собственным целям, если эти цели не противоречат закономерному ходу общественного движения, и *свободно*, сознательно добиваться их претворения в жизнь.

Далее. Признание народных масс решающей силой истории отнюдь не означает отрицания роли личности и ее влияния на ход исторических событий, или, как выражается Ницше, сведения ее к подобию «пузырьков, отражающихся на поверхности воды». Напротив, поскольку «история — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»¹, она не может проявляться иначе как через деятельность людей, через их взаимодействие. Чем активнее участие широких народных масс в исторических событиях, тем больше история выдвигает выдающихся личностей — зачинателей и вождей, которые встают во главе движения. Но выдающаяся личность может выполнить свою роль лишь тогда, когда она, как замечает Г. В. Плеханов, видит *дальше* других и хочет *сильнее* других, то есть когда она, опираясь на познанные общественные закономерности, правильно понимает сложившуюся историческую обстановку, схватывает смысл происходящих событий, определяет настоящие потребности эпохи, интересы класса, народа; когда она неотделима от народа, творящего историю, и рассматривает народные массы не как свое орудие, а сознает, что сама она является их оружием в решении определенных задач в определенный исторический период.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

Строгий научный детерминизм, на котором основан исторический материализм, потому и вызывает ненависть реакционных теоретиков, что он, устанавливая необходимость человеческих поступков и действий, решительно опровергает басни о «свободе воли», разоблачает волюнтаристские теории, согласно которым историю творят «великие люди», «герои», действующие по своему произволу и желанию, или, что одно и то же, привилегированные верхи эксплуататорских классов, господствующая элита, одаренная мифической волей к власти и тому подобными сверхчеловеческими качествами.

Свобода и необходимость находятся в неразрывном, диалектическом единстве. Истинное царство свободы, замечает К. Маркс, может расцвести лишь на царстве необходимости, как на своем базисе¹. Так называемая свобода воли заключается не в воображаемой свободе от законов общественного развития, а в познании этих законов, в возможности использования их для практической общественной деятельности. Свободная деятельность возможна лишь на основе познанной необходимости. Признание объективных закономерностей общественной жизни и диалектического превращения необходимости в свободу открывает верный и надежный путь к научному выяснению и оценке исторической деятельности масс, классов, партий и отдельной личности.

Домарксистская социология не могла в силу своей метафизической ограниченности решить проблему свободы и необходимости в обществе. Или свобода воли, или необходимость — другого решения нет. Но то, что было необходимостью для прежней социологии, является делом «свободной воли» для теперешних реакционных социологов. Современные волюнтаристы сознательно отрывают свободу от необходимости (или начисто отвергают последнюю, или навязывают ее «нетворческой массе»), превращают свободу воли в абсолют и танцуют от этой печки: вся история человечества есть результат деятельности свободной, объективно ничем и никем не ограниченной «творческой» личности или элиты.

Ницше был одним из первых философов империалистической буржуазии, поднявших на щит волюнтаризм

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 833.

как решающий «теоретический» прием сознательной фальсификации объективного исторического процесса. Современная реакционная социология плетется по его стопам, дымя фимиам империалистическому сверхчеловеку — правящей элите или герою-одиночке, это не меняет существа дела. Мы остановимся здесь преимущественно на элитистах — представителях очень модного в теперешней социологии течения, нити которого от Платона и Аристотеля, через Ренана и Ницше тянутся к нашим дням. Проповедники и поклонники элитизма имеются во всех буржуазных странах. В США они объединяются вокруг специального «научного» центра — вокруг института Гувера. Элитисты делятся на несколько направлений, но важно подчеркнуть не второстепенные отличия, а то существенное, принципиальное, что объединяет их между собой и роднит с Ницше, и не только в этом пункте, но и во многих других.

Обычно элитисты обходят своего прямого предшественника, обходят по тем же соображениям, по которым замалчиваются имена Розенберга, Боймлера и их «теоретических» сподвижников, немало вложивших труда в теорию элитизма. С большей охотой они ссылаются на Платона, Аристотеля, Ренана и т. д., имена которых не запятнаны соприкосновением с фашизмом. Если же они вспоминают Ницше, то говорят о нем с большим энтузиазмом, как о «несомненно превосходящем человеке, чье имя звучит почти как металл». «Никто лучше его не понимал миссии элиты», — восторженно пишет французский экономист и социолог Луи Боден; жаль только, сетует он, имея в виду миф о сверхчеловеке, что Ницше, достигнув вершин, «затерялся там в пустыне»¹.

Основное положение элитизма, в рассматриваемом здесь плане, сводится к утверждению, что человечество было и будет разделено на две неравные количественно и качественно группы: на «творческий», правящий и законодательствующий во всех областях жизни, привилегированный социальный слой и «пассивную», «косную», неспособную к социальному и духовному творчеству массу. Количество и качество находятся в обрат-

¹ L. Baudin. Le probleme des elites et les classes sociales — в журнале: „Nouvelle revue de l'économie contemporaine“ № 44, 1955, p. 8

но пропорциональном отношении друг к другу: чем уже и меньше «творческий» верхушечный слой, живущий за счет труда массы, тем быстрее и эффективнее идет ход истории и, наоборот, чем шире участие массы в исторических событиях, тем затруднительней становится движение общества вперед. «Во все времена человеческой истории, — пишет один из патриархов современного элитизма Г. Моска, — начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и великими обществами, всегда существовали два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый, обычно менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует в своих руках всю власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как второй, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым»¹.

Некоторые элитисты (Сантаяна, Дарлингтон, Шумпетер) «обосновывают» это разделение ссылками на «естественные», вечные и неизменные законы, заложенные в самой природе человека, другие (Джинсберг, Ледерер) ограничиваются указанием на «божественную волю», третьи (Бернхэм, Коллинз, Фриш) преподносят его как результат развития техники и технического прогресса. Так или иначе, но вся история человеческого общества сводится к творческой деятельности различных элит, к их борьбе, гармонии и балансированию, а элитизм объявляется основой для объяснения всех общественных явлений.

Отношения между элитой и ее отдельными представителями, с одной стороны, и массой трудящихся — с другой, элитисты изображают в нищенском духе — как подобие отношений между сверхчеловеком и человечеством. У трудящихся отнимается способность и право к разумным, сознательным действиям. Это толпа, нуждающаяся в руководстве и повиновении, в пастыре и кнуте. Активность толпы вызывает вождь, наделенный божественной или сверхбожественной силой. Действительным лидером толпы, пишет Эмиль Ледерер в книге «Государство масс», может быть только человек, «действующий по велению бога», выражающий божественную

¹ G. Mosca. The Ruling Class. New York, 1939, p. 30.

волю в такой степени, что может даже спорить с самим богом, не соглашаться с ним; это лишний раз подчеркивает, что он является той же самой субстанцией, как и бог. Силы, которые заставляют массы искать некоторых форм организации, не являются осознанными или обдуманными, они коренятся в их инстинктах повиновения. Большинство народа стремится к тому, чтобы быть руководимым, и слишком легко покоряется любой власти. Покорная авторитету власти, толпа не может иметь никакого представления об источниках этой власти и охотно повинует ей, если она полагает ее источники божественными. Уверенность массы в божественном вожде не имеет никаких границ. «Она дает лидеру полную власть. Лидер не делает ошибок, и, даже если он их имеет, они рассматриваются как полный успех. Поэтому отношения между массой и вождем такие же, как между народом и основателем религии»¹.

Шумпетер, отказывая членам элиты в божественном призвании, выводит социальное фюрерство из врожденного инстинкта «воли к власти», из способности командовать, повелевать, продвигаться и достигать своих целей. Подобно тому, как люди различаются способностью к пению, заявляет он, они различаются по силе воли к власти, по способности к социальному господству. Те, у кого эти способности развиты в большей степени, выдвигаются вперед и выполняют в обществе командные функции². «Власть зависит от врожденных качеств занимать привилегированное положение»³, — вторит Шумпетеру Гарольд Лассуэлл. Господствующее положение элиты в обществе вытекает из «стремления к власти», из «жажды власти», из «инстинкта повелевать»⁴, присоединяется к ним Морис Джинсберг. Что касается «технократов», то они главное внимание уделяют способностям к управлению и организации современного производства. По мере развития техники сознательная деятельность человека в области производства, а затем и в социальной области, уверяют они, концентрируется в руках небольшой элиты — коллективного гигантского

¹ См. E. Lederer. *State of the Masses*. New York, 1940, p. 40.

² См. J. Schumpeter. *Imperialism and Social Classes*. Oxford 1951.

³ См. H. Lasswell. *Power and Personality*. New York, 1948, p. 7.

⁴ См. M. Ginsberg. *The Psychology of Society*. London, 1949.

мозга, выделяющегося из всего человечества, которое будто бы живет большей частью как пассивный потребитель того, что производит техника.

Итак, без политической власти, без принуждения и насилия нет и не может быть общества. Политическая власть в свою очередь может быть только функцией элиты — верхушки господствующего класса. Значит, гражданское общество создается и формируется элитой, создается по ее произволу и прихоти, ибо она есть не что иное, как каста избранных, уполномоченных именем бога, богатством или знатностью происхождения, наследственными или благоприобретенными качествами. Она сама себе закон, его воплощение и осуществление. Общество без нее — оркестр без дирижера. Каждый член общества, не принадлежащий к ней, должен автоматически повиноваться взмаху ее смычка.

Теоретически элитизм является одним из вариантов субъективистско-волюнтаристской концепции «героев и толпы», ее разновидностью, выросшей в условиях господства монополистического капитала. Но элитисты возводят в степень героя уже не выдающихся одиночек правящего класса, а всю верхушку буржуазного общества — финансовую олигархию, объявляют ее единственным вождем, способным руководить обществом, и, наконец, обожествляют ее, требуют от трудящихся масс абсолютного повиновения ее диктату. Генеалогия элитизма от мифа о сверхчеловеке бесспорна. Но если миф Ницше был предсказанием всесияния нарождающейся империалистической буржуазии и торжественным приглашением осанна этому грядущему господству, открытым и циничным призывом к объединению ударных сил этого класса для решающего разгрома усиливающегося натиска угнетенных капитализмом масс, то современный элитизм является теоретически ухищренной констатацией уже совершившегося исторического поворота, попыткой оправдать и обелить прошлые и настоящие преступления финансовой олигархии, скрыть вопиющее классовое расслоение буржуазного общества, дискредитировать научные понятия класса и классовой борьбы. В этих новых условиях уже нельзя идти на такую «мужественную откровенность», которую мог позволить себе Ницше.

Теперь реже встречаются откровенные признания в

стиле Ницше, что элита не должна иметь никаких политических и моральных обязанностей перед управляемой ею массой. Наоборот, ее задачи и призвание состоят якобы в том, чтобы всемерно содействовать благу и процветанию «неразумной» массы, которая не умеет позаботиться о своих насущных нуждах, о своем будущем, в том, чтобы смягчить «дикие нравы и эгоистические инстинкты толпы», просветить и цивилизовать ее, приобщив к достижениям материальной и духовной «западной культуры» и т. д.

«Поступки и идеи, которые ведут к прогрессу, — поучает Герберт Гувер, — рождаются в уме индивидуума, а не в уме толпы. Толпа лишь чувствует: она не имеет своего собственного ума, который может планировать. Толпа легковерна, она разрушает, она потребляет, она ненавидит, она мечтает, но она никогда не строит... Демагог питает эмоции толпы... Желания народа не являются критерием реальной потребности, их можно определить лишь путем сознательного рассмотрения, путем воспитания, путем творческого руководства»¹. Какая трогательная забота о «легкомысленных» народных массах со стороны крупнейшего империалистического хищника! Не доверяйтесь «демагогам» (то есть коммунистам, истинным и стойким защитникам народных интересов, самоотверженным борцам за свободу и счастье народов). Повинуйтесь нам, нашему «творческому руководству». Уж мы-то позаботимся о вас.

Все громче и надрывней на всех буржуазных перекрестках раздается поднятый Ницше плач о «гибели мировой культуры и цивилизации». Народные массы не желают больше жить по-старому, не хотят больше терпеть «творческое руководство» гуверов и иных империалистических заправил, рвут цепи, которыми сковал их современный сверхчеловек. Устои империализма рушатся, карта его владений суживается.

Элитисты ставят своей задачей увести народные массы от понимания настоящих причин социальных бедствий, совлечь их с пути социальных преобразований и снова вернуть в лоно руководства «избранных». Причиной всех социальных зол является не капитализм, нашептывают они, а сам человек, поддавшийся ложной агитации,

¹ Н. Н o o v e r. American Individualism. New York, 1922, p. 24.

забывший «свой шесток» и возомнивший себя «строителем нового мира». Чем объясняется, например, хронический кризис буржуазной культуры? Предоставим слово Карлу Маннгейму, основателю «социологии знания». «Кризис культуры в условиях либеральной демократии, — разъясняет он, — вызывается прежде всего тем фактом, что основные социальные процессы, которым раньше помогала развиваться создающая культура элита, теперь, в результате того, что в общественную жизнь втянуты широкие массы, действуют в противоположном направлении, то есть препятствуют образованию элиты». Доступность демократического массового общества «отнимает у этой самой элиты исключительность, необходимую для выработки умственных и душевных импульсов»¹.

Чем объясняется, что положение трудящихся в капиталистических странах становится все более бедственным, а ярмо эксплуатации затягивается все туже? Причины этого коренятся, дескать, в неправильном понимании массами принципов «истинной демократии», которые возомнили, что политика — область деятельности, доступная первому встречному. Дорогу социальным бедствиям открыла французская революция с ее лозунгом «свобода, равенство и братство», ставшим затем знаменем широких масс. «С того момента, как человек был объявлен хорошим по своей природе и испорченным исключительно обществом, — пишет, например, Рене Жилуэн в книге под очень характерным заглавием: «Современный человек — свой собственный палач», — когда эмансипированный разум стал претендовать на провозглашение эры бесконечного прогресса и осуществление рая на земле, когда народ, названный сувереном, объявил для всех свободу и равенство, братство и мир, — именно начиная с этого момента самые опасные бичи, когда-либо известные истории, начинают обрушиваться на мир и создавать для человека условия, самые нечеловеческие, самые унижительные для его достоинства, самые тягостные с точки зрения нужды». Французская революция, по мнению Жилуэна, знаменует начало эры господства масс, которая исключает благоприятные ус-

¹ K. Mannheim. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaues. Leiden, 1935, SS. 63, 65.

ловия для формирования элиты и для ее руководства человеческой «толпой». Массы вручили свою судьбу лидерам, «вышедшим из их лона и созданным по их образцу». В результате этого люди «вовлечены в течение, которое сделалось потоком, в поток, который сделался водопадом и бороться против которого, пока будет продолжаться господство масс... было бы также бессмысленно, как стремиться переплыть Ниагару». Спасение от всех социальных зол Жилуэн видит в создании прочной, твердой элиты избранных, которой должно быть вручено руководство массами, не понимающими, что есть благо и что — зло; в установлении «вместо царства количества царство качества»¹.

Родство между элитизмом и мифом о сверхчеловеке обнаруживается также и в подчеркивании полярных противоположностей, на которых основаны подобные схемы. Что такое сверхчеловек? Сверхчеловек есть отрицание человека, то, что противостоит человечеству. Что такое масса? — ставит вопрос бельгийский публицист и социолог Жан Лякруа и тут же отвечает: масса — это «то, что исторически противостоит элите». Сверхчеловек — конечная цель человечества, а человечество — его орудие и материал для социальных экспериментов. «В течение долгого времени человечество жило посредством элиты и для элиты»², — говорит Лякруа. Следует подчеркнуть еще и тождественность социальных функций сверхчеловека и элиты, средств и методов их осуществления. И сверхчеловек, и элита имеют своей основной функцией обуздание выходящих из их повиновения трудящихся масс, охранение и расширение собственных классовых привилегий и преимуществ. «Массы обладают такой жадой повиновения, — сообщает немецкий социолог Курт Башвитц, — что они инстинктивно повинуются каждому, кто называет себя господином», кто сумеет усмирить их «инстинкт злобы и зависти» и подчинить их своей железной воле³. Массы выходят из повиновения тогда, когда правящая элита недостаточно

¹ См. R. Gillouin. *L'homme moderne — bourreau de lui-même*. Paris, 1951, pp. 18, 68, 88.

² См. J. Lacroix. *La promotion des masses* — в журнале: „Esprit“, № 198, Janvier, 1953, pp. 29—44.

³ См. K. Baschwitz. *Du und Masse*. Leiden, 1951, SS. 15, 87—88.

тверда и беспощадна. В этом, по мнению всех элитистов, заключается решающая причина социальных революций. Отсюда следует призыв, брошенный еще Ницше: создающие, будьте тверды, не брезгайте никакими средствами, чтобы продлить и укрепить свое господство.

Наиболее откровенно принципы и выводы элитизма объясняет Дж. Бернхэм в книге «Последователи Макиавелли — защитники свободы». Историческая и политическая наука, говорит Бернхэм, является прежде всего изучением элиты, ее состава, структуры и отношений к людям, не входящим в элиту. Первая задача элиты — сохранить свою власть и привилегии (неправы те, кто утверждает, что она должна служить обществу). В основе элиты лежит насилие и ложь (противники ошибочно утверждают, что общественные законы в основном покоятся на данном боге или естественном праве, разуме и справедливости). Борьба между элитой и не элитой («классовая борьба») вечна, и мечты о земном рае («бесклассовом обществе») — утопия. Макиавеллианские принципы гораздо ближе к инстинктивным точкам зрения людей практики, чем к точкам зрения теоретиков, реформистов и философов. Это естественно, так как подобные принципы являются обобщенным выводом из того, что делали и делают люди практики, в то время как теоретики, чаще всего сравнительно оторванные от непосредственного участия в социальной борьбе, способны воображать общество и его законы такими, какими бы они хотели их видеть¹. Троцкий Бернхэм не уступает пророку империализма Ницше ни в лаконичности, ни в обнаженном цинизме.

Весьма похожие на элитизм конструкции преобладают в исторических построениях Арнольда Тоинби, Сиднея Гука и некоторых других историков и социологов. Элитизм как разновидность мифа о сверхчеловеке усиленно пропагандируется представителями экзистенциализма.

Вымыслы о сверхчеловеке, избранной элите, о героях, творящих историю, определяющих течение и исход исторических событий, предписывающих и навязывающих человечеству свои нормы и принципы экономиче-

¹ См. J. Burnham. The Machiavellians Defenders of Freedom. New York, 1943, pp. 225—227.

ской, политической, идейной и культурной жизни, басни о «косной», «пассивной» и тому подобной массе, способной лишь к инстинктивным стихийным выступлениям, к бунту и разрушительным действиям, решительно опровергаются исторической практикой человечества. Как бы ни клеветали господа буржуазные теоретики на народные массы, они не могут убить ту простую и очевидную теперь истину, что настоящим Прометеем, зажегшим и поддерживающим вечно живой огонь неиссякаемого исторического творчества, является народ, а не паразитирующие на его труде господствующие эксплуататорские классы. Он застроил землю селами и городами, воздвиг фабрики и заводы, запахал поля и засадил землю садами, прорыл каналы и оплодотворил пустыню. Его трудом создаются материальные блага, которыми кормится и одевается весь мир. Его коллективный гений дал изумительные образцы художественного творчества, из которого черпают вдохновение прогрессивные художники всех эпох.

Эксплуататорские классы, еще господствующие в капиталистических странах, не только присваивают и пожирают плоды народного труда, но и всячески сковывают, душат творческую инициативу народа, ибо, как признает Ницше, весь пафос народного творчества направляется против них. Вопреки их усилиям активность трудящихся поднимается все выше. Трудящиеся все яснее и отчетливее сознают свои собственные силы, организуются и объединяются, чтобы навсегда сбросить цепи, сковывающие их творческую энергию в строительстве новых форм жизни, и стать единственным хозяином своих будущих судеб. Вдохновляющий пример Советского Союза, Китая и других стран, вырвавшихся из тисков империализма, показывает, какими поистине неограниченными возможностями располагает суверенный народ, сбросивший ярмо и опеку современного сверхчеловека. Под руководством своих коммунистических партий, опираясь на раскрытые и познанные объективные закономерности общественного развития, народы этих стран планомерно строят новую жизнь, гигантскими темпами развивают экономику, двигают вперед культурное строительство, показывая подлинные образцы массового героизма.

«УЧЕНИЕ» ОБ ИЕРАРХИИ И АНТИДЕМОКРАТИЗМ

Выше уже указывалось, насколько высоко ценят теоретики реакционной буржуазии ницшевское «учение» об иерархии и вытекающее из него абсолютное отрицание демократии. В дополнение к сказанному обратимся еще раз к А. Митташу и Ф. Лершу, которые вменяют себе в обязанность подвести под это «учение» более «солидную» научную базу. Мысль об иерархии в природе, о расчленении природы по иерархическому принципу есть, по определению Митташа, «величайшее открытие», подтвержденное последующим развитием науки. Заслуга Ницше состоит в том, что он первый увидел в природе «приказание и послушание», «открыл», что иерархия, начинаясь в космосе, в царстве неорганической природы, как проявление «воли к разграничению», продолжается в органическом мире и кладет свою чеканку на структуру любой общественной организации. Вот почему ницшевская «философия жизни» есть философия рангового, кастового строя. Что Ницше «видит в природе приказ и послушание» и что ницшевская философия есть «философия рангового строя» — это бесспорно; но утверждение, что «аристократическая мысль об иерархии играет в природе огромную роль», остается пустой, бездоказательной фразой, а ссылка на неорганические катализаторы как на якобы «простейшие химические носители приказаний» или на органические возбудители и раздражители, которые будто бы находятся в отношениях субординации друг к другу, является по существу профанацией науки в духе Ницше¹.

Лерш заимствует примеры, «подтверждающие» ницшевские измышления об иерархии как универсальном законе бытия, из «научных» исследований жизни животных. В частности, он использует опыты Шельдерук-Эббе, наблюдавшего «психологию» кур-наседок и «научно» констатировавшего существование «строгой иерархии» в отношениях между ними. Конечно, по показаниям самого Лерша трудно судить, насколько «научны» эти опыты, но за «объективность» выводов, извлекаемых из них, не сможет поручиться ни один добросовестный ис-

¹ См. А. Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph, SS. 284, 288—292.

следователь. А выводы таковы: если иерархия как форма проявления воли к власти господствует в мире животных, то тем более она является определяющим инстинктом человеческой жизни, ибо у людей «несравнимо больше биологической необходимости самосохранения, чем у животных». Это должно быть тем настойчивее подчеркнуто, говорит Лерш, чем сильнее стирается в психологии индивидуума понятие «воля к власти»¹. Оставим эти философские фокусы на совести сторонников Ницше по идейной борьбе. Нам важен результат: ницшевское «учение» об иерархии при помощи подобных приемов поднимается на уровень «подлинно научной» философии природы и общества.

«Учение» об иерархии (*die Rangordnung*) представляет собой один из краеугольных камней «социальной философии» ницшеанства. Иерархия, заявляет Ницше, есть высший, доминирующий закон, санкция естественного порядка, над которой не имеет власти никакой произвол, никакая «современная идея». В каждом «здоровом» обществе необходимо выделяются, взаимно обуславливая друг друга, три физиологически различных типа. Сама природа обособляет индивиды, выдающиеся или умственными способностями, или силой мускулов и темперамента либо не отличающиеся ни тем, ни другим, выделяя последних как большинство, первых как отбор. Соответственно этому общество должно делиться на три иерархических слоя, на три касты со строгим разделением функций, прав и обязанностей. Первая — избранные, «немногие» — призвана господствовать, повелевать. Не потому, что они сами хотят этого, а потому, что они не вольны быть вторыми. Вторая — стражи права, блюстители порядка и безопасности, воины, — «свита и правая рука» первых. Третья — «посредственность», те, кому самой природой предопределено повиноваться, быть основанием общественной пирамиды. «Порядок каст, ранговый порядок, — заключает Ницше, — лишь формулирует высший закон самой жизни: разобшение трех типов нужно для поддержания общества, для того, чтобы сделать возможным высшие и наивысшие типы, — не-

¹ См. Ph. Lersch. *Aufbau der Person*, SS. 127—128.

равенство прав есть лишь условие того, что существуют вообще права»¹.

Нетрудно догадаться, что эта «оригинальная» теория, выдаваемая самим Ницше и его последователями за «величайшее открытие» в области философии вообще и социальной философии в особенности, сформулирована и «обоснована» более двух тысяч лет назад Платоном. Ницше, как видно, полностью принимает платоновский принцип деления общества на три слоя: «золотой» (правители, «мудрые», одаренные врожденной способностью «творить» законы общественной жизни), «серебряный» («стражи» государства, воины, действующие по предписанию правителей) и «медный» (рабы, трудящиеся, создающие материальные блага). Первые два слоя правящие (поэтому Платон, а следом за ним Ницше иногда рассматривают их как однородную группу, связанную биологической общностью благородного происхождения и единством классовых интересов), но только первый из них отмечен печатью истинных повелителей. Заимствуя схему Платона, Ницше делает, по крайней мере, три шага в сторону... реакционности. Во-первых, под «мудрыми» он понимает не философов, как Платон, а правящую олигархию, которая складывалась на его глазах. Во-вторых, он, в отличие от Платона, вменявшего «правителям» в обязанность заботу о благе всех свободных сословий, отмечает «сентиментальные» рассуждения о «всеобщем благе». Наконец, если Платон прилагал свою схему только к обществу, то Ницше сначала выходит с ней в космическое пространство, а оттуда переносит в общество как высший закон всего миропорядка.

Требование возврата к кастовому, ранговому строю есть отражение определенно наметившегося после Парижской Коммуны поворота европейской буржуазии к политической реакции, к развернутому наступлению на демократические завоевания трудящихся, констатация характерной для монополистического капитализма тенденции к «стабилизации» верхушки правящего класса и дальнейшей классовой поляризации буржуазного общества. Это и вдохновило Ницше на воспевание «пафоса дистанции», на ту воинствующую реакционность, кото-

¹ См. Ф. Ницше. Антихрист, стр. 138—140.

рая уводит его дальше идеолога афинской рабовладельческой аристократии — Платона.

«Теоретические» предпосылки учения об иерархии да- ны в мифах о воле к власти и о сверхчеловеке. Порядок рангов Ницше ставит в прямую зависимость от воли к власти, которой природа наделяет человеческие индивиды. Чем большей волей к власти одарен индивид, чем ярче выражен в нем инстинкт к господству, тем выше его биологическая и, следовательно, социальная ценность. Тот, кто не может повелевать, тот должен повиноваться. Отсюда Ницше выводит «естественное» разделение общества на «сильных» и «слабых», на господ и рабов, которое будто бы свойственно «любой мощной эпохе». Подчеркивая далее качественное различие воли к власти у «сильных» и «слабых», он снова навязывает тот же вывод: «Если ты созидатель, ты принадлежишь к свободным, если ты — принимающий формы, ты их раб и орудие»¹. Так сразу же «пафос дистанции» обрушивается против тех, кто экономическими условиями своего существования в капиталистическом обществе поставлен в положение угнетенного, эксплуатируемого класса. — против пролетариата, против трудящихся, которым категорически отказывается в способностях к созиданию новых форм жизни, отвечающих их интересам и стремлениям.

В связи с этим следует отметить еще один «аргумент», выдвигаемый Ницше в пользу социальной иерархий, — «заботу» о культуре. Высокая культура, изрекает он, может возникнуть лишь там, где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, или, выражаясь иначе, каста «принудительного труда» и каста «свободного труда». Когда дело идет о создании культуры, точка зрения распределения счастья несущественна. Культура требует рабства, человеческих жертв. Поэтому тот, кто не способен к творчеству «высших», культурных, ценностей, — тот должен безропотно принести свою жизнь в жертву культуре².

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 12.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 254.

Понятие «культура» служит Ницше лишь инструментом «принципиальной фальсификации» объективных причин классового деления общества и оправдания произвола правящего класса — касты. Между тем мнимая забота Ницше о «высшей культуре» и ее творцах — избранных олимпийцах, «олигархах духа» — может дать повод к неправильному пониманию ницшеанского учения о социальной иерархии. Конечно, представление о трудящихся как о рабах, прикованных к колеснице культуры, не вызывает у объективного исследователя сомнений относительно той роли, которую отводит им Ницше в обществе, разделенном на классы-касты. Но какой общественный слой понимает Ницше, говоря о касте «свободного труда», об «олигархах духа» как единственных творцах культуры? Буржуазные теоретики считают культуру монополией интеллигенции. На этом основании некоторые исследователи склонны рассматривать Ницше как романтика, мечтавшего о таком общественном строе, в котором интеллигенция в лице своих лучших представителей возьмет на себя тяжкое бремя власти над «неинтеллектуальной массой» народа «ради его же собственной пользы», определит каждому свое место и функции в зависимости от кастовой принадлежности и установит «царство разума и справедливости». Такова, например, точка зрения Г. Брандеса, А. Лихтенберге и других.

Ницше демагогически заигрывает с интеллигенцией, и если принять его заигрывание за чистую монету, то действительно может сложиться впечатление, что все надежды на будущее он связывает с этим социальным слоем. Из этого, видимо, исходит Г. Лукач. Справедливо считая Ницше одним из ведущих теоретиков империализма, Лукач, однако, низводит ницшеанство до мировоззрения паразитирующей империалистической интеллигенции, обеспокоенной кризисом буржуазной культуры и ищущей выхода из тупика. Ницше, согласно Лукачу, видел этот выход в том, чтобы возвести интеллигенцию на высшую ступень социальной иерархии и облечь интеллектуальную аристократию неограниченной деспотической властью¹.

¹ См. G. Lukacs. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1955, SS. 251—252.

Подобный вывод не отвечает духу ницшеанской философии. В отличие от большинства буржуазных теоретиков, Ницше не отдает культуру на откуп интеллигенции. Он прямо, без маскировки заявляет, что «истинная», аристократическая культура насильственно утверждается расой варваров и завоевателей, что в основе ее лежат «здоровые», эгоистические инстинкты этой расы¹, и, следовательно, открыто ставит культуру на службу империалистическому варварству. Утверждая приоритет грубой силы над интеллектом, Ницше обуславливает последний количеством и качеством воли к власти, а не какими-то психическими особенностями той или иной общественной группы. Поэтому творцом культурных ценностей и создателем новых форм духовной и социальной жизни, по Ницше, может быть только социальный слой, одаренный могучим инстинктом господствовать и повелевать, то есть господствующая уже аристократия. Она-то как раз и составляет так называемую олигархию духа — касту творцов, законодателей и повелителей.

Согласно Ницше, жизнь сама создает себя в вышину столбами и ступеньками; она нуждается в ступенях, в противоречии этих ступеней и в противоречии восходящих по ним человеческих индивидов. «Всякое повышение типа «человек», — глаголет он, — было до сих пор делом аристократического общества... которое верит в длинную иерархическую лестницу... которое нуждается в рабстве в том или ином смысле этого слова. Без пафоса расстояния, который вырастает из различия сословий, всосавшегося в кровь и в плоть, из постоянной привычки господствующей касты глядеть на своих подчиненных, на орудия свои, сверху вниз и из постоянного упражнения в подчинении и повелении, умении держать ниже себя и далеко от себя, — не мог бы вырасти тот другой таинственный пафос, это стремление ко все новому увеличению расстояний внутри самой души, к выработке все более высоких, редких, далеких, обширных, широко раскинувшихся состояний, — словом, не было бы возможно возвышение типа «человек», постоянное «преодоление человеком самого себя»². Как в процессе само-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 219.

² Там же, стр. 218—219.

возвышения жизни осуществляется возвышение типа «человек» — это показано на примере «учения» о сверхчеловеке: человечество добровольно обрекает себя на вечное рабство, выдвигает из себя «избранный народ», который в свою очередь произведет сверхчеловека. С каждым усилением и возвышением типа «человек» неизбежно связан новый вид порабощения и дальнейшее углубление «пафоса дистанции».

Жизнь, созидаящая сама себя в вышину столбами и ступенями на основе всеобщей закономерности воли к власти, разумеется, исключает альтруизм и равенство живых индивидов. Эта нехитрая теоретическая конструкция используется Ницше как рычаг, при помощи которого он пытается опрокинуть все «современные идеи», провозглашающие идеалы социальной справедливости, — будь то наивные либеральные пожелания о формальном уравнивании прав граждан в буржуазном обществе или строго научная теория, опирающаяся на объективные закономерности общественного движения. Разве может существовать равенство между людьми, если они различно одарены инстинктом воли к власти, если каждое человеческое существо, полагаящее себя «как единственную ценность», стремится к отличию?! — восклицает Ницше. Требование равенства — бессмыслица, восстание против «вечных» законов самовозвышения жизни. «Равенство всех, — обрушивается он на проповедников социальной справедливости, — самая вопиющая несправедливость, так как при этом величайшим людям приходится становиться слишком малыми»¹.

Аргументация Ницше однообразна, примитивна и прямолинейна, и нет необходимости более подробно останавливаться на ней. Он настойчиво варьирует один и тот же мотив, чтобы оглушить читателя бурлящим водопадом афоризмов и парадоксов и убедить его в том, что «равенство — безумие», неминуемо ведущее к вырождению и гибели всего человечества. Весь этот маскарад устраивается для того, чтобы в последнем его акте протащить старую идею, что *«богатый всегда прав в отношении бедного»*. «Когда богатый отнимает собственность бедного... — говорит Ницше в заключающем маскарад монологе, — то в сознании бедного возникает

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 25.

ошибка; он полагает, что его обидчик должен быть совершенным извергом, чтобы отнять у него то малое, что у него только и есть. Но... несправедливость могущественных, которая больше всего возмущает в истории, совсем не так велика, как кажется. Уже унаследованное чувство, что он есть высшее существо с более высокими притязаниями, делает его довольно холодным и оставляет его совесть спокойной; ведь даже все мы не ощущаем никакой несправедливости, когда... например, убиваем комара без всяких угрызений совести... Отдельный человек устранился в этом случае, как неприятное насекомое; он стоит слишком низко, чтобы иметь право возбуждать тяжелые ощущения у властителя мира»¹. Теперь Ницше может широко распахнуть дверь своему аристократическому гневу и выпустить на свободу свой зоологический антидемократизм.

Ницше презирает и ненавидит все, что может разбудить в бедном, угнетенном трудящемся человеке чувство собственного достоинства и справедливое негодование против богатого, живущего эксплуатацией его труда. Его гнев обрушивается на бедного как на физиологического неудачника, пытающегося отнять у богатого его богатство и его власть, подорвать установленную свыше иерархию сил. Бедный — это ленивый, которому природой отказано в жизненной энергии, необходимой для самоутверждения себя как свободной личности, и который поэтому не может быть не чем иным, кроме как фабричным товаром. Самое тяжкое обвинение, которое Ницше бросает угнетенному человеку, — это его желание быть человеком. Это желание расценивается Ницше как стремление «хвдших» к утверждению своей тирании над «лучшим». «Человеческое стадо», развращенное либеральными побрякушками господствующего класса, негодует Ницше, «разучилось скромности и раздувает свои потребности до размеров *космических и метафизических* ценностей. Этим вся жизнь *вульгаризируется*: поскольку властвует именно масса, она тиранизирует *исключения*»².

С этого исходного рубежа Ницше начинает лобовую атаку на либерализм, демократию и социализм, в защи-

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 69.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 20.

ту... свободы. Ничто не причиняет такого вреда свободе, вещает ее новоявленный защитник, как общепризнанные либеральные представительные учреждения. Появление представительных учреждений является, по Ницше, первым и самым опасным симптомом упадка «здоровых форм жизни»: пропасть между отдельными группами людей уменьшается, инстинкты ранга ослабевают, мощные повелители, способные держать «толпу» в повиновении, заменяются «собраниями разумных стадных людей», заседающих в представительных учреждениях¹.

Ницше не понимает природы буржуазной демократии, но он знает её настоящую цену и представляет ту опасность, которую она несет в себе. С одной стороны, он видит, что демократия, сведенная к формальной констатации равенства всех граждан перед законом, может быть использована в интересах господствующего класса для воспитания «болтливых, слабовольных и в высшей степени ловких работников», приспособленных к рабству, прикрытому псевдодемократической оболочкой². С другой стороны, он не может без тревоги пройти мимо того факта, что даже урезанная буржуазная демократия становится союзницей трудящихся в их борьбе против капиталистического гнета, за социализм. Сопоставляя все «за» и «против», Ницше определенно говорит демократии «нет». Игра в демократию — опасная игра с огнем. Либеральная болтовня о «достоинстве человека», о «равных правах для всех», уничтожая состояние «невинности раба», порождает в современных условиях, в условиях повального увлечения демократическими иллюзиями, такие тяжкие болезни, как «рабочий вопрос», социализм и т. д. Демократия — микроб, вызывающий заболевание, которое может привести к гибели весь теперешний социальный организм — буржуазное общество. Отсюда исходит лютая ненависть Ницше к демократизму во всех его формах и проявлениях.

Расправившись с демократией, Ницше приступает к социализму. Здесь он тем более не стесняется в выражениях; вульгарная брань становится основным аргументом. Социализм — это противоестественно. Почему? Потому, что тогда не будет ни бедных, ни богатых, ни по-

¹ См. Fr. Nietzsche. *Götzendämmerung*, S. 325; Собр. соч., т. II, стр. 126.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 194.

винующихся, ни повелевающих; «каждый стремится к равенству, все равны: кто чувствует не так, тот добровольно идет в сумасшедший дом»¹. Здесь звучит та же неприкрытая встревоженность о спокойствии, благополучии и процветании богатых, «сильных» и «могущественных», забота об их исключительном, «прирожденном» праве грабить и измываться над бедными, над трудящимися.

Ницше не прячет своих симпатий. «Социалисты, — пишет он, — стремятся создать благополучную жизнь для возможно большего числа людей. Если бы постоянная родина такой благополучной жизни — совершенное государство, — действительно была достигнута, то этим благополучием была бы разрушена почва, из которой произрастает великий интеллект и вообще могущественная личность: я разумею сильную энергию... Не следует ли поэтому желать, чтобы жизнь сохранила свой насильственный характер и чтобы постоянно снова возбуждались дикие силы и энергия?»². Либерализм, по Ницше, означает торжество «стадного начала», социализм — нечто еще более страшное: «безумие и бессилие тиранов», маскирующих свои стремления к тирании «сладкими словами о равенстве, справедливости и добродетелях»³. Стало быть, если «каста праздных», кучка избранных тунеядцев, утверждающих с помощью плети и штыков свое господство над человечеством, обращает трудящееся большинство в рабов, загоняет человеческую личность на скотный двор, обрекает ее на бесправие, нужду и голодную смерть, — сие есть «высшая санкция естественного порядка». Если же трудящиеся низвергают господство тунеядцев, впервые обретают свободу, берут свою судьбу в собственные руки, ликвидируют эксплуатацию человека человеком, создают общественный строй, обеспечивающий гармоническое и всестороннее развитие каждой личности, и для охраны своих великих завоеваний утверждают свою диктатуру — диктатуру трудящегося большинства над эксплуататорским меньшинством, — то это не что иное, как «попирание свободной личности», тирания. Это парадоксально, но

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 11.

² Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 171.

³ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 81.

тем не менее этот парадокс лежит в основе всех современных «опровержений» социализма.

Злобный враг демократии и социализма, Ницше, однако, ратует за «свободу». Но что такое свобода, по Ницше? Это воля к ответственности за самого себя, готовность жертвовать для своего дела собой и другими людьми, господство «воинственных и победоносных инстинктов» над «инстинктом счастья». «Освободившийся человек, тем более освободившийся дух, — говорит Ницше, — попирает то презренное здоровье, о котором мечтают торгаши, христиане, коровы, женщины, англичане и другие демократы... Высший тип свободных людей следует искать там, где приходится преодолевать самые сильные препятствия: в пяти шагах от тирании, у самого источника грозящего рабства»¹.

Подобное понимание свободы не блещет новизной, это привычное представление идеологов эксплуататорских классов, только очищенное от словесной мишуры. Свобода в буржуазном обществе, замечает В. И. Ленин, «всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев»². Ницше отказывается от фиговых листьев, прикрывающих «свободу», приемлемую реакционной буржуазией, и берет ее такой, какова она есть в действительности, — как ничем и никем не ограниченную волю к эксплуатации, грабежу и насилию «новых господ земли» над массой трудящихся, богатых над бедными, повелевающих над подданными — такой, как она осуществляется буржуазией на практике.

Буржуазные исследователи, истолковывающие ницшеанство как крайне индивидуалистическое философское течение, изображают Ницше сторонником абсолютной свободы, противником всякого государства. При этом они обычно ссылаются на «учение» о сверхчеловеке, которое будто бы противоречит принятию ницшеанством авторитета государственной власти, независимо от ее происхождения и характера. На самом же деле такое утверждение не имеет никаких серьезных оснований, кроме желания анархистствующих мелкобуржуазных теоретиков подогнать ницшеанство под мещанский индивиду-

¹ См. Fr. Nietzsche. Cötzendämmerung, SS. 325—326.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 432.

ализм. Правда, Ницше говорит, что «государство — враг сверхчеловека», но при этом он имеет в виду не всякое государство, а государство, в котором господствует «маленький человек», «чернь», «толпа», короче — демократическое государство.

Не имеют также под собой почвы заверения нынешних ницшеанцев, что Ницше будто бы никогда не занимался специально проблемой государства, что он затрагивал ее лишь в связи с вопросами культуры и подходил к ней «не прагматически», а «идеально», в духе Платона и т. д.¹ Подобные декларации рассчитаны на то, чтобы снять с Ницше ответственность за «теоретическую» разработку этой проблемы в духе Гитлера и Розенберга.

Проблема государства занимала Ницше с первых же шагов его литературно-философской деятельности. Отправные положения для решения этой проблемы намечены им в незаконченной статье о греческом государстве, относящейся к 1871 году. Фрагменты статьи обнаруживают отпечаток дикого страха перед завтрашним днем капитализма, который наложила Парижская Коммуна на молодого Ницше и который неотступно преследовал его на протяжении всей сознательной жизни.

Ницше не строит никаких иллюзий в отношении роли и функций, осуществляемых эксплуататорским государством: «Тот, кто научился понимать общество как длящееся болезненное рождение того привилегированного культурного человека (или, сказал бы он позднее, сверхчеловека), на службе которому должно исчезнуть все остальное, — тот не будет обманут тем ложным блеском, которым наши современники окружили происхождение и значение государства». Государство, по представлению Ницше, — это «железные тиски», сплывающие массы для того, чтобы могло начаться разложение общества и образование его новой «пирамидальной надстройки». Оно создается «правовым инстинктом» сильных. Сила дает им первое право, и нет права, которое не являлось бы присвоением, узурпацией, насилием. В «сильных», пишет Ницше, природа кует суровое орудие государства — «победителя с железной рукой», которому слепо повинуются массы, не просвещенные относительно

¹ См. Н. Gerber. Nietzsche und Goethe, SS. 130—131.

того, что имеет в виду природа с ее «инстинктом государственности». Поэтому совершенно неизбежно, что люди, наделенные природой «инстинктом государственности», могут смотреть на *государство как на средство*, в то время как остальные граждане сами являются *средством государственной цели*¹.

Вопрос о государстве — один из самых сложных и запутанных буржуазными теоретиками вопросов. Свою лепту в эту путаницу вложил и Ницше. Рассматривая проблему с точки зрения формулы «воля к власти», Ницше не скрывает насильственного, паразитического характера эксплуататорского государства. Он видит свою задачу в том, чтобы извратить его классовую сущность и его историческую обусловленность определенными общественными отношениями, классовой борьбой, необходимо возникающей в обществе, жидущемся на частной собственности. Он, как известно, не признает права, не основанного на насилии. Если рассматривать право исторически, возглашает он, то оно представляет борьбу «активных и агрессивных сил» против «реактивных чувств» (то есть против сопротивления. — *С. О.*) физиологически низших типов: «большая сила ищет средств заставить стоящих под ней более слабых... положить конец бессмысленному неистовству мести»². Решающим из этих средств является государство — политическая организация, создаваемая «стадом русских хищных животных», расой завоевателей и победителей, которые, будучи организованы на военный лад и обладая силой организовать других, налагают свои страшные лапы на население, численно превосходящее их... Надобно покончить с той фантазией, — категорически заявляет Ницше, вступая в полемику с Руссо, — которая видит его (государства. — *С. О.*) начало в «договоре». Кто может приказывать, кто — «господин» от природы, у кого повелительные поступки и наружность, — зачем ему договор?»³.

Господствующий класс, напутствует Ницше нарождающуюся монополистическую буржуазию, если он не хочет жить только сегодняшним днем, должен навсегда покончить с демократизмом и либерализмом и воспи-

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. I, стр. 172—175.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 148—149.

³ См. там же, стр. 160—161.

тать в себе волю — антилиберальную, антидемократическую до ярости волю к традиции, к авторитету, к ответственности за целые столетия. Лишь из такой воли может родиться современное государство, которое положит конец «демократической разногласии в желаниях» и выкует поистине железные тиски *посредством новой господствующей над Европой касты*, — что-нибудь вроде Римской империи или российского самодержавия. Россия, по мнению Ницше, — единственная страна, имеющая будущее и умеющая ждать и обещать, прямая противоположность «жалкой нервности» европейских государств. Это самая могущественная страна в Европе, ее могущество будет возрастать и впредь, если ее не ослабит введение «парламентского идиотства»¹. Все сентенции Ницше о государстве сводятся к следующему афоризму: «Если вы слишком слабы для того, чтобы давать самим себе законы, то тиран должен наложить на вас ярмо и сказать: «повинуйтесь! скрежещите зубами, но повинуйтесь!» — и всякое добро и зло утонет в повиновении ему»².

Не таясь, во весь голос говорит Ницше, и о функциях этого «совершенного государства»: во-первых, «во-время запрягать в ярмо», «заковывать в цепи», свято блюсти иерархический порядок, подавлять, душить трудящихся и, во-вторых, лелеять и опекать господствующую аристократию, содействовать рождению и формированию сверхчеловека, орудием которого оно, собственно, и является. Для достижения этих целей государство не должно брезговать никакими средствами.

На передний план Ницше выдвигает «отважные попытки обуздания и воспитания» с помощью грубой физической силы и устрашения: полицейский террор, массовые убийства, пытки, тюрьмы и т. д. Человек массы, разглагольствует Ницше, не смеет забывать и выходить за рамки, указанные ему повелителями; он должен крепко помнить запреты и окрик «нельзя», «не позволено». Надо выжигать в его памяти эти запреты каленым железом, пока он не скажет: «больше не буду». Помните, взывает Ницше к правящему классу, что ваше сострадание распространяется только на вас, пусть ваше сердце

¹ См. Fr. Nietzsche. *Götzendämmerung*, S. 327.

² Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 26.

не знает жалости к социальной нужде, к «больным неудачникам», которые распростерты на земле кругом вас, к «ропщущим, подавляемым и мятежным рабским слоям, которые стремятся к господству, называемому свободой»¹. Убивайте всякого, кто против вас.

Не обходит Ницше и «воспитательные» функции государства. По отношению к низшей касте общества, к трудящимся эти функции заключаются в том, чтобы воспитать раба. Он определенно возмущен тем, что в условиях буржуазной демократии рабочий человек имеет какие-то, пусть даже призрачные, конституционные права и свободы, что он чувствует себя еще слишком хорошо, чтобы нескромно не требовать большего. Надежда, что из рабочего вырабатывается «скромная» порода людей, безропотно несущих свое ярмо, уничтожается. Рабочему дали коалиционное правительство, политическое право голоса. Что же удивительного, восклицает Ницше, что рабочий стал считать свое существование бедственным, несправедливым! «Если стремишься к известной цели, — ставит он точку над *i* — надо принять и нужные средства. Кто хочет иметь рабов и воспитывает их подами, — тот глупец»².

Чтобы воспитать желаемую касту людей — рабов, Ницше настоятельно рекомендует использовать такие испытанные средства духовного рабства трудящихся, как религия и основанная на ней христианская мораль, против которых он ополчается с таким ожесточением, когда речь заходит о воспитании «касты господ по природе». Ницше не видит лучших средств, чтобы «приручить», «ослабить», «лишить бодрости» человека, отнять у него мужество, парализовать его гневное возмущение против узурпации его законных прав и попирания его достоинства. «Обыденному человеку, большинству, — пишет Ницше, — которое только и живет для того, чтобы служить, быть на общую пользу и лишь постольку должно существовать, религия дает неоценимое довольство своим положением и родом... облагораживает его послушание... наводит солнечный блеск на таких всегда измученных людей и делает даже для них выносимым их собственный вид»³.

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 169—171.

² См. Fr. Nietzsche. Götzen-däm-mung, S. 329.

³ Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 84—85.

Так «изгнанный» из жизни поп снова приступает к исполнению обязанностей помощника палача, а следом за ним возвращается аскетический жрец — «чародей и укротитель хищных зверей», около которого все здоровое по необходимости становится больным, а все больное по необходимости становится прирученным. Его задача — разряжать взрывчатый материал, накапливающийся в массе угнетенных трудящихся¹. Палач, поп и проповедник аскетической морали — вот три столпа, на которых должно держаться; по мнению Ницше, государство. Но ведь это как раз и есть современное буржуазное государство в его настоящем облике и содержании, если снять с него псевдодемократическое покрывало, — диктатура финансовой олигархии, властвующей от имени «его величества капитала» и попирающей во имя этого «желтого дьявола» элементарные права и жизненные интересы трудящихся.

Итак, каждому общественному слою — свое, в зависимости от ранга и положения в социальной иерархии: трудящимся — изнурительный труд «без ропота и возмущения»; управляющим — управлять, приводить в исполнение «высший доминирующий закон» общественного порядка; законодательствующим — повелевать, регламентировать жизнь и быт всех членов общественного организма. Первым — рабская христианская мораль повиновения и послушания, вторым и третьим — «мораль господ», по которой «все позволено». В конечном итоге схема «идеального» кастового, рангового общества, планируемого Ницше, может быть представлена так: низшая каста — сословие, составляющее основание социальной пирамиды, — трудящиеся, сведенные к положению «говорящих орудий», рабов; вторая, возвышающаяся над низшей каста — «блюстители закона», «защитники порядка», воины, то есть государство с его многочисленным аппаратом — судами, армией, полицией, жандармерией и т. д., с чиновниками, попами и проповедниками, занятыми идеологической обработкой масс, — все те, кому предопределена функция «исполнительного механизма»; и третья, высшая, каста — каста «господ по природе», господствующая аристократия, законодательствующая и распоряжающаяся во всех областях жизни.

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 202—203.

Не разглагольствуя, в отличие от официальных теоретиков современной буржуазии, ни о божественной природе эксплуататорского государства, ни о его надклассовом характере и т. д., Ницше открыто полагает государство как «организованный аморалитет», имеющий свои внутренние функции в полиции и уголовном праве, в охране собственности, торговли, семьи и кастовой сословности, а внешние — в воле к власти, к войне и завоеванию¹. Государство освобождает правящий класс от обязанности и ответственности перед его гражданами. Но, чтобы оправдать произвол этого класса, использующего государство как орудие своего паразитического господства, Ницше не остается другого средства, кроме как объявить санкцию государства санкцией «естественного порядка», осуществлением космического закона «воли к власти». Так он снова возвращается к исходной точке, общей для всех буржуазных теоретиков, которые выводят происхождение и сущность государства не из реальных, исторически складывающихся общественных отношений собственности и классовой борьбы, а изображают его как силу, навязанную обществу извне и стоящую над ним.

Призыв Ницше возродить в условиях загнивающего капитализма кастовый строй отражает стремление буржуазии к реставрации феодальных и рабовладельческих форм господства, когда общество, состоящее из замкнутых сословий, еще не знало социализма. Ницше, разделявший предрассудки своего класса, не мог понять, что социализм является неизбежным результатом классовой борьбы, которую трудящиеся ведут против своих угнетателей; он исповедовал наивную веру в то, что открытая, террористическая диктатура господствующего класса сможет повернуть историю вспять. В основе этой веры лежит страх обреченных перед растущим сплочением трудящихся масс, перед их революционной активностью в создании новых, прогрессивных форм общественной жизни.

Ницше был одним из первых буржуазных теоретиков, которые сознательно выдвинули антидемократизм и аристократическую ненависть к народным массам, как плотину, сдерживающую неуправляемый поток освободи-

¹ См. Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht, S. 2.

тельного движения трудящихся с тем, чтобы открыть буржуазии дорогу к «большой политике» безнаказанного империалистического разбоя.

Идеологи фашизма, возведшие Ницше в сан «первого и совершенного антидемократа», целиком восприняли ницшеанское «учение» о социальной иерархии и тоталитарном государстве и практически осуществили его в своей диктатуре в Германии и в так называемом новом порядке, который насаждался фашистскими оккупантами в завоеванных ими странах. Человечество убедилось, что означает на деле государство, которое Ницше представил как политическую организацию «стада русских хищных животных». Растоптав остатки демократических свобод внутри страны, фашизм использовал затем государство как средство развязывания небывалой по размерам и по жестокости войны за мировое господство с целью превратить народы мира в рабочий скот расы «завоевателей и победителей». Ныне на этот путь становятся американско-английские претенденты на «руководство миром».

Уничтожение демократических свобод и институтов, провозглашение «естественного» неравенства людей и социальных групп — таково первое требование для утверждения открытой диктатуры финансовой олигархии, которое вслед за Ницше выдвигают многие теоретики, состоящие на службе капиталистических монополий, безудержно восхваляя при этом «проницательность» своего предшественника, поднявшего, по выражению немецкого экзистенциалиста Альфреда Вебера, проблему «страха перед восстанием масс и перед демократией».

Сошлемся прежде всего на немецких экзистенциалистов, философия которых послужила одним из мостов, ведущих от Ницше к Гитлеру.

Социологические воззрения экзистенциализма основываются на универсальном законе «полярности бытия», выступающем в обществе в качестве «аристократического принципа общественной структуры». Карл Ясперс, сформулировавший этот принцип, посвятил его обоснованию солидную книжку с невинным заглавием — «Идея университета», в которой дается «новая» аргументация старой реакционной теории о «врожденном» неравенстве людей и приводятся обширные доводы в пользу социальной иерархии, неотъемлемого права немно-

гих избранных повелевать «человеческой массой». Не желая, однако, делать ставку на неоднократно битую карту — на биологический аристократизм, опороженный фашистскими идеологами, Ясперс выдвинул принцип духовного аристократизма, родословная которого идет от Платона.

Отправляясь от «наличного общественного бытия», которое будто бы немислимо без неминуемого различия материальных благ и различия «нижних и верхних слоев», Ясперс выдвигает как идеал такое общественное устройство, когда «иерархия общественного порядка совпадает с иерархией личного ранга и одаренности»¹. Адресуя свое философское кредо к «отдельной духовной индивидуальности», то есть к избранным, Ясперс решительно отказывается абсолютному большинству людей в духовных способностях, наделяет их лишь «свойствами и качествами» и направляет свои усилия к тому, чтобы путем соответствующего воспитания выделить «духовного человека» из массы и поставить его над ней. Путем «психологического анализа духовных индивидуальностей» он выделяет четыре типа «врожденных» духовных способностей и утверждает, что только высший тип духовно одаренных личностей — людей, способных, по его определению, к творчеству, гениев, стоящих «вне ряда объективных суждений», — является создателем культурных ценностей и, как таковой, творцом общественных отношений. При этом он ссылается на историю, умышленно подтасовывая факты и выводы. Общеизвестно, что в эксплуататорском обществе, преграждающем трудящимся доступ к культуре и образованию, так называемая духовная аристократия выходит из среды экономически и политически господствующих классов. Из этого факта Ясперс делает вывод о том, что «духовно одаренные» личности, как правило, стоят выше и в социальной иерархии, образуют ее «пирамидальную надстройку»².

Экзистенциалистский принцип духовной иерархии (кстати говоря, он даже в деталях напоминает подобные теории, проповедываемые Бергсоном, Тоинби и другими современными панегиристами духовной аристократии)

¹ K. Jaspers. Die Idee der Universität, S. 97.

² См. там же, стр. 98—99.

отдает тем же зоологическим антидемократизмом, которым отмечены нищенство и фашизм. «Потенциальный аристократ духа» в процессе своего воспитания и формирования должен выработать в себе чувство кастовой общности «избранных» и полярности «духу массы». Он «должен чувствовать ответственность, — поучает Ясперс, — что не будет препятствием для немногих лучших и помощником средне и низко стоящих»¹. Таким образом, духовная аристократия, сплоченная общностью кастовых интересов и ненавистью к народным массам, превращается экзистенциалистами в касту правящих и законодательствующих, которая открыто попирает элементарные права и человеческое достоинство трудящихся, низводящих до положения слепых, иррациональных орудий в современной технике, до положения рабов, покорствующих «творческой воле духовных аристократов».

Воодушевившись «учением» о «полярности бытия», Ясперс вступает в бой за... «западную свободу».

Что же такое на самом деле представляет собой та хваленая свобода, за которую ратует Ясперс? На чем она зиждется? Оказывается, на божественной вере в авторитет, на осознании каждым индивидуумом своего ранга и места в кастовом общественном строе. «Свобода, — вещает Ясперс, — получает свое выражение только через авторитет, за которым она следует», и обязательно предполагает «сознание ранга», с которым «связывается» человек. Источники авторитета божественны, трансцендентны, а вера в авторитет подобна вере в бога: она есть нечто «таинственное и необъяснимое», «врожденное, переданное по наследству достояние (das Erbgut)». «Мы хотим авторитета, — заявляет Ясперс далее, — ибо... никакая свобода сама по себе недостаточна... ее следует искать в авторитете». Но, горестно признается он, люди притязают «понять божественную истину» авторитета, то есть, проще говоря, желают разобраться в его источниках, и отвергают «божественное» руководство как «аристократии силы», так и «аристократии духа». В этом Ясперс видит (и не без оснований!) угрозу всему тому, что составляет основу и содержание теоретически охраняемого им «западного мира»², и он

¹ См. K. Jaspers. Die Idee der Universität, S. 193.

² См. K. Jaspers. Freiheit und Autorität. Basel, 1951, SS. 6, 14, 20,

топит свободу в сильной, авторитетной власти, которая внушала бы «божественный» страх и трепет трудящимся массам, восстающим против капиталистического порабощения.

Кастовый общественный порядок, построенный на принципе духовного аристократизма, по своей природе ничем не отличается от рангового общественного порядка, основанного на биологическом принципе воли к власти. Различие этих «теорий» чисто формальное: экзистенциалисты лишь вывертывают наизнанку ницшевское учение об иерархии.

По Ницше, высшую общественную касту составляют индивиды, наделенные превосходящим инстинктом воли к власти, который автоматически превращает их в творцов и законодателей социальной и духовной жизни. Экзистенциалисты начинают с конца: они выделяют духовных аристократов в качестве единственных создателей культурных ценностей, наделяют их функциями творцов социальной жизни, воплощают в них волю к власти и затем возводят в высшую касту, призванную господствовать и повелевать. Следовательно, если аристократия у Ницше творит и создает в силу инстинкта воли к власти, то у экзистенциалистов аристократия правит и господствует благодаря врожденным способностям творить и созидать. К этому следует прибавить, что и аристократия силы, и аристократия духа в конечном итоге совпадает с имущественным положением правящего класса, что она правит и господствует, творит и созидает благодаря своим политическим привилегиям и нагребленному богатству, о чем Ницше и экзистенциалисты предпочитают молчать.

Тяготение к увековечиванию социальной иерархии является отличительным признаком для всех разновидностей элитизма. Элитизм есть ответ реакционной социологии на идею общественного прогресса, предполагающего исторически обусловленное расширение социального равенства. Разговорами о «естественном» неравенстве людей, сословий, рас и т. д. и о вытекающей отсюда необходимости социальной иерархии для всякого «здорового» социального организма теоретики империалистической буржуазии пытаются укрепить неустойчивый баланс буржуазного общества. Любое покушение на социальную иерархию они спешат представить как разруше-

ние самого общества, отождествляя при этом общество с капитализмом, а себя — и с тем, и с другим. И, конечно, нет ничего удивительного в том, что избранный общественный слой, элита, завершающая иерархическую лестницу, рекрутируются ими преимущественно из «интеллектуальной аристократии»: империалистическая буржуазия как правящий класс давно разоблачила себя, и они должны прикрыть фактическое господство финансовой олигархии воображаемым господством «олигархов духа».

Защита кастового общественного строя и государства, стоящего на страже его, необходимо выливается в критику демократии, в лобовое нападение на социализм. Суть этой критики и этих атак помогут уяснить откровенные, в духе Ницше, признания Дж. Сантаяны, рассматривающего демократию как «уродливый современный мир для уродливой вещи», как образ правления, при котором власть осуществляется «некомпетентным пролетариатом». Демократия, говорит он, есть господство посредственности, «социалистического большинства», стремящегося «организовать, уравнять и обучить всех, делая их единодушными». Сантаяна понимает, что демократия, даже в ее самой примитивной, буржуазной форме, помогает трудящимся организовать свои силы, обучает их политической борьбе, укрепляет их единодушие в этой борьбе и, следовательно, представляет определенную опасность для буржуазии. Поэтому он и призывает расквитаться с демократией и передать бразды правления в буржуазном обществе непосредственно тем, кто, по его представлениям, «рожден или приговорен» осуществлять государственную власть. Простые, трудящиеся люди, «чей труд делает их хозяевами только дневной или недельной заработной платы, — пишет Сантаяна, — подобны рабам, обладающим свободой бродяжничать без какого-либо пристанища или уверенности найти работу»¹. Социальным идеалом Сантаяны является патриархальное рабство с несентиментальным монархом во главе, который, подобно отцу в семье, может направлять интересы своих подданных и судить об их потребностях лучше, чем они сами. Стоит лишь отбросить выставляемое Сантаяной напоказ попечительство рабовладельца

¹ G. Santayana. Dominations and Powers, p. 380.

об интересах рабов — и его трудно будет отличить от Ницше.

Защитники социальной иерархии отправляются от того же «краеугольного» положения, что и Ницше: большинство людей есть люди-животные, поэтому демократия, основанная на управлении людей-животных, стоит ниже тимократии или теократии, осуществляемых людьми «высшей породы». «Массы, — клеветает на человечество французский экзистенциалист Габриэль Марсель, — существуют и развиваются только вне той сферы, где возможны разум и любовь, потому что массы представляют собой деградирующее человечество... Не будем стараться убеждать себя, будто просвещение масс возможно... Только один индивид, или, точнее, личность, поддается просвещению. Вне этого остается место лишь для дрессировки»¹. Все эти оскорбительные для чувства человеческого достоинства выпады против народных масс, эта циничная мизантропия, возведенная в степень высшей добродетели, со времени Ницше стали решающим аргументом в пользу социальной иерархии, против демократизма вообще, против подлинной, социалистической демократии (в условиях которой народ обретает не призрачную, а действительную свободу, не мнимое, а фактическое равенство) в особенности.

За рассуждениями о «неполноценности масс», об их неспособности решать собственные судьбы, управлять государством и т. д., лежащими в основе критики демократии, критики справа, сопровождаемой защитой сильного тоталитарного государства, скрывается тот же страх и растерянность перед бурным ростом активности трудящихся масс в общественной жизни, которые породили человеконенавистническую философию Ницше, то же стремление любыми средствами ограничить решающее влияние народа на ход и исход событий или, по крайней мере, свести его до минимума. В современных условиях объективно невозможно не считаться с волей народов, но теоретики гибнущего класса отворачиваются

¹ G. Marcel. Les hommes contre l'humain. Paris, 1951, p. 13. Следует отметить, что Г. Марсель сознательно берет в основу своих рассуждений и выводов тезис Ницше об ущербности, «агонии» современного человека и рассматривает все проблемы с точки зрения ницшевской теории «ценностей» (см. там же, стр. 17—18).

от реальной действительности, от нового соотношения сил в мировой политике и, тщательно обходя те катастрофические последствия, к которым приводит любое утверждение открытой диктатуры финансовой олигархии, например фашизма, продолжают цепляться за ницшеанские догмы.

Правда, модное в буржуазной литературе словечко «масса» постепенно вытесняет термины «стадо», «чернь», «рабы» и т. д., столь характерные для Ницше. Но подобная игра в словечки не меняет сути отношений реакционных буржуазных социологов к народу, хотя они частенько льют крокодиловы слезы об участи «непросвещенной, неразумной массы». Масса, то есть трудящиеся, те здоровые силы народа, которые капитал приковал к своим машинам, непосредственные производители материальных благ, подлинные творцы истории, разрывающие сковывающие их цепи, — масса для теперешних идеологов буржуазии по-прежнему остается «расой деградирующих наемных рабов», нуждающихся в руководстве и дрессировке. Следовательно, ее надо держать в железных тисках. Отсюда требование: долой демократию, да здравствует железная диктатура современных рабовладельцев.

Конечно, противники демократии тщательно обходят настоящие причины банкротства буржуазного демократизма, говорят о кризисе демократии вообще, о невозможности осуществления системы свободного народного представительства, указывая при этом не на классовую природу буржуазного парламентаризма, а на вымышленные ими психологические и технические трудности.

В качестве примера возьмем рассуждения на эту тему Мориса Джинсберга. Внутри каждой организации, пишет он, заложена тенденция к олигархии. Некомпетентность масс и их апатия, жажда власти и господства со стороны лидеров — это факторы, создающие олигархию во всех демократических обществах. Массы, психологически подверженные магии слов, становятся жертвой высокоразвитой машины для обработки общественного мнения. Лидеры в свою очередь отрываются от масс, перерождаются и переходят во вражеский лагерь. Решать сложные вопросы современной политики коллективным путем невозможно также технически. Система представительного управления практически мало состо-

тельна, так как она призвана представлять всех и во всем, а в результате не представляет никого и ни в чем. Управление через парламент стало недейственным. Даже в наиболее демократических странах реальная власть сосредоточивается в руках весьма незначительной группы людей¹.

Поскольку демократия психологически и технически не осуществима, значит, ее нужно отбросить. Говорить о том, что общество может функционировать без элиты, заявляет американский социолог Г. Мэджид; полезно лишь в вежливых разговорах, то есть в политической болтовне, но историческое исследование показывает, что то, что происходило с появлением демократии, было изменением состава, пополнения, стабильности элиты, а не ее уничтожением. Мэджид настойчиво подчеркивает, что демократия всегда была иллюзорной, что она практически не осуществима, что общество необходимо предполагает социальную иерархию с господством привилегированной элиты над массой трудящихся. Вслед за Платоном и Ницше он делит общество на три касты, устанавливая для каждой из них определенную систему воспитания².

Враги демократии часто ратуют против демократии во имя свободы, той самой пресловутой заповедной свободы, которая держится на насилии над человеческой личностью. Демократизм опровергается ими на том основании, что широкое участие масс в общественной жизни якобы приводит к ликвидации индивидуальной свободы, подавлению творческих способностей выдающихся личностей, господству необразованной массы над лучшими представителями человеческого рода. Если отбросить покров стыдливости, которым драпируется подобная критика демократии, то народовластие, по признанию французского литератора и философа А. Жюссена, означает диктатуру «коллективного безумия большинства» над избранным меньшинством: рабочих — над капиталистами, крестьян — над помещиками, народа — над духовенством и знатью, «грубого животного просто-

¹ См. M. Ginsberg. *The Psychology of Society*, pp. 161—163.

² См. H. Magid. *An Approach to the Nature of Political Philosophy* — в журнале: „*Journal of Philosophy*“, № 2, 1955, pp. 29—42.

народья — над воспитанной элитой»¹. Стало быть, чем больше демократических прав предоставлено народу, чем шире осуществляется демократия, тем меньше индивидуальной свободы в обществе, тем деспотичнее оно по отношению к своим членам. Подлинное народовластие, которое становится возможным лишь после свержения капитализма, в условиях социалистической демократии, с помощью подобных манипуляций легко превращается в тиранию и тоталитаризм, а фашизм — террористическая диктатура самых реакционных кругов империалистической буржуазии — в подлинную свободу.

«Передать большое дело империализма в руки не-сентиментальной власти», сохранить и укрепить капитализм, ликвидировав остатки демократических свобод, исключив массы из политической жизни, возродив на новой основе кастовый строй эпохи феодализма и рабства, — таков истинный смысл реакционной критики демократизма.

Буржуазная демократия родилась в борьбе третьего сословия против сословно-кастовой организации феодального общества. Буржуазия подняла знамя демократических свобод, чтобы снискать себе поддержку народных масс, на плечах которых она продвигалась к политическому господству. Придя к власти, она уже не могла рассчитывать на поддержку народа, и поэтому ее первым самостоятельным политическим актом было покушение на демократические завоевания масс, союз с феодальной реакцией против угрозы народоуправия. «Капитализм вообще и империализм в особенности, — писал В. И. Ленин, — превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами»².

Империалистическая буржуазия все больше утрачивает свое влияние в массах и ныне уже не может положиться на демократические общественные институты и представительные учреждения. Свое спасение она видит

¹ См. А. J o u s s a i n. La loi des révolutions. Paris, 1950, pp. 216, 218.

² В. И. Л е н и н. Соч., т. 23, стр. 13.

теперь в сильном авторитарном государстве, которое, как ей кажется, может не только остановить дальнейший процесс демократизации общественной жизни, но и подавить демократические стремления трудящихся. С другой же стороны, трудящиеся во главе с пролетариатом воспитываются в борьбе за демократию, используют демократические свободы и представительные учреждения для расширения фронта борьбы за социализм. Пробуждение и рост социалистического движения неразрывно связаны с ростом демократического отпора империалистической политике ликвидации демократизма. Если демократия (конечно, в урезанном виде) еще существует во многих буржуазных странах, то это отнюдь не заслуга буржуазии; она существует вопреки ее желаниям, как результат стойкости и твердости трудящихся в защите своих жизненных интересов. В этом как раз и заключен секрет критики демократии справа, начатой Ницше и продолжаемой теперешними реакционными социологами.

Критикой демократизма вообще эти социологи пытаются бросить тень на социалистическую демократию. Социализм неосуществим иначе, как через диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против эксплуататоров с полным развитием демократии, с действительно революционным и действительно всеобщим участием всей массы народа во всех сферах общественной и государственной жизни. Буржуазные теоретики, страшая наивных в политике людей словечками «диктатура», «тоталитаризм» и т. д., пытаются представить социалистическую демократию как общественное устройство, подавляющее личную свободу и инициативу граждан, низводящее их к какому-то среднему уровню. Эти басни и клевета опровергаются при первом же соприкосновении с реальной действительностью. История человечества еще не знала такого небывалого расцвета личной инициативы, творческой активности и самодеятельности трудящихся масс, как при социализме. Социалистическое общество дает безграничный простор развитию способностей человека, его энергии и талантов, которые мнет и душит капитализм. В этом источник гигантских успехов социалистических стран в экономическом и культурном строительстве, источник силы и могущества всего лагеря социализма.

РАСИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ

Начиная на пороге империализма идеологическое перевооружение, отбирая из идейного арсенала прошлых эпох наиболее реакционные философские и общественно-политические теории, буржуазия не только сохранила расизм в качестве своего теоретического оружия, но и возвела его в основной принцип оправдания социального неравенства и своего господства над побежденными народами и нациями. Редко можно встретить теоретического приверженца империализма, подвизающегося в области социологии, который так или иначе, прямо или косвенно, не проповедовал бы расистских идей. Ницше, конечно, не представляет исключения: социальная философия, опирающаяся на мнимо-биологический базис, не может не отдавать расизмом. Более того, понятие «раса» является для Ницше отмычкой для решения всех проблем общественного бытия и общественного сознания; история человечества превращается им в миф об извечной борьбе двух рас — «расы господ» и «расы рабов», двух биологически и физиологически обусловленных социальных типов — «сильных» и «слабых». При этом Ницше, как обычно, не утруждает себя научной аргументацией; он изрекает «истины», которые следует принимать на веру.

Служебное назначение расистских теорий не нуждается в доказательствах. Они антинаучны, мистичны в своей основе, но порождены совсем не мистическими причинами, а определенными интересами эксплуататорских классов, которые издавна использовали расизм для упрочения своего господства, для освящения проводимой ими политики грабежа, порабощения и истребления других народов, угнетения и эксплуатации трудящихся своих стран. Представление о якобы естественном неравенстве людей и о биологической обусловленности социальных процессов призвано выполнить роль громоотвода — отвести молнию народного гнева от действительных причин социальной несправедливости. Игнорируя специфику развития человеческого общества, подменяя общественные закономерности биологической мистикой, проповедники расизма стремятся доказать, что мир был и будет разделен на низшие и высшие расы, из которых первые не способны к активному историческому творчеству

и обречены на безвыходное рабство, а вторые наделены признаками творцов материальной и духовной культуры и призваны быть господами первых, и никто не может отбросить эти «вечные и неизменные законы» самой жизни.

Отцом современного расизма считается Жозеф Гобино, опубликовавший в 1855 году книгу «Опыт о неравенстве человеческих рас». Французский граф первым провозгласил превосходство арийской расы, заявив, что нынешняя германская раса является высшей человеческой породой, и завоевал тем самым особое расположение всех поколений немецких расистов. Вместе с тем Гобино установил иерархию и внутри каждого народа одной расы. К высшей расе он отнес правящую аристократию, к низшей — трудящихся. В дальнейшем расизм тесно переплетается с мальтузианством, социал-дарвинизмом и другими направлениями буржуазной социологии, спекулирующими на достижениях биологической науки.

Раса — не социальная, а биологическая категория, не имеющая никакого отношения к общественной жизни людей. Расы как биологические группы людей, сложившиеся на ранних ступенях развития человеческого общества, ныне нигде не существуют в чистом виде. С развитием человека, с ликвидацией изоляции и разобщенности между отдельными группами расовые различия все больше и больше стираются. Учение о расах и расовых особенностях, определяющих общественную жизнь, быт, нравы, культуру, психологию того или иного народа, есть прикрытая псевдонаучной оболочкой ложь, вымышленная в угоду господствующим эксплуататорским классам.

Усиление и углубление национального гнета, захватнические войны за передел уже поделенного мира, борьба империалистических хищников за мировое господство, обострение противоречий буржуазного общества — все эти факторы, вместе взятые, предопределяют широкий, невиданный размах расизма в империалистических странах. Прежние расистские измышления поднимаются на щит, видоизменяются, приспособляются к новым условиям. Если раньше идеологи буржуазии ограничивали проповедь расизма преимущественно теориями превосходства белой расы над цветными расами, то теперь этого стало недостаточно. Империалистической буржуазии потребо-

вались теории, оправдывающие ее политику покорения не только цветных, но и белых народов, ее претензии на мировую гегемонию. Так является на свет наукообразная ложь о превосходстве то германской, то англосаксонской, то иной расы, призванной осуществлять контроль над судьбами мира, — ложь, навязываемая народам в качестве неопровержимой истины. Правящие классы высоко ценят эту ложь и щедро поощряют ее проповедников. «Я весьма хорошо знаю, — говорил Адольф Гитлер, — что в научном смысле не существует ничего подобного расам. Я как политик нуждаюсь в концепции, которая дает возможность опровергнуть прежние исторические основы и поставить на их место совершенно новый, антиисторический порядок и дать ему интеллектуальный базис»¹. Ницше и другие идеологи империалистической буржуазии понимают потребности своего класса и фабрикуют концепции, в которых он нуждается для осуществления своей преступной политики.

Будучи эклектиком, Ницше заимствует элементы своей расовой теории из самых различных источников. Платон и Аристотель, Гобино и социал-дарвинизм мирно уживаются в рамках одной концепции, возведенной в степень космического закона. Собрав все в кучу, он придает своей теории кажущуюся оригинальность, втискивая ее в формулу «воля к власти». В зависимости от воли к власти, которой наделен индивид, Ницше делит человечество на две качественно и количественно неравные группы — на «сильных» и «слабых», объявляя первых «расой господ», а вторых «расой рабов». Здесь чувствуется несколько иной подход к «проблеме» расы, чем, скажем, у Гобино. Гобино выдвигает на передний край расовые различия в соответствии с этнической принадлежностью индивида, фальсифицируя прежде всего научное понятие нации, и лишь после этого расщепляет нацию на две расы, искажая принцип классового деления общества; Ницше же начинает свою теорию с фальсификации научного представления о классах, а затем уже переносит расовое деление вовне, за пределы нации. Это различие не носит принципиального характера, но его важно подчеркнуть, так как оно облегчает Ницше переход от национализма к космополитизму.

¹ Цит. по сборнику: O. Grotewohl. Deutsche Kulturpolitik, S. 9.

В основе деления человечества на две расы, по Ницше, лежит врожденный, передаваемый по наследству инстинкт воли к власти: у «расы господ» — инстинкт к господству, у «расы рабов» — инстинкт к повиновению. Инстинкт к господству автоматически обеспечивает знатность, благородство и аристократизм рода, возвышает наделенные им избранные индивиды над человеческой массой, придает им поступь и осанку «господ по природе», обособливает их в замкнутую группировку — расу, стоящую вне официального законодательства и общепринятой морали, расу, имеющую в своей основе «могучие физиологические страсти, цветущее, богатое, клоко-чущее через край здоровье и то, чем оно обуславливается, — войну, приключения, охоту, танцы, воинские игры и вообще все сильное, свободное, веселое»¹. Человек благородной расы презирает общество, стоящее ниже него; он чувствует себя определяющим ценности. Ему не нужно одобрение, он сам судит о том, что вредно и что полезно; он ничего не признает, кроме чувства полноты власти, счастья высокого напряжения, сознания своего богатства².

Слабая воля к власти, проявляющаяся как инстинкт подчинения, создает людей другой, низшей расы — бес- сильных, слабовольных, пассивных, придавленных, угне- тенных, предназначенных самой природой к повинове- нию и подневольному труду. Люди этой расы, под кото- рыми Ницше понимает трудящихся, являются прямыми «потомками европейского и неевропейского рабства», «слепыми орудиями культуры», материалом для творче- ства, объектом эксплуатации. Недостаток воли к власти обрекает их на вечное рабство, нищету, болезни, выми- рание, порождает в них жажду мести, зависть к предста- вителям высшей расы, чувство «стадности», сострадания и любви к себе подобным и прочие «рабские» доб- родетели. Для их характеристики Ницше не жалеет ос- корбительных эпитетов, но язык рабовладельца, на ко- торый он переходит в таких случаях, выдает страх перед сплоченностью и организованностью народных масс, пе- ред их численным и умственным превосходством, перед их несгибаемой волей к борьбе и победе.

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. IX, стр. 112.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 223.

Слово «раса» Ницше нередко заменяет понятием «класс», подчеркивая тем самым не только классовый характер своей расовой теории, но и недвусмысленное стремление оправдать классовое деление общества «голосом крови», наследуемыми из поколения в поколение физиологическими и психическими свойствами и признаками, отличающими и выделяющими людей различных рас. Расовая, или, что по Ницше одно и то же, классовая, принадлежность определяет также и имущественное положение людей. Индивиды, наделенные инстинктом к господству, обретают имущественное богатство, используя свое господство, — путем эксплуатации, принуждения и насилия, не принимая личного участия в общественно полезном труде; представители низшей расы, наоборот, призваны непосредственно создавать материальные блага, но они не могут пользоваться плодами своего труда, так как сильный, грабящий слабого, всегда прав. Таково будто бы «естественное» разделение функций между высшей и низшей расами.

Богатство в свою очередь есть обязательное условие возвышения сильной расы, сохранения ее чистоты и устойчивости. «Богатство, — говорит Ницше, — необходимо создает аристократию расы, ибо оно доставляет возможность выбирать самых красивых женщин, оплачивать лучших учителей, оно дает человеку чистоту, время для физических упражнений и прежде всего избавляет его от оупляющего физического труда. В этом смысле оно создает все условия для возможности через несколько поколений научиться благородно и красиво выступать и даже действовать... Совсем бедный человек губит себя обыкновенно благородным образом мыслей; он не подвигается вперед и ничего не зарабатывает, его раса нежизнеспособна»¹. Правда, Ницше выступает против чрезмерного богатства, но это лишь апелляция к интеллигенции, которую он призывает на выручку империализму.

Аргументация Ницше, как всегда, примитивна, но из нее извлекаются крайне реакционные практические выводы, которые впоследствии широко использовал германский фашизм. Здесь речь идет прежде всего о призыве Ницше к правящему классу любыми методами охра-

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 278.

нять и оберегать чистоту «своей» расы и о средствах, предлагаемых для этих целей.

Ницше понимает, что «повседневный опыт», история человечества, противоречит расистским измышлениям, но он, признавая этот бесспорный факт, не может с ним согласиться: ведь иначе «проблема расы» теряет смысл. Вопреки «повседневному опыту» он продолжает бездоказательно утверждать, что «отвратительная невоздержанность, мелкая завистливость, грубая хвастливость», якобы присущие простому народу, необходимо переходят к детям, как испорченная кровь. Наследственность невозможно изменить, ее можно лишь замаскировать¹. Народ, наделенный такими моральными качествами, существует лишь в воспаленном аристократическом воображении, которое, однако, подчинено определенным реальным целям: попытаться доказать, что простой человек — это физиологический неудачник, восстающий, по присущей ему «невоздержанности», «завистливости» и т. д., против «здоровых» основ жизни, заложенных в «высших расах», и что, если он забывает о своем призвании, перестает повиноваться последним, его следует уничтожать.

Поборник «чистоты крови», Ницше, безусловно, выступает против смешения рас и классов, видя в этом главную опасность для правящей аристократии. Смешение аристократической крови с кровью простонародья вызывает, по его мнению, самое пагубное для «высшей расы» заболевание — паралич воли. Смешение в одном индивидууме инстинкта господства и инстинкта подчинения ведет к снижению человеческого типа, к обезличиванию и нивелировке личности, к ослаблению «пафоса дистанции», на котором зиждется «здоровый» общественный организм, к гибели аристократической породы и, наконец, к полному распаду всех общественных связей. В этом, по Ницше, кроется первопричина появления и распространения в современной Европе демократических и социалистических идей, повального увлечения проповедью всеобщего равенства, от которого было свободно, например, древнегреческое и древнеиндийское общество, где «высшие расы» тщательно оберегали чистоту своей крови, охраняли расовые и кастовые барьеры.

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 234—235.

Известной породе человека (народу, расе), заключает он свой «анализ», наступает конец, как только она начинает проявлять расовую терпимость, признавать за другими равные права и перестает стремиться к господству¹.

Это предостережение Ницше адресует тогдашнему правящему классу, который, как известно, не мог похвастаться знатностью происхождения. Процесс образования буржуазной финансовой аристократии начинается лишь с переходом к империализму. Ницше вменяет себе в обязанность содействовать этому процессу, ускорить его, подчинив известной дисциплине и правилам, указать пути и методы формирования «высшей расы» современного общества.

Ницше хорошо знает, что чистых рас не существует, что есть лишь расы, сделавшиеся «чистыми» путем длительного отбора и воспитания, или, как говорит он, путем «бесчисленных прилаживаний, усвоений и выделений»², то есть расы, обособившиеся из массы народа, расы-касты. Подобное обособление происходит в каждом правящем классе по мере укрепления его власти и специализации на «избранных функциях» — на функциях управления и законодательства. «Всюду, где приказание входит в занятие дня (как в мире крупной торговли и промышленности), — замечает он, — возникает нечто подобное породистым расам, но таким типам недостает благородной осанки»³. Как же ее приобрести? Как привить современному буржуа черты благородства, аристократическую поступь и осанку, отличающую «господ по природе»? Придавая большое значение мерам воспитания и образования, Ницше концентрирует свое внимание на браках и приходит к необходимости искусственного отбора. Брак, по его представлению, есть лучшее, радикальнейшее средство для улучшения породы и выведения «чистой» расы. Так поступали в прошлом все знатные роды. Молодые отпрыски этих родов вступали в брак уже «опытные в делах любви и заботились больше о представительстве своего рода, чем о самих себе».

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 144.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 143.

³ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 255.

По этим образцам Ницше советует приступить к очищению расы, к воссозданию новой аристократии. «Надобно удовлетворять страсть так, — рекомендует он, — чтобы от этого не страдала раса, то есть так, чтобы вовсе не было выбора и чтобы все только спаривалось и все рождало детей. Вымирание известного сорта людей так же желательно, как и продолжение рода других... Жениться следует только для того, 1) чтобы достигнуть с помощью этого высшего развития; 2) чтобы оставить потомству плоды своей человечности. Вне этих случаев следует удовлетворяться конкубинатом и не оставлять потомства... Браки должны быть реже! Проойдитесь по большим городам и спросите себя, следует ли этим людям оставлять после себя потомство?! К проституции нечего относиться сентиментально... Улучшению расы можно приносить жертвы...»¹.

Цитата смахивает на выписку из инструкции о разведении животных, но она полнее, чем пространные трактаты «ученых» расистов, раскрывает тайну расизма вообще, его ницшеанской разновидности в особенности. Из нее, во-первых, следует, что носителем мифической чистоты расы всегда является господствующий класс, в нем, в силу благоприятных условий его существования, концентрируются наиболее «здоровые и жизнеспособные» элементы расы, и поэтому за ним должно быть закреплено монопольное право на размножение «высших» экземпляров человеческой породы. Во-вторых, масса народа, трудящиеся, обреченные в эксплуататорском обществе на изнурительный труд, нищету, голод и преждевременную старость, скопом зачисляются в категорию людей второго сорта, людей с «испорченной» кровью и «дурной» наследственностью; ответственность за их бедственное положение целиком переносится с реальных социальных условий на их якобы физиологическую неполноценность; браки и деторождение среди низших классов рекомендуется ограничивать до минимума, необходимого для воспроизводства потребной в каждый данный момент рабочей силы, что сверх того — подлежит истреблению; в «утешение» трудящимся следует всячески поощрять проституцию и дома терпимости. В-третьих, путем искусственного отбора «лучших»

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 319—320.

индивидов (под которыми молчаливо подразумеваются сынки и дочери эксплуататорских классов), ограничения деторождения среди низших классов, усиления эксплуатации и дальнейшего ухудшения жизненных условий трудящихся, регламентации всей их жизни по древнегреческим и древнеримским образцам Ницше пытается открыть соблазнительную для нарождающейся финансовой аристократии перспективу достижения такого идеального общественного устройства, где бесчисленное количество «слабых» индивидов приносится в жертву немногим «избранным», где целые народы образуют материал для создания отдельных «ценных» индивидов, олицетворяющих «чистоту» расы, и безропотно повинуются их воле и власти; устройства, которое позволит не только сохранить эти «избранные» индивиды, но искусственно выращивать, воспитывать их. Таким образом, Ницше хочет превратить человечество, как справедливо заметил его воспитанник О. Шпенглер, в своеобразный конский завод¹. С этим замечанием нельзя не согласиться. К нему лишь следует прибавить, что это не есть только вывод Заратустры; это — вывод, вытекающий из любой последовательно проводимой расистской теории, вывод, который практически осуществляет современный фашизм — немецкий, испанский, американский, независимо от его национальной окраски.

От этого вывода как раз и хотят отвести читателя теперешние защитники Ницше, когда они замалчивают его махровый расизм или напрямик отрицают его причастность к великогерманскому шовинизму, особенно в его фашистской разновидности. Вот что, например, пишет по этому поводу Ганс Трупплер: Ницше, противник политики насилия, проводимой Бисмарком, покинул Германию, ибо он не любил «прусский дух». Расовые идеи Ницше считал ложной иллюзией и активно боролся против этой лжи. Национал-социализм извратил Ницше, искусственно привязав собственную идею о превосходстве германской расы к учению Ницше о морали господ, так же неправильно понятому и истолкованному, как и другие ницшевские идеи, заимствованные фа-

¹ См. О. Шпенглер. Закат Европы, т. I, стр. 397.

шизмом¹. В доказательство Трумплер не может привести ни единого слова, ибо доказать это невозможно.

Расизм и шовинизм неразрывны. Между тем некоторые писавшие о Ницше советские авторы, подвергая критике ницшевские расистские теориейки, почему-то ставят Ницше в заслугу то, что он будто бы не был «узким националистом» и не страдал «зоологическим шовинизмом»². Это не совсем так. Известно, что Ницше не жалел поэтической палитры для возвышения над другими народами «белокурой бестии» арийского происхождения, для доказательства «превосходства» северной арийской расы над людьми других рас и полностью разделял предрассудки об особенностях «германского духа», о предопределении немцев повелевать будущими судьбами Европы, о «великой Германии», «стоящей во главе Соединенных Штатов Европы», и т. д.³.

Уже в 90-х годах прошлого века эти ницшеанские идеи были подхвачены и использованы пангерманистами для разжигания шовинистических настроений среди немецкого народа, а после первой мировой войны включены в расистский арсенал фашизма. Боймлер и Розенберг были недалеко от истины, призывая немцев следовать «духу Ницше», если Германия хочет стать победительницей и руководительницей Европы. Правда, идеологам фашизма потребовалось кое-где подчищать и подновлять Ницше, фальсифицировать его некоторые, далеко не лестные отзывы о тогдашней немецкой буржуазии, о несоответствии между ее притязаниями и возможностями их осуществления, о ее «моральном бессилии» и неспособности к «большой политике», извиняться по поводу его симпатий к французской буржуазной культуре и т. д., но не подлежит сомнению, что Ницше действовал в интересах «истинно немецкого духа» — в интересах разбойничьего германского капитализма, выходившего тогда на «большую дорогу» колониальных захватов и империалистического грабежа.

¹ Н. Trumpler. Der Kampf um die Seele der Menschen, S. 35.

² См. Б. Бернадинер. Философия Ницше и фашизм; Б. Быховский. Фельдфебели в Вольтерах.

³ См., например, Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 189—191, 195—198.

Следует иметь в виду, что Ницше критиковал немецкую буржуазию, немецкую философию и современный ему «немецкий дух» справа. Он считал политику немецкой буржуазии, провозглашенную и проводимую Бисмарком, слишком мелкой, уступчивой и вялой, усыпляющей «героический и мужественный дух древних германцев», ослабляющей инстинкт господства; он не мог простить философам-гуманистам их прогрессивных идей, отвращающих немцев от тевтонского варварства, и всю жизнь страстно воевал за возрождение тех «моральных оценок», которые господствовали среди древних германских племен.

Современной Германии, печалится Ницше, до сих пор не хватало мужественных натур в «немецком духе», благодаря которому Европа пробудилась от своей «догматической дремоты». Ей недоставало того немецкого скептицизма, «который, в качестве продолженного и возведенного до высшей духовности фридрихианства (под фридрихианством Ницше разумеет «гений войны и завоевания», олицетворенный в Фридрихе Великом. — С. О.), держал Европу долгое время под властью немецкого духа» и который ныне возрождается вновь в «неустранимости взгляда», в «смелости и твердости разлагающей руки», в «твердости воли», в «опасных путешествиях ради открытий», в «одухотворенных экспедициях к Северному полюсу»¹, как скромно аттестует Ницше авантюристические, захватнические устремления германского капитализма, включившегося уже в борьбу за «жизненное пространство». В свете этих недвусмысленных высказываний становится яснее сокровенный смысл его страха перед Россией и русскими, его нескрываемое пренебрежение к Англии и англичанам, к государствам, в которых немецкая буржуазия видела основных своих конкурентов в предстоящей борьбе за мировое господство.

Отношение Ницше к цветным народам также не выходит за пределы «узкого национализма» и зоологического шовинизма. Все цветные народы он объявляет неполноценными и оптом причисляет к расе рабов. При этом он делает явное предпочтение цветному рабу перед белым: цветные народы, по его мнению, еще неприкос-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 149—150.

новенно сохранили тип раба (или, как иногда говорит он, тип китайца), полагающего себя без возмущения как раба; белые рабы уже развращены демократическими поблажками либерального европейского общества, в них уже пробуждено чувство человеческого достоинства, они требуют «равных прав» и поднимают руку на ныне господствующий класс. В интересах спокойствия этого класса Ницше предлагает вывезти часть белых рабов в колонии и заменить их экспортированными оттуда черными рабами¹. Он не обманывает ни себя, ни других, не разглагольствует о «цивилизаторской миссии высших рас», о «помощи слаборазвитым народам», под покровом которой империалистическая буржуазия осуществляет свою колонизаторскую деятельность, грабеж и разорение колониальных и зависимых стран. Он не разделяет лицемерия дипломированных теоретиков империализма. «Высшая раса», по Ницше, — это раса варваров, раса хищных животных, завоевателей и поработителей, миссия которой — подавление, насилие, неприкрытое господство над «низшими» расами, над покоренными народами и над трудящимися своей страны.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что расизм у Ницше имеет определенно выраженную космополитическую окраску. Ницше выступает в качестве активного пропагандиста национального нигилизма и является одним из первых теоретиков современного буржуазного космополитизма. Поэтому не случайно, что космополитические идеи Ницше так охотно подхватываются его апологетами, выдающими своего учителя за первого «совершенного космополита». Об этом уже говорилось, и нет необходимости прибегать к новым ссылкам. Их можно привести множество, и все они имеют целью поднять популярность Ницше, используя актуальную и злободневную в настоящее время проблему «космополитического» единства Запада.

Космополитизм не есть отрицание национализма и шовинизма и их «теоретической» основы — расизма. Напротив, в основе национального нигилизма всегда лежит воинствующий национализм буржуазии той или иной страны, претендующей на руководящую роль по отношению к другим странам. Космополитизм смыкается,

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 117.

таким образом, с крайним национализмом, служит идеологическим прикрытием его, лицемерным оправданием антипатриотической практики буржуа-бизнесмена, торговца и коммивояжера, — поклоняющегося только золотому тельцу.

Космополитизм порождается самим капиталистическим способом производства. «...Патриотизм буржуазии... — писал К. Маркс, — выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер»¹, то есть перешагнула национальные границы. Эпоха империализма еще более удобрила почву для буржуазной космополитической идеологии. Перерастание капитализмом рамок национальных государств порождает стремление крупных империалистических хищников к уничтожению национальной независимости народов, к подавлению государственного суверенитета и, следовательно, космополитическую идеологию с ее национальным нигилизмом. Поскольку империализм не отделим от национального гнета, постольку проповедь космополитизма неизбежно приводит к признанию преимущественного права одной буржуазной нации повелевать судьбами других народов, к пропаганде расового превосходства одной нации над другими. Так космополитизм смыкается с махровым национализмом, а идеология космополитизма переходит в расизм.

С другой стороны, национальный нигилизм используется не только как средство идейного разоружения народов, отстаивающих свое национальное достоинство и независимость, но и как лозунг, как призыв к объединению империалистической буржуазии всех стран под эгидой наиболее могущественной в данный момент державы в целях сохранения и укрепления своего господства, к созданию союза империалистов всех стран против трудящихся, организующихся и спланирующих борьбу за свое социальное и национальное освобождение. «... Союз империалистов всех стран, союз, естественно и неизбежно для защиты капитала, не знающего отечества...»² — в этом, по выражению В. И. Ленина, состоит суть буржуазного космополитизма.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII). Партиздат, 1934, стр. 355.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 330.

Ницше выступает против «узкого национализма» во имя этой задачи, пытаясь, однако, решить ее с точки зрения «немецкого духа», в пользу будущей «великой Германии». Он видел, что развитие капитализма в Европе разрушает национальные перегородки, создает единую систему хозяйства, нивелирует различия в быте и культуре господствующего класса, что трудящиеся массы, независимо от национальной принадлежности, организуются и включаются в общую для всех угнетенных и эксплуатируемых капитализмом людей труда борьбу за социализм и что в противовес международной пролетарской солидарности образуются союзы буржуазии против трудящихся (например, союз французской и немецкой буржуазии против Парижской Коммуны), что, коротко говоря, Европа стремится к единству¹.

Но Ницше, отмечая эти несомненные факты, фальсифицирует их содержание. Двухсторонний процесс консолидации классовых сил (рабочего класса, с одной стороны, и буржуазии — с другой), объективно обусловленный развитием капиталистического способа производства и классовой борьбы в буржуазном обществе, он хочет представить как процесс образования единой европейской нации и, естественно, единой европейской государственной организации — Соединенных Штатов Европы. Закрывая глаза на непримиримые противоречия в лагере европейской буржуазии, он выдает желаемое за действительность, полагая, что подобные Штаты станут возможными, если сложится новая господствующая над Европой раса — каста.

Кто же они, эти «европейцы будущего»? В чем заключается их миссия, их задачи? Говоря о «европейцах будущего», Ницше выделяет два «физиологически» различных типа людей, свободных от «нервоза национализма», от патриотических чувств, привязанностей и прочих «предрассудков» демократического общества. Современное экономическое и политическое развитие Европы, отмечает Ницше, ведет к «увеличению сходства между европейцами» и образованию «сверхнационального, кочевого вида человека», который «обладает максимумом искусства и силы приспособления». В этих условиях, по

¹ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 274—275; Собр. соч., т. II, стр. 214—215.

его мнению, происходят, во-первых, «выравнивание и приближение человека к посредственности», постепенное формирование «полезного, трудолюбивого, во многих отношениях пригодного и ловкого стадного животного-человека», приспособленного к рабству, и, во-вторых, выдвижение, возвышение немногих могущественных личностей, не поддающихся всеобщей нивелировке, исключительных людей, наделенных самыми опасными и привлекательными свойствами тиранических повелителей¹. В объединенной Европе будущего первые образуют новую «сверхнациональную» расу рабов, вторые — «сверхнациональную» расу господ.

Обе эти расы сложатся, как предполагает Ницше, путем синтеза наиболее характерных признаков, отличающих их и различающих друг от друга. В основу расы господ будут положены признаки, характерные для господствующей аристократии: воля к власти, кастовая солидарность и т. п. Но эти качества, по представлению Ницше, распределяются среди правящих классов Европы неравномерно; они сильнее выражены у тех народов, которые в большей степени сохранили чистоту крови. Кто же он, этот избранный народ, который явится материалом, цементирующим «сверхнациональную» расу господ? Ответить на этот вопрос нетрудно. Сошлемся на рассуждения Ницше о параличе воли, вызванном смешением рас и классов. «Паралич воли: где только не находим мы этого калеку!.. — восклицает Ницше. — Болезнь воли распространена в Европе неравномерно: она сильнее и разнообразнее обнаруживается там, где особенно давно водворилась культура, она исчезает в той мере, поскольку «варвар» еще — или опять — настаивает на своих правах, под небрежно накинутой одеждой западноевропейской образованности. Поэтому-то, и это легко заключить и очевидно, во Франции воля особенно сильно больна... Сила желания и притом воля, дающая возможность долго желать, уже в Германии несколько сильнее, на немецком севере опять-таки сильнее, чем в середине Германии»². Поиски народа с сильной волей приводят Ницше в... Пруссию. Пруссия — вот страна «избранного народа». Теперь становятся понятными и

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 193—194.

² Там же, стр. 147.

как бы случайно брошенная Ницше фраза: «Моя исходная точка — прусский солдат», и восторженные похвалы «сильному и крепко утвердившемуся типу новой Германии» — бранденбургской военной знати и панегирики добродетелям прусской военщины, в которой классически сочетается искусство повелевать и повиноваться¹. Здесь Ницше предусмотрительно обрывает «веселое восхваление Германии» и переходит к «европейской проблеме» — к воспитанию «новой правящей над Европой касты», в основу которой, как видно, будет положен «германский элемент». Нет, немецкие фашисты не зря возвели Ницше в высокий сан пророка!

Однако и это не все. Немецкая буржуазия уже в те времена вынашивала планы покорения Европы, но она пока не рисковала бросаться в большую игру, боясь столкновения с Россией и Англией. Ницше также представлял подобную перспективу, но он был сторонником более решительных действий. Приветствуя объединение Германии, он требовал следующего шага: начать борьбу за «Соединенные Штаты Европы», полагая при этом, что Германия может успешно завершить эту борьбу, если ей удастся изолировать Россию и Англию.

Соединенная Европа рисовалась Ницше прежде всего как военная группировка, направленная против наиболее вероятных противников — России и Англии, как орудие «большой политики» немецких претендентов на мировую гегемонию. Ницше страшила Россия, в которой, как он признавал, сила воли, сила хотеть была выше, чем в Германии или в любой другой стране. Чтобы противостоять России, а затем, обессилив и покорив ее, открыть дорогу в необозримые просторы Азии, Европа, по его замыслам, должна не только объединиться, но и «должна почувствовать необходимость стать такой же грозной, то есть получить одну волю посредством новой господствующей над Европой касты; продолжительную, ужасную собственную волю, могущую ставить себе цели на тысячелетия вперед; — чтобы, наконец, закончилась эта долго сплетаемая комедия государственной раздробленности и пришел конец династической и демократической разногласице в желаниях. Время мелкой политики прошло: не дальше как будущее столетие принесет с со-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 207.

бой борьбу за мировое господство, — принуждение к большой политике»¹. Стало быть, если Европа не будет объединена на основе «немецко-прусского духа», то это сделает Россия. Отсюда миссия «немецко-прусского духа» — принудить западноевропейские государства к «большой политике».

Подведем общий итог. И расизм, и космополитизм у Ницше подчинены одной задаче — «теоретически» обосновать притязания молодого германского империализма, сформулировать его цели. Его «новая скрижаль» о «большой политике» полностью совпала с внешнеполитической программой вильгельмовской Германии и Третьей империи: насильственно объединить Европу под гегемонией Германии, сплотить реакционные силы Европы под руководством германских милитаристов. Космополитические лозунги и призывы отбросить «узкий национализм», отказаться от «смешного, ненужного патриотизма» и т. д. есть лишь идеологическое прикрытие гипертрофированного великогерманского шовинизма.

Расизм и космополитизм, являющиеся неотъемлемой составной частью идеологии господствующей буржуазии, в эпоху империализма поднимаются на уровень государственной политики. Они служат ныне решающим «теоретическим» аргументом для оправдания колониальной экспансии империалистических держав и их притязаний на мировое господство, для обоснования «программы наступления против мирового коммунизма».

Современные расисты по старой традиции делят мир на две части — на Запад и Восток, полагая в основу этого деления этнический принцип: Запад заселяется народами, представляющими более древнюю и более высокую культуру и обладающими более совершенной физиологической и психической конституцией; Восток — неспособными к цивилизации варварами, людьми примитивной физиологической и психической организации.

Столь произвольное обращение с этнографией может быть объяснено лишь политическими побуждениями и классовыми интересами империалистической буржуазии и ее идеологов. Граница между Западом и Востоком настолько подвижна, что за последние 40 лет она переме-

¹ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 148.

щалась трижды. 40 лет назад, до выпадения России из цепи империализма, она лежала на стыке Европы с Азией и Африкой, в 1917 году она была перенесена в Восточную Европу, в 1945 году отодвинута уже в центр Европы. На этом делении сходятся все расисты. Затем начинается дробление самого Запада на различные по своей значимости и исторической миссии расы. Западное «единство» отступает на задний план. Расизм разветвляется. Между расистами, представляющими великодержавные западные нации, разражаются распри из-за того, какая из западных рас стоит выше других, какой из них «предопределено» руководство миром. Соперничество США, Англии, Германии, Франции и Италии на мировых рынках породило три соперничающих между собой разновидности расизма: англосаксонского, германского и латинороманского. Отношения враждебности или родства между этими расами определяются интересами борьбы за господство и всецело зависят от принадлежности к той или иной военно-политической группировке. Так, ненависть к французам, разжигаемая немецким фашизмом, нисколько не препятствовала крикливой пропаганде «дружбы» и «кровного родства» с итальянцами и испанцами, этнические принадлежности к той же расе, что и французы, а чувство расовой неприязни к немцам, культивируемое в Англии и США в годы второй мировой войны, после ее окончания уступило место пропаганде сотрудничества англосаксов с Западной Германией в рамках НАТО.

Организуя и спланировав силы империалистической реакции для борьбы против «мирового коммунизма», против стран социалистического лагеря и национально-освободительного движения народов Востока, американский империализм ныне призывает своих союзников отбросить «отживший национализм», поступиться национальным суверенитетом в пользу «атлантической солидарности», «мирового правительства» и т. п.

Но за всеми подобными космополитическими призывами скрывается англосаксонский шовинизм в его грубой и наглой американской форме. Кто должен и кто может возглавить это «сверхнациональное» единство? Наиболее сильный и могущественный партнер, то есть США. На сцену снова выходят теоретики американского расизма и начинают на все лады пропагандировать миф о

превосходстве англосаксонской расы над другими расами, а североамериканцев — над другими народами, о предопределении американского империализма к господству над всеми странами и континентами.

Рассматривая новую полосу в развитии мирового капитализма как возврат к варварству, Ницше не грешил против истины. Расизм есть философия империалистического варварства. Разделяя народы на «низшие» и «высшие» расы, теоретики расизма оправдывают любой произвол «высшей» расы над «низшими» и любые, самые чудовищные формы колониального грабежа и эксплуатации поработанных империализмом стран, санкционируют и освящают физическое истребление целых народов, не желаящих владеть ярмом колониального рабства.

Расизм превращает рабство в санкцию «естественного порядка». Рабство, говорит известный американский расист Роберт Парк, есть «одно из приспособлений, при помощи которых расовая проблема находит себе естественное разрешение». Господствующая каста, рассуждает он далее, «отсылая подчиненную расу на низшую ступень, дает каждой расе во всяком случае монополию на решение своих собственных задач. Когда это положение принимается подчиненным народом, — как это бывает там, где полностью установлена система каст или рабства, — расовое соперничество прекращается и расовая враждебность имеет тенденцию исчезать. В этом и можно найти объяснение тесных и дружественных взаимоотношений, так часто существующих при рабской системе между господином и слугой»¹.

Поскольку расы существуют независимо от благих пожеланий людей и вечно пребывают в неизменном виде, подытоживает свое «исследование» Парк, постольку расовая вражда и неприязнь исчезнут лишь в условиях патриархального рабства, когда человек «низшей» расы принимает то положение, к которому его предназначил человек «высшей» расы. Только таким путем можно раз и навсегда решить расовую проблему как в американском, так и в международном масштабе². Возвращение к рабству — в этом состоит, в конечном итоге, суть

¹ См. R. Park. Race and Culture. Glencoe. The Free Press, 1950, p. 227.

² См. там же, стр. 234, 315.

ханжеских проповедей о «цивилизаторской» миссии «высших» рас по отношению к «низшим», лицемерных деклараций и доктрин о «помощи» «слаборазвитым» народам.

Лжеучение о «высших» и «низших» расах, то есть расизм во всех формах, делит человечество на две полярности: господ и рабов. Высшие расы, по писаниям расистов, представляют собой восходящую линию жизни, низшие — нисходящую. Из этих «теоретических» посылок нетрудно вывести заключение о предопределении (и не иначе как о предопределении самого бога, судьбы или природы) «высших» рас к господству, «низших» — к повиновению, во имя торжества «восходящей линии жизни». Господин есть господин, раб есть раб. Полагая эту аксиому в основу «философии общества», некоторые из расистов открыто идут путем Ницше, другие фарисейски призывают к состраданию к горькой участи раба, о «гуманном» отношении и руководстве, но все они единодушно сходятся на том, что, как утверждает французский расист католик Поль Куле, «практически невозможно относиться к неразвитому или вырождающемуся туземцу, который очень часто является жертвой атавистических навыков к лени и пороку, так, как относятся к развитому и более или менее цивилизованному европейцу»¹.

Итак, оказывается, не бесчеловечная эксплуатация, разорение и опустошение захваченных территорий, не искусственная задержка развития производительных сил и хищническое истребление богатств, не насильственная консервация общественных отношений эпохи дикости и варварства, не запрет национальной культуры и не прочие меры, осуществляемые империалистами в колониальных и зависимых странах, а какие-то мифические «атавистические навыки к лени и пороку» являются причиной невыносимо тяжкого положения народов этих стран. К этой клевете часто прибавляют еще одну научно-образную ложь — высокую деторождаемость, якобы характеризующую «низшие» расы.

В качестве образчика подобной лжи возьмем книжку В. Фогта «Путь к спасению». Уровень жизни народа,

¹ См. P. Coulet, *La personne humaine en danger*. Paris, 1949, p. 61.

изрекает Фогт, находится в обратно пропорциональной зависимости от рождаемости. Человечеству угрожает не империализм с его ненасытной жадью к эксплуатации ради обогащения, а высокая рождаемость в СССР, Китае, Индии и других «азиатских» странах, их стремление к «национальной самодостаточности», к развитию собственной промышленности и т. д. Быстро возрастающее население этих стран неизбежно потребует расширения их «жизненного пространства» и вызовет с их стороны агрессию против государств, живущих просторно и в достатке. «Все возможные меры сохранения будут тщетными, — пишет Фогт, — если не установить контроль над деторождением». Для этого он рекомендует ввести принудительную стерилизацию, отказаться от медицинской и санитарной помощи, распахнуть двери эпидемиям — обрушить на «низшие» расы смертоносные бактерии чумы, тифа, оспы и других болезней. Иного пути к спасению нет. Разумеется, руководство «спасением» человечества должна взять на себя «высшая» раса — англичане. Поэтому США обязаны, настойчиво требует Фогт, возложить на себя не только политическую, но и моральную ответственность за будущее всего «цивилизованного» человечества, не стесняясь никакими средствами для того, чтобы утвердить «нужный» североамериканцам «мировой порядок»¹.

К сожалению, Фогт не одинок. Массовое истребление людей «низших рас», то есть народов, не желающих подчиняться диктату империалистических хищников, проповедуют все расисты, особенно расисты-неомальтузианцы. Следует также отметить, что эти бредовые проповеди почти всегда заканчиваются призывами к созданию «мирового правительства», к объединению ударных сил империализма под руководством США.

В основе современных расистских теорий лежит евгеника — лженаука, занимающаяся проблемами наследственности. Подменяя общественное бытие человека его биологической природой и сводя последнюю к неизменной наследственности, определяемой «бессмертной зародышевой плазмой» — геном, существующим независимо от всяких внешних и внутренних влияний материальной среды, расисты вырывают человека из социальных усло-

¹ См. W. V o g t. Road to Survival. London, 1949, pp. 279, 284—285.

вий его существования и ставят его духовную и физическую конституцию и развитие всецело в зависимость от наследственности. Ген как основа наследственности рода, племени или расы неотвратим, как рок. Природа, разделяя людей на роды, племена и расы, не полагается только на физические барьеры для их изоляции. «Барьеры, на которые она полагается, — пишет один из ветеранов современного расизма, Артур Кейс, — развиваются в основных частях духовной конституции человека. Мы можем говорить о барьере как о духовном складе племени»¹.

Но расизм не останавливается на констатации лишь межплеменной, межрасовой изоляции. Гены делают свое дело и внутри племени, и внутри расы: они расщепляют их на качественно различные группировки. Носители «здоровых» генов образуют биологически и социально высший слой общества, носители «неполноценных» генов — социальные низы, угнетенные массы. Отсюда «естественная» тенденция «высших» слоев к обособленности, к образованию «высшей» расы внутри одной нации. Члены богатых семей, говорит Кейс, стремятся устраивать браки с членами богатых же семей и таким образом предотвратить дезорганизацию собственности, сохранить силу своих генов². Еще яснее и определеннее выражает эту мысль соратник Кейса — Дарлингтон: «Различие между классами имеет генетическое происхождение, — уверяет он, — оно основано на генетической материальности, которая столь же эффективна в клетке, как экономическая материальность на рынке»³. Ген приводит современных расистов к ницшеанскому делению общества на две расы в зависимости уже от положения их в социальной иерархии: расу рабов и расу господ. Как и воля к власти, ген представляет собой средство для создания произвольной теоретической конструкции, оправдывающей и благословляющей империалистическое рабство.

Псевдоучение о «естественном», «врожденном» превосходстве «высших» рас над «низшими» нисколько не препятствует пропаганде космополитизма. Буржуазный

¹ A. Keith. Essays on Human Evolution. London, 1947, p. 5.

² См. там же.

³ C. D. Darlington. The Facts of Life. London, 1953, p. 403.

космополитизм еще никогда и ни в чьих устах не означал признания и требования равенства рас и наций. Наоборот, он всегда и всюду предполагает их неравенство, прежде всего неравенство в силе, в могуществе, без учета которого невозможно никакое, пусть даже временное, объединение буржуазных государств. Объединение империалистических государств может быть мыслимо лишь как соглашение о дележе и грабеже колоний и о совместной борьбе против социализма с учетом реального экономического, военного и политического соотношения сил между ними в каждый данный момент. Поэтому космополитические призывы к европейскому или мировому единству, к отказу от национального суверенитета и созданию сверхнационального правительства обязательно предполагают признание необходимости руководства наиболее сильной державы над остальными партнерами.

Так было раньше и так есть теперь. В современных условиях космополитизм выступает как реакционная идеология империалистической буржуазии вообще, американской — в особенности. Космополитизм является, во-первых, «обоснованием» объединения мировой реакции во главе с США для борьбы против лагеря мира, демократии и социализма; во-вторых, идеологическим оружием американской буржуазии в борьбе за установление мирового господства США, средством духовного разоружения народов перед лицом экспансии американского империализма; в-третьих, идеологическим прикрытием измены западноевропейской буржуазии и ее теоретических прислужников национальным интересам народов своих стран. Следовательно, космополитизм не отделим от расизма.

Человеконенавистнической расистской идеологии и политике империализма противостоят социалистическая идеология и политика дружбы народов, провозглашающие равенство всех людей, независимо от их национальной и расовой принадлежности; идеология и политика, нашедшие блестящее подтверждение и осуществление в историческом опыте СССР и других стран социалистического лагеря. Опыт решения национального вопроса в этих странах опрокидывает антинаучные, клеветнические измышления расистов о биологическом неравенстве людей, о превосходстве белых над цветными, богатых

над бедными и т. д. В братской семье социалистических наций, свободных от социального и национального гнета, нет деления на белых и цветных, богатых и бедных. Трудящиеся всех национальностей являются, и юридически и фактически, полноправными гражданами государства, активными строителями новой жизни, творцами собственного счастья. Так, за сорок лет Советской власти национальные окраины нашей страны, бывшие в прошлом колониальными вотчинами царизма, преобразовались в цветущие, равные среди равных республики с высокоразвитой экономикой и передовой культурой. Эти процессы успешно осуществляются теперь и в других странах социалистического лагеря.

В основе отношений между странами, входящими в социалистический лагерь, также лежат узы тесной дружбы и товарищеской взаимопомощи. Общность целей и единство интересов образуют монолитную сплоченность суверенных социалистических государств, являя всему миру образец сотрудничества свободных, равноправных народов. Воспитываемые в духе пролетарского интернационализма, в духе уважения ко всем народам, трудящиеся социалистического лагеря уверенно смотрят в завтрашний день и твердой поступью идут вперед, воодушевляя своим примером все прогрессивное человечество в его борьбе за счастливое будущее.

КУЛЬТ ВОЙНЫ

Идеологи эксплуататорских классов, фальсифицируя действительную историю общества и объективные закономерности, которым подчинено общественное движение, пытаются доказать, что война есть неизбежный и необходимый спутник человечества на всех ступенях его развития. Они придумали немало теорий, оправдывающих и прославляющих захватнические войны, утверждающих, что «естественным» состоянием человечества является «война всех против всех». Условно эти «теории» можно разделить на следующие: *этическая теория*, проповедники которой объявляют войну «высшим нравственным началом» в жизни народов и государств, а мир — дорогой к застою и нравственному вырождению; *биологическая теория*, рассматривающая войну как форму про-

явления закона борьбы за существование, который будто бы определяет развитие всего органического мира, в том числе и человека, и разновидности этой теории — расизм и мальтузианство; *геополитическая теория*, освещающая захватнические войны, исходя из географических факторов; *космополитическая теория*, пропагандирующая неизбежность войн под предлогом борьбы за создание «мирового государства». Все эти теории тесно переплетаются, дополняют и обуславливают друг друга. Ни одна из них не выдерживает серьезной научной критики, но, соединенные вместе, они могут запутать несведущего в социологии и политике человека, ошеломить его внешним разнообразием аргументов, создать видимость научной убедительности.

Примером подобной псевдонаучной эклектической мешанины может служить апология войны, выводимая из формулы «воля к власти». Известно, что Ницше сводит к этой формуле и этику, и психобиологическую организацию человека, которые заменяют у него социологию; из этой же формулы извлекается расизм с сильной примесью мальтузианства и космополитизма. Рассматривая общественные явления через призму воли к власти, он превращает свою «философию общества» в средство доказательства «неоспоримости» этого «космического закона», проявляющегося как инстинкт к господству, эксплуатации, насилию и войне. Сама ницшевская формула есть не что иное, как произвольная, но высказанная с претензией на оригинальность интерпретация принципа *bellum omnium contra omnes*, на котором капитализм основывает свою жажду порабощения. Таким образом, война является исходным пунктом «теории» воли к власти и ее конечным результатом.

Мысль о воле к власти впервые зародилась у Ницше в 1870 году, во время франко-прусской войны, в которой он принимал участие в качестве санитар-добровольца. Однажды вечером, рассказывает Е. Фёрстер-Ницше со слов брата, он приехал в маленький пограничный городок, через который пролежала большая дорога, и увидел торжественное шествие прусских войск. Мимо него с шумом и грохотом пронесся кавалерийский полк, «великолепный, как выражение народного мужества и задора». За ним проследовала в «стремительном темпе» полевая артиллерия, и под конец прошла «беглым шагом» пехо-

та: «глаза пехотинцев сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота». Тогда Ницше «ясно почувствовал, что сильнейшая и высшая воля к жизни находит свое выражение не в жалкой борьбе за существование, а в воле к битве, к власти и превосходству» и что «хорошо то, что Вotan влагает жестокое сердце в грудь вождей: как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая на смерть тысячи людей»¹. Мысль о воле к власти в ее обнаженной, свободной от мнимонаучных аксессуаров форме ясна и не требует комментариев. Впоследствии она облекается в философские и поэтические доспехи, растворяется в биологической мистике, сливается с этикой и несколько теряет свою первоначальную прозрачность, но ее основное содержание остается тем же, что и раньше, в момент «откровения»: апология войны как «воплощенной воли к жизни».

Решающим среди аргументов, выдвигаемых Ницше в защиту и оправдание войны, является ссылка на биологическую природу человека, в основу которой произвольно кладется «агрессивный и оборонительный эгоизм». Человек, по Ницше, есть «клубок диких змей, которые редко находят покой друг с другом»²; это хищное животное, управляемое необузданными инстинктами. Самыми страшными и самыми привлекательными из них являются стремление к возвышению и господству, жажда мести и завоевания. Люди всегда и всюду находятся в состоянии непримиримой вражды друг с другом, войны за власть, за преобладание. Такова фатальность самой жизни³. Изменить здесь ничего нельзя.

Но война не только неотвратима, она есть первое необходимое условие самовозвышения и самоутверждения жизни. В «войне всех против всех» происходит отбор наиболее ценных; с точки зрения Ницше, индивидов, формируется «высший тип» человека, складывается господствующая аристократия и, наконец, рождается сверхчеловек. Война пробуждает людей к объединению в общества и государства, чтобы коллективно противостоять

¹ См. Einleitung von E. Förster-Nietzsche zum X. Bande Fr. Nietzsches Werke.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 30.

³ Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht, S. 7.

«организованному аморалитету» соседних племен и народов, закалять в борьбе с ними свою волю к власти, свою потребность возрастать в силе и всеми средствами — оружием, торговлей, колонизацией и т. д. — расширять сферу своего господства. Общество или государство, отклоняющие войну и завоевание, неизбежно приходят в упадок: они созревают для демократии¹. Жизнь, обобщает Ницше, есть результат войны, общество — средство для войны. Любое суждение, по которому миру придается большая ценность, чем войне, является антибиологичным², то есть ложным, ибо Ницше не признает никакого другого основания для философии общества, кроме биологии.

С этой же меркой Ницше подходит к нациям и расам. «Высшие» расы, как и «высший» тип человека, создают войны. Порода, характеризующая полноценные, жизнеустойчивые расы, может сохраниться и долго продержаться только с помощью твердости, в постоянной борьбе с неблагоприятными внешними условиями, в единоборстве с соседями или с мятежными покоренными племенами. Война есть лучшее средство для культивирования «высшей» породы. Об этом, по мнению Ницше, свидетельствуют, с одной стороны, устойчивость аристократических пород в древнегреческих полисах и Венеции, где собраны и «предоставлены сами себе люди, желающие сохранить свой род, большей частью потому, что они *вынуждены* сохранять его или подвергаются опасности быть истребленными», и, с другой стороны, наблюдения заводчиков, из которых известно, что «культивированные породы, на долю которых выпадает особенно обильная пища и вообще избыток защиты и заботливости, тотчас же начинают склоняться к изменению типа и богаты всякого рода чудовищными явлениями (также и чудовищными пороками)»³.

Современная Европа представляет собой, как полагает Ницше, подобие такого конского завода, где народ содержится в сытости, довольстве и мире. Именно в этом видит он главную причину вымышленного им самим измеления европейских наций и вырождения «высших»

¹ См. Fr. Nietzsche. Der Wille zur Macht, S. 7.

² См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 36.

³ См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. II, стр. 229.

рас, некогда господствовавших на европейском континенте. Только война создает чистоту расы и величие народа и обеспечивает восходящее развитие жизни. «Нам неведомы иные средства, — пишет Ницше, — которые могли бы так же сильно и верно, как всякая великая война, внушить слабеющим народам такую грубую походную энергию, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души... Придется, вероятно, изобрести еще немало таких суррогатов войны, но именно из них будет все более уясняться, что такое высокоразвитое и поэтому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не столько вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне — то есть во временном возврате к варварству»¹. Варварство, по Ницше, является более «естественным» состоянием человечества, чем цивилизация. В условиях варварства каждая раса предстает такой, как она есть: или расой «господ», или расой «рабов», и «постоянно повторяются минуты, когда масса (расы, нации. — С. О.) бывает готова жертвовать своим имуществом, своей жизнью, своей совестью, своей добродетелью для того, чтобы получить высшее наслаждение власти и тиранически произвольно распоряжаться другими нациями в качестве победоносной нации»².

От ницшевского прославления войны сильно отдает затхлым запахом мальтузианства. Ницше открыто негодует на то, что современное человечество слишком быстро размножается, что в Европе стало тесно и душно от «лишних» людей. В разряд «лишних» он зачисляет всех, кто поднимает голос протеста против социальных условий, порождающих чудовищную эксплуатацию, бедность и нищету массы трудящихся, кто покушается на «священный» принцип частной собственности и угрожает господству ныне власть имущих. В этом Ницше не оставляет никаких сомнений. «Посмотрите же на этих лишних людей! — восклицает Заратустра. — Они крадут изобре-

¹ Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. III, стр. 277.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 98.

тения изобретателей и сокровища мудрецов... и все становится у них болезнью и бедствием... Они хотят власти и прежде всего хотят обладать рычагом власти, деньгами, — эти несостоятельные! Посмотрите, как лезут эти юркие обезьяны! Они перелезают друг через друга и сбрасывают таким образом друг друга в тину и грязь. Все они стремятся к высшей власти: это их безумие — как будто счастье в высшей власти»¹.

Большинство трудящегося населения живет при капитализме в бедности и нищете. В кварталах и поселках, где ютится рабочий люд, свирепствуют болезни. Ницше же пытается выдать эти социальные бедствия за результат физиологического истощения «низших» общественных слоев и, нимало не смущаясь, объявляет нищих, бедных и больных «преступниками», «паразитами общества», как будто бы действительными преступниками и паразитами общества являются не господствующие эксплуататорские классы, присваивающие и пожирающие плоды народного труда. С нищими, бедными и больными, с «лишними» он рекомендует поступать так, как якобы поступали с ними в первобытные времена: их нужно уничтожить². Он целиком и полностью разделяет мальтузианские рецепты избавления от «лишних» путем истребительных массовых войн. Войны, по Ницше, очищают расу от «больных» и «слабых», в ходе войн «высшие» расы насильственно утверждают свое господство над «низшими», освобождают их от излишка населения, оставляя только ту ее часть, которая необходима (разумеется, как объект эксплуатации), и тем самым «оздоравливают» человечество, повышают жизнеспособность всего общественного организма.

В работах последнего периода Ницше много говорит о необходимости и неизбежности политического объединения Европы. Но он никогда не мыслил подобное объединение как стихийный процесс, совершающийся на основе добровольного соглашения между европейскими державами, не соблазнялся и не соблазнял других пацифистскими иллюзиями на этот счет, как делают, например, нынешние проповедники пресловутого европейского единства. Необходимость и неизбежность экономического

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 40.

² См. Ф. Ницше. Собр. соч., т. III, стр. 79, 111.

объединения Европы Ницше выводит из воли к власти, то есть из стремления буржуазии ведущих европейских стран к подчинению европейского рынка, из империалистической борьбы между реальными и возможными претендентами на господство в Европе. Значит, объединению Европы будет предшествовать большая война или серия больших войн между европейскими государствами. Провозглашенная им «большая политика» есть политика большой войны за господство над Европой и ее колониальными владениями, подготовку к которой уже тогда начали великие европейские державы, приступив к сколачиванию мощных военных группировок. Период относительно мирного развития Европы уходит в прошлое, и Ницше восторженно приветствует утреннюю зарю империализма — эпоху великих войн, которые, по его представлению, создадут единую «сверхнациональную» Европу, руководимую новой, сложившейся в ходе этой кровавой борьбы господствующей расой — кастой, и приведут к осуществлению его социального идеала.

Говоря об «этической» стороне исследуемого вопроса, следует отметить, что ницшевские «скрижали новых моральных ценностей» имеют своим источником мораль, господствовавшую в среде военной аристократии варварских племен. Эталон для Ницше является преимущественно варвар арийского происхождения — «белокурая бестия», столь щедро воспетая им. Взяв в качестве образца моральные оценки, возникшие у воинственных варварских племен, и выдав их за нормы вечной «естественной» морали сильных и могущественных рас, Ницше прибегает затем к прославлению войны, которую он любовно называет «матерью всякой морали», чтобы доказать, что без войны невозможно сохранить и упрочить «высший» тип человека — «господина по природе». При помощи этого софистического фокуса он пускает в работу фейерверк афоризмов и устраивает праздничную иллюминацию Марсу — богу войны и по совместительству хранителю «естественной» морали — морали завоевателей, поработителей и убийц. Цель этой иллюминации состоит в том, чтобы показать «целительную» силу войны в области моральных оценок: без войны человечество добреет, изнашивается, мельчает, стареет, морально умирает и т. д. Приведем лишь один момент из этой иллюминации: «Плодотворным бывает только то, что богато

антагонизмами; человек остается юным только благодаря тому, что его душа не предается покою и отказывается от мира. Никакое прежнее желание не является столь чуждым для нас, как христианское желание «душевного покоя»; мы нисколько не завидуем морали коров и мирному счастью спокойной совести. Если отказываются от войны, то, следовательно, отказываются и от жизни в большом масштабе»¹.

Итак, Ницше пытается обосновать войну со всех «теоретических» позиций, принятых идеологами империализма, кроме геополитики, которая тогда еще не родилась и не могла быть принята им на вооружение. Куда ни кинь, во всех отношениях, со всех точек зрения войны есть не только «суровая необходимость», но и праздники мужества, силы, жестокости, высшего наслаждения волей к власти, олицетворение «агрессивного пафоса» жизни, «жизнь в большом масштабе». Поэтому всякое по-ницшеански понимаемое «здоровое» общество должно строиться по принципу устава военной школы, который отражает жизнь полнее и глубже, чем любая философская система, а воин должен стать центральной фигурой *по-казарменному организованного* государства, ибо только «поддержание милитаристского государства является самым надежным средством сохранить великую традицию, утвердить господство самого высшего типа человека — сильного типа»². Вот почему так восторженно приветствует Ницше «военное развитие Европы», пророча ее превращение в большую солдатскую казарму.

Идеалом человека для Ницше является мужчина-воин, говорящий «да» варвару и дикому зверю, убийца с холодным взглядом, не знающий угрызений совести. «Обновление» Европы, возвращение к варварству, о котором мечтал Ницше, может произойти, напутствует он правящие классы, только через введение «общей воинской повинности с настоящими войнами, при которых не до шутки», путем воспитания всего мужского населения в духе «воинской суровости в требовании и исполнении своих обязанностей»³. Целям подготовки пушечного

¹ См. Fr. Nietzsche. Cötzendämmerung, SS. 262—263.

² См. Fr. Nietzsche. Cötzendämmerung, S. 238; Der Wille zur Macht, S. 8.

³ См. Ф. Ницше. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 79.

мяса для грядущих империалистических войн должна быть подчинена, по мнению Ницше, вся система образования и воспитания. Определяющим моментом в воспитании должен стать культ войны, культ жестокости и повиновения. Основополагающие идеи такого воспитания даны в проповеди Заратустры, обращенной к воинам: «Вы должны, — взывает Заратустра, адресуясь к своим собратьям по войне, — любить мир, как средство к новой войне. И краткий мир больше, чем долговременный. Призываю вас не к труду, а к борьбе. Советую вам не мир, а победу. Ваш труд пусть будет борьбой, ваш мир — победой!.. Вы говорите, что благое дело освящает даже войну? Я говорю вам: благая война освящает великое дело. Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему... Вас называют бессердечными; но ваше сердце неподдельно, и я люблю стыдливость вашей сердечности... Вы дурны? Ну, что же, братья мои! Так накиньте на себя возвышенное, мантию для дурного... Вашим отличием пусть будет повиновение. Даже ваше приказание пусть будет послушанием. Для хорошего воина *«ты должен»* звучит гораздо приятнее, нежели *«я хочу»*. И все, что для вас мило, пусть будет вам прежде всего приказано... Итак, живите своей жизнью повиновения и войны! Что нам в долгой жизни? Какой воин хочет, чтобы его щадили?»¹. Проповедь Заратустры, если снять с нее поэтическую шелуху, удивительно напоминает речь прусского капрала, обращенную к своим солдатам.

Открытая, циничная проповедь и прославление человекоубийства вначале, как известно, оттолкнули от Ницше официальную буржуазную философию, в том числе и немецкую, а между тем ни один из официальных идеологов тогдашней буржуазии не отразил столь полно и столь верно состояние Германии, положение и интересы ее правящих классов, как этот отставной профессор, живущий в суровом уединении и, казалось, вдалеке от мирской суеты.

На пороге империализма молодой германский капитализм громко заявил о своих притязаниях на «жизненное пространство» и почетное место под солнцем, но трусливая, колеблющаяся немецкая буржуазия, купив-

¹ Ф. Ницше. Собр. соч., т. I, стр. 38—39.

шая свои политические привилегии позорной сделкой с юнкерством, страдала *«параличом воли»*. Это очевидное несоответствие между империалистическими притязаниями и практической невозможностью их осуществления породило идейное течение, которое на место фактов истории, экономики и политики поставило мистическую символику о «высшей расе», «сверхчеловеке», «белокурой бестии», философию слепого произвола, напыщенно ограниченную, надменную и жестокую философию войны и ненависти к другим народам. Ницше видел и признавал этот разлад между необузданными устремлениями молодого хищника к расширению областей своего господства и его бессилием решить эту задачу и считал своим прямым долгом указать ему выход из тупика, открыть дорогу к «большой политике», к войнам за обладание европейским рынком, к борьбе за мировое первенство. Чтобы излечиться от «паралича воли» и обрести практическую возможность реализации этих безрассудных замыслов, объединенная Германия должна решительно встать на путь милитаризации, возродить среди немецкого народа воинственный дух древних германцев и непоколебимо следовать впредь традициям прусского милитаризма.

Предсказывая неизбежность и необходимость перехода к «большой политике», Ницше опередил своих современников и теоретических единомышленников на несколько лет. Когда эти годы протекли, его поняли, оценили и возвели в сан пророка и прорицателя. Его безудержная апология захватнических империалистических войн была подхвачена теоретиками и политиками реакционной буржуазии как в Германии, так и за ее пределами. Ницшеанство прочно вошло в арсенал пангерманизма, на который опирался вильгельмовский империализм; Ницше широко использовали французские, русские, английские и иные проповедники «большой политики», «боевой порядок Заратустры» положен в основу человеконенавистнической, звериной идеологии фашизма.

Первая и вторая мировые войны воочию показали, что означает на деле провозглашенная Ницше «большая политика» империализма. Неисчислимыми человеческими жертвами, колоссальными материальными потерями, невиданным моральным перенапряжением оплачена эта преступная политика цивилизованных империалистиче-

ских варваров. Но империализм требует все новых и новых жертв. Ненасытная жажда к обогащению и завоеванию неудержимо гонит его на новые авантюры, и зловещая тень войны снова нависает над человечеством. В стремлении к господству над всем миром американо-английский империализм не прочь втянуть человечество в адское пекло термоядерной войны, и только непреклонная воля народов к защите мира, сила и могущество миролюбивых стран, образующих лагерь демократии и социализма, сковывают разгоряченную волю к власти сегодняшних провокаторов и застрельщиков войны.

Монополии, загребаящие баснословные барыши на гонке вооружений, неустанно готовят средства массового истребления, а состоящие у них на службе теоретики заняты массовым производством оружия идейного и морального растления, сеют военный психоз, воспевают фатальную неизбежность, необходимость и «исцеляющую силу» истребительных войн. Ницше создал, если можно так выразиться, образец для апологии захватнических войн, расставил вехи, по которым ориентируются современные апостолы войны. Мы ограничимся здесь лишь некоторыми примерами, подтверждающими преемственную связь нынешних апологетов войны с ницшеанством. Приводимые ниже выписки взяты, как и раньше, из работ авторов, примыкающих к различным течениям реакционной философии. Но как бы ни были различны их исходные «теоретические» позиции, в отношении войны они приходят к общим, родственным с ницшеанством выводам, выражаемым, правда, более тонко, осторожно, без кричащего цинизма и с большей претензией на «научную» убедительность.

Наиболее распространенным методологическим приемом оправдания и прославления войны является принцип этико-биологического подхода к явлениям общественной жизни. Неизменная биологическая природа человека, подчиненная действию инстинктивного животного механизма, сведенная к агрессивным и оборонительным инстинктам самосохранения, воли к жизни, воли к власти и т. д., произвольно принимается за основание, на котором зиждутся этические и, наконец, общественные отношения людей. Человеческое общество превращается, таким образом, в специфическую форму проявления свирепствующей в органическом мире «войны всех

против всех». «Может быть, — пишет, например, Сантаяна, — человек, изготавливающий оружие, предшествовал человеку, изготавливавшему орудия для сельского хозяйства или постройки жилищ... Всемирная пассивная война, хотя она и жестока, не заслуживает порицания. Мы можем иногда содрогаться от существования, но пока мы существуем и прибываем в силе, мы должны быть готовы к тому, чтобы приносить жертвы, а также к тому, чтобы требовать жертвоприношения»¹. Значит, колоссальные жертвы, приносимые человечеством на алтарь войны, есть не что иное, как необходимые издержки процесса производства «прибывающей в силе» жизни.

Конечно, рассуждает далее Сантаяна, война иногда приносит с собой и непоправимое зло, как, скажем, разрушение памятников культуры или покорение расы «высшей крови» расой «низшей крови» (о человеческих потерях Сантаяна не скорбит: это, по его мнению, дело поправимое и даже полезное, ибо население земного шара слишком быстро размножается), но это зло окупается сторицей. Войны вызывают опустошительные разрушения, но... несмотря на это (здесь опять передержка: нужно было бы сказать: благодаря этому), мы, то есть США, все еще существуем, мы богаты и не теряем надежду на будущее. На войне гибнут самые храбрые, но... храбрые, прежде чем погибнуть, убивают многих и многих трусов; они обычно оставляют после себя младших братьев или сыновей, таких же храбрых, как они сами. Война в некоторых случаях сопровождается дезорганизацией экономической и общественной жизни страны, но... после того как она объявлена и продолжается, разрушительные действия противника становятся великим уроком рационального дисциплинирования и укрепления порядка в каждой воюющей стране². Война есть неиссякаемый источник жизни. Вечный мир, согласно Сантаяне, может существовать лишь между двумя ничто; между двумя что-либо, если они приходят в соприкосновение друг с другом, всегда имеется опасность войны. Равновесие является лишь передышкой между сражениями, моментом накопления сил для бесконечно повторяющихся

¹ G. Santayana. *Dominations and Powers*, pp. 178—179.

² См. там же, стр. 218, 219, 438—439.

конфликтов, в процессе которых снова и снова рождается жизнь¹.

С тех же по существу позиций подходит к апологии войны социал-дарвинизм, объясняющий ее как борьбу между общественными группами, возникающую из конкуренции за жизнь, за средства существования. Чтобы не быть голословными, приведем типичную для социал-дарвинизма аргументацию в защиту войны, которой пользуется один из видных его представителей — Артур Кейс. Для того чтобы каждая группа (или общество) могла выполнить свое эволюционное назначение, она должна находиться в антагонистическом отношении ко всякой другой группе. Способ же, который удерживает группы в стороне друг от друга, коренится в самой человеческой природе. Неизбежно конкурирующие между собой общественные группы, представленные ныне как нации, честолюбивы и завистливы. Они всегда находятся в состоянии скрытой (экономической, политической и дипломатической) или открытой войны друг с другом. В этой непрерывной войне нации утверждают свое право на жизнь, на существование, на превосходство. Но война не только «спаситель жизни нации», она есть также источник цивилизации. Война и цивилизация, по Кейсу, находятся в браке. Война (муж) обеспечивает дом для цивилизации (жены). «Когда мы, — говорит он, — обзираем широкие национальные области цивилизации на континенте, где великие державы Европы имеют свой дом, мы находим, что все они созданы войной». Англия как нация складывалась в войне; узы «крови и железа» создали «единую» германскую расу с ее высокой культурой и экономической мощью и т. д. (В этом месте Кейс делает важную оговорку: он высказывает опасение, как бы не обвинили его в плагиате из «*Mein Kampf*». Такое опасение имеет серьезные причины. Идеи гитлеризма и социал-дарвинизма ведут свое происхождение, если воспользоваться крылатым выражением Кейса, от «брака войны и цивилизации».) Далее Кейс прославляет войну как лучшее средство воспитания добродетелей (доблести, правдивости, духа послушания, привычки к дисциплине и... гуманности), отличающих «высшие» расы; как мать изобретений и технических усовершенствований,

¹ См. G. Santayana. *Dominations and Powers*, pp. 441, 449.

планирования и иных объединяющих начал в жизни нации¹. Словом, да здравствует война — решающая движущая сила человеческой эволюции.

Открытыми поборниками истребительных империалистических войн выступают неомальтузианцы. Относя все социальные пороки и бедствия капитализма за счет вымышленного ими непомерно быстрого размножения «низших» рас, неомальтузианцы славословят войну как панацею от «неизбежной» в недалеком будущем катастрофы, к которой должно привести человечество перенаселение в некоторых пунктах земного шара. Не полагаясь только на смертоносную силу бактерий чумы, холеры, сыпного тифа и т. п., они призывают к истреблению «низших» рас с помощью атомного и термоядерного оружия. Человечество, проповедует В. Фогт, «жило до сих пор на долговые расписки. Теперь расписки предъявлены к уплате»². Государства, в которых рождаемость превышает смертность (Фогт имеет в виду СССР, Китай, Индию и другие страны, не желающие подчиняться империалистическому диктату), должны будут оплатить эти расписки кровью десятков и сотен миллионов людей. Нет, Ницше не знал такого размаха в человекоубийстве!

В последние годы у буржуазных социологов, особенно у элитистов, вошло в моду объяснять «неизбежность» войн исходя из так называемого «духа массы». Отличительным признаком человека «высшего» типа Ницше считал воинственность, агрессивность и жестокость в защите своих кастовых интересов. Подобная откровенность уже не устраивает теоретических прислужников империализма. Снимая с капитализма ответственность за совершенные им преступления, оплаченные миллионами человеческих жизней, и за новую подготавливаемую им мировую войну, идеологи современной буржуазии перекладывают ответственность на народные массы. Побудительные импульсы к войне, заявляют они, следует искать в мифическом «духе массы», в воинственных, агрессивных, кровожадных инстинктах «толпы», а отнюдь не в классовой природе империализма. «Толпа, — говорит бельгийский публицист и социолог С. Хаддлестон, —

¹ См. A. Keith. Essays on Human Evolution, pp. 191 — 192, 110—111, 131.

² См. W. Vogt. Road to Survival, p. 214.

по существу, — воинственна... Ложь, касающаяся этого мнимого мирного характера толпы, лежит в основе всех недоразумений нашего времени. Факт принятия этой веры влечет за собой мнение, будто у всех наций невинная толпа бросается в войну бессовестными правительствами, которые не колеблются для удовлетворения своего собственного тщеславия жертвовать народом, идущим (на войну. — С. О.) только против своей воли... Воспоминание о последней войне еще слишком живо, разрушения слишком очевидны для того, чтобы не пробуждались сомнения и колебания... Но... толпа уже набирается мужества для развязывания другой войны. Итак, я утверждаю, что в новую эру, в которой мы находимся, основная обязанность государственного деятеля... заключается не в том, чтобы заставлять народ подвергнуться испытанию оружием, а в том, чтобы вести его, натянув вожжи, вдоль дороги, усеянной опасностями»¹. Это «стыдливое», вывернутое наизнанку ницшеанство настойчиво пропагандирует А. Тоинби. Западный культ «военных доблестей», проникающий в массы в качестве десяти заповедей, пишет он, быстро становится преобладающей религией века, и эта вера никогда не будет преодолена мефистофельским духом отрицания, протестом против которого она является².

«Теории» такого рода — это шитая белыми нитками клевета на всенародное движение за сохранение и укрепление мира во всем мире, развернувшееся во всех уголках земного шара. Народ — созидатель материальных благ и культурных ценностей, надежный хранитель традиций гуманизма, поборник социальной справедливости — никогда не нуждался и не нуждается в захватнических войнах. Народы всех стран, прошедшие через огонь двух опустошительных мировых войн, обогащенные опытом борьбы за социальный прогресс и свободу, зорко следят за происками подстрекателей новых разбойничьих авантур, бдительно охраняют свой труд, свое право на жизнь, на лучшее будущее.

Разнузданная пропаганда войны широко ведется под флагом космополитизма, прикрывающим стремление

¹ См. S. Huddleston. L'esprit de foules — в журнале: „Syntheses“, № 89, Juillet, 1953, pp. 303—312.

² См. A. Toynbee. War and Civilisation. New York, 1950, p. 20.

американо-английского империализма к мировому господству. В проповеди космополитизма ныне на первый план выдвигается аргумент, которого не мог предусмотреть Ницше. Ницше исходил из принципа конкуренции в воле к власти между великими державами Европы, не расколотой еще на два противоположных лагеря; современный космополитизм имеет отправной точкой мир, расколотый на капиталистическую и социалистическую системы. Ницше открыто полагал объединение сил европейской реакции для борьбы против революционного рабочего движения как вторичный продукт насильственной, вооруженной борьбы наиболее могущественной европейской державы, в частности Германии, за экономическое и политическое преобладание в Европе и на ее рынках. Нынешние космополиты пытаются спрятать главную роль своей пропаганды и всемерно подчеркивают необходимость объединения «западного мира» для предотвращения угрозы «восточного коммунизма», что, конечно, играет для них важную, но далеко не решающую роль. Но это внешнее различие не устраняет и не может устранить агрессивной природы идеологии космополитизма.

Современный космополитизм имеет те же классовые корни и ту же «теоретическую» основу, что и космополитизм в его ницшеанской форме. Этой основой являются измышления о драчливости наций, искусственно выводимые или из космического закона «воли к власти», или из «закона эволюции природы». Всякая угроза жизни или целостности нации, пишет, например, А. Кейс, всякое нападение на ее отечество или источники снабжения приводит в действие «старый защитный механизм, который дан природой для сохранения ее эволюционных единиц», то есть войну. До сих пор, продолжает он далее, люди и нации живут под тиранией «закона эволюции природы»; избежать этого можно только в том случае, если удастся заменить «естественную эволюцию» плановой эволюцией, осуществляемой центральным мировым правительством, которое имело бы в своем распоряжении вооруженную силу, достаточную для того, чтобы принудительно осуществлять международное право и справедливость¹.

¹ См. А. Keith. Essays on Human Evolution, pp. 133 — 134, 204—205.

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что предлагаемый проповедниками космополитизма путь «к принудительному миру», практически означает путь к развязыванию войны за мировое господство сильнейшей в военном отношении нации. Народы, оберегающие свой суверенитет, свободу и независимость, не желающие добровольно подчиняться диктату той или иной военно-политической группировки, созданной или создаваемой под эгидой империалистов США, должны быть принуждены к этому военной силой. Политика империалистических держав в Азии, Африке и других пунктах земного шара полностью подтверждает этот вывод. Маскируясь воплями и причитаниями о мнимой коммунистической угрозе, империалистические колонизаторы пытаются любыми средствами, вплоть до открытой интервенции, навязать непокорным народам свою волю, задушить национально-освободительное движение и, наконец, объединенными усилиями ринуться на страны социалистического лагеря. И когда все народы земного шара будут поработены империалистическими хищниками, тогда наступит «на земле мир и в человеках благоволение». Все проповедники космополитизма, начиная от самых оголтелых поджигателей войны и кончая правыми социалистами, единодушно сходятся в том, что миссию по руководству установлением такого «мира» должны взять на себя США, а народы других стран должны безропотно следовать их политическому и моральному руководству.

Чтобы доказать неизбежность и необходимость войны, представить войну как решающий фактор человеческой эволюции, как движущую силу исторического развития, теоретики реакционной буржуазии совершают непозволительное насилие над историей человечества.

Объективный научный анализ истории, на котором основан исторический материализм, показывает, что война есть общественное явление, возникшее на известной ступени развития человеческого общества — в период разложения первобытно-общинного строя, когда вместе с общественным разделением труда появляется частная собственность на орудия и средства производства и начинают оформляться классы и государство. С тех пор захватнические войны становятся неотъемлемой функцией государств, представляющих интересы

эксплуататоров. Случайные вооруженные столкновения, происходившие между отдельными родами и племенами при первобытно-общинном строе из-за угодий для охоты или из-за пастбищ для скота, уступают место регулярным вооруженным столкновениям — войнам за укрепление и расширение господства эксплуататорских классов, за захват чужих территорий, за порабощение соседних народов и присвоение их богатства. Таким образом, источник и причина войн лежат в общественных отношениях, основанных на частной собственности и антагонизме классов, а характер войн определяется политикой класса, ведущего войну. Война есть продолжение политики того или иного класса насильственными средствами.

Всякая война нераздельно связана с тем общественно-политическим строем, из которого она вытекает. Поэтому нельзя правильно понять причины и характер войны, если ограничиться рассмотрением ее внешних идеологических покровов, если не исследовать суть политики, приведшей к войне. Так, политика господствующих классов в рабовладельческом обществе, основывавшемся на принудительном труде, приводила к войнам, имеющим своей целью обеспечить постоянный и всевозрастающий приток рабов; политика феодалов — к войнам за расширение своих земельных владений и закрепощение свободного населения; политика буржуазии — к войнам за источники сырья и рынки сбыта. По своему характеру все эти войны носят несправедливый, захватнический характер, являются средством грабежа и покорения народов, усиления эксплуатации и угнетения, источником обогащения господствующих паразитических классов. Вместе с тем история богата войнами и революционными выступлениями угнетенных народных масс за свое социальное и национальное освобождение, за свою свободу и независимость, справедливыми по своему характеру и прогрессивными по своему историческому значению. Идеологи эксплуататорских классов, воспевающие и прославляющие захватнические, грабительские войны, отказывают трудящимся в священном праве на освободительные войны.

Опасность войны в наше время таится не в наличии двух мировых систем — социалистической и капиталистической — и не в биологической или иной природе че-

ловека, как преподносят это идеологи империализма, а в экономической природе капитализма и политике империалистических государств. «Капитализм, — пишет В. И. Ленин, — из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»¹.

Развитие капитализма, особенно в его последней, империалистической стадии, идет неравномерно, скачкообразно, через кризисы и военные катастрофы. Неравномерность развития капиталистических стран приводит в определенные периоды к резкому обострению противоречий между империалистическими хищниками, к нарушению равновесия внутри мировой капиталистической системы. Вырвавшиеся вперед капиталистические страны или группы стран ставят вопрос о перераспределении «сфер влияния» пропорционально изменившемуся соотношению сил. Так возникли первая и вторая мировые войны. В этом следует искать основную причину угрозы новой войны. Опыт показал, что каждая большая война, развязанная империалистами, практически выливается в борьбу за мировое господство участвующих в ней военно-политических группировок. Следовательно, для того чтобы устранить навсегда опасность войны, нужно ликвидировать капитализм — последний эксплуататорский строй, и тогда человечество, освобожденное от пут капитализма, от тяжкого бремени военных расходов, от опустошительных разрушений и жертв, от страха перед завтрашним днем, сможет посвятить все свои силы без остатка мирному созидательному труду.

Однако этот вывод исторического материализма не означает фатальной предопределенности войны в современных условиях. Война — явление не только экономическое. Вопрос о войне в значительной степени зависит от соотношения политических и классовых сил, от организованности и сознательной воли людей. В определенной исторической обстановке последний фактор может стать определяющим. Такая ситуация, как отмечается

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 273.

в решениях XX и XXI съездов КПСС, складывается в наши дни. Империалистические вдохновители и зачинщики войны ныне имеют перед собой мировой лагерь социализма, монолитно сплоченный вокруг Советского Союза — страны, располагающей первоклассной экономической мощью, самой совершенной военной техникой и нерушимым единством народа, государства и партии.

В лагере социалистического лагеря человечество имеет не только моральные возможности, но и материально-технические средства, необходимые для обуздания агрессии. Наряду с социалистическими странами, последовательно и активно отстаивающими международную безопасность, существует также большая группа буржуазных государств, выступающих против войны. На страже мира зорко стоят миллионы простых людей во всех уголках земного шара. Прошли те времена, когда силы, борющиеся за мир, были слабо организованы и разобщены. Движение сторонников мира, имеющее международные и национальные центры, является ныне поистине всенародным, и его никто не может безнаказанно сбросить со счета.

Современная война при наличии атомного и водородного оружия, бомбардировочной авиации почти безграничного радиуса действия и межконтинентальных ракет, открывающих возможность доставить смертоносный груз в любой пункт земного шара, а также при учете губительных последствий атомной радиации приведет, если агрессорам удастся ее развязать, к невозвратимым потерям, особенно для стран с густым населением. Но как бы ни были велики эти потери, не подлежит сомнению тот факт, что победителями в этой войне окажутся страны с молодым, жизнеспособным общественным строем, что в огне этой войны погибнет вся капиталистическая система. Сознание этого факта не может не сдерживать агрессивные порывы поджигателей и вдохновителей пресловутой политики «с позиции силы». Оно побуждает не утерявших рассудок государственных и политических деятелей капиталистического мира к более трезвому подходу к важнейшим международным проблемам сегодняшнего дня и делает возможным длительное мирное сосуществование двух систем.

Раздумье о неизбежных последствиях планируемой авантюристами новой войны не может не затронуть

буржуазных ученых и теоретиков, обеспокоенных «атомным безумием» близоруких политиков. Ныне далеко не каждый, даже самый махровый апологет империализма может с ницшеанской легкостью и беззаботностью приступить к прославлению войны. Не случайно современные защитники Ницше создают заговор молчания вокруг этого наиболее уязвимого пункта его философского евангелия. И если об этом иногда заходит речь, то безудержная апология войны изображается не иначе, как... поэтическая гипербола, символизирующая внутреннюю игру страстей, обуревающих человека, интимную войну во имя самосовершенствования и возвышения личности — «глубокую, решительную борьбу в душе каждого индивида и в душе народов, внутреннюю, невидимую, неслышанную борьбу, которой Ницше дает экзистенциальный смысл»¹.

Ни один честный теоретик, которому дороги интересы человечества, судьба мировой культуры и цивилизации, не может отсиживаться в «философском уединении», спокойно ожидая катастрофы. Мы являемся свидетелями начинающегося поворота, когда многие видные буржуазные ученые поднимают свои голоса в защиту мира, выступают с осуждением оружия массового истребления. К их числу принадлежит, как известно, один из старейших буржуазных философов — Б. Рассел.

Протестуя против атомного и термоядерного оружия, Рассел не отказывается от своих теоретических воззрений, он выступает как человек доброй воли, руководствуясь гуманистическими побуждениями. Желание мира есть та точка, на которой сходятся интересы абсолютно большинства людей, независимо от их теоретических и религиозных взглядов. Поэтому-то позиция Рассела, его инициатива, послания и обращения к руководящим деятелям великих держав и представителям науки, к международным и национальным организациям сторонников мира встречают широкую поддержку и одобрение.

Среди буржуазных теоретиков происходит известная размежевка. Некоторая часть приверженцев капитализма, не порывая с буржуазной идеологией, вынуждена пересматривать свое отношение к современной войне, переходить на позиции защиты мира.

¹ См. К. Jaspers. Nietzsche, S. 398.

Эти знаменательные факты являются отражением коренных сдвигов, которые произошли и происходят на международной арене. Мудрая ленинская политика мирного сосуществования государств с различными общественными системами, которую последовательно и непоколебимо проводят правительство и Коммунистическая партия Советского Союза, политика, отвечающая надеждам и чаяниям всего прогрессивного человечества, неуклонный рост могущества стран социалистического лагеря, крепнущее с каждым годом всенародное движение сторонников мира — все эти факторы, определяющие ныне ход мировой истории, вселяют в сердца простых людей уверенность в торжестве мира во всем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ницшеанство является наиболее ярким свидетельством глубокого упадка современной буржуазной философии. Загнивание капитализма сопровождается прогрессирующим духовным кризисом буржуазного общества, разложением буржуазной культуры. Идеологи умирающего класса, призванные «теоретически» оправдать и освятить авантюристическую политику и бесчеловечную практику отживающего свой век капитализма, окончательно порывают с прогрессивными традициями философской и общественной мысли прежних эпох. Неуверенность буржуазии в завтрашнем дне, ее бессилие остановить исторически неизбежный процесс гибели капиталистического строя, ее растерянность перед нарастающим освободительным движением трудящихся порождают релятивизм и скептицизм в науке, декадентство и формализм в искусстве, подготавливают почву для принятия и широкого признания философии, которая на место научного анализа объективной действительности ставит миф, на место разума — инстинкт и интуицию, на место истины — систему «принципиальных фальсификаций», на место диалектики — софистику, на место культуры — варварство, на место социологии — биологическую мистику. Эти зловещие признаки регресса и вырождения, общие для всех реакционных философских течений эпохи империализма, впервые отчетливо, ясно и зримо обнаруживаются в ницшеанстве.

Самой характерной, определяющей чертой ницшеанства является кричащий, зоологический антигуманизм, возведенное в культ человеконенавистничество. Каждый афоризм, каждое положение Ницше и его последователей, в какие бы одежды они ни рядились, носят на себе печать высокомерного барского презрения, звериной ненависти к человеку, к народным массам, которые не желают больше нести ярмо империалистического гнета и

активно ведут борьбу за уничтожение буржуазных общественных отношений, грубо попирающих человеческую личность и ее достоинство.

Ницшеанство в его «чистом» виде, как оно дано в философских «откровениях» Ницше, свободно от стандартной социальной демагогии, рассчитанной на обман широких масс. Это философия *открытого паразитизма* империалистической буржуазии, публично освобождающая господствующий в буржуазном обществе класс от последних остатков стыда и совести, от правовых обязательств и политических принципов, благословляющая все его чудовищные преступления против человечества и человечности, обожевляющая его необузданную жажду к власти, порабощению и эксплуатации, поэтизирующая его террористическую диктатуру, насилие над массой трудящихся. Разумеется, представители официальных и полуофициальных течений буржуазной философии не могут позволить себе подобную циничную откровенность в защите империалистического рабства. Апологию империализма они маскируют фальшивыми, ханжескими причитаниями о так называемой западной свободе, о «вечных общечеловеческих» ценностях и идеалах «западного мира» и т. п., но за всем этим скрывается то же, что и у Ницше, человеконенавистничество, тот же злобный антигуманизм, та же лютая ненависть ко всему передовому, здоровому, восходящему, гуманистическому. Ибо в обществе, в котором личное достоинство человека превращено в меновую стоимость, где капитал обладает самостоятельностью, а трудящийся индивидуум лишен самостоятельности, обезличен, — в обществе, на службе у которого состоят буржуазные теоретики, отношения между людьми утрачивают свой человеческий характер. Капитализм давно уже выродился в варварство, современная буржуазия выбросила за борт гуманистические принципы своих первых идеологов, так как эти принципы непримиримы с бесчеловечным господством капитала, который не стесняется приносить в жертву достоинство отдельного человека и свободу целых народов, честь нации и сокровища мировой культуры, права гражданина и миллионы человеческих жизней только для того, чтобы сохранить этот бесчеловечный мир, основанный на грабеже, произволе и надругательстве над человеческой личностью.

Ницшеанство являет собой наглядный *пример партийности в философии*. Декларации самого Ницше и уверения его защитников и последователей во мнимой беспартийности, аполитичности и надклассовом характере его философской системы есть лишь маска псевдообъективности. Не только общий дух, но и каждая строчка ницшевской «философии жизни» пропитана той воинствующей реакционной партийностью, которая не знает пощады к своим идейным противникам. Ницше не прячет ни своих классовых симпатий к будущим «господам земли» — к нарождающейся империалистической буржуазии (хотя он и не называет ее собственным именем), ни своей ненависти к пролетариату, к трудящимся, восстающим против ее господства. Всю свою философию от первой до последней буквы, начиная с гносеологии и кончая эстетикой, он подчиняет классовым задачам — задачам борьбы против научного, диалектико-материалистического мировоззрения, против исторического материализма и социализма. Главная цель его социального мифотворчества состоит в том, чтобы, фальсифицируя действительную историю, отвести как нечто несуществующее объективные законы общественного движения и, подменив их вымышленными космическими закономерностями, извратить реальный мир в угоду интересам паразитической буржуазии. Ницшеанство лишний раз подтверждает незыблемость вывода марксизма-ленинизма о том, что новейшая буржуазная философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад¹, что реакционные буржуазные философы на деле есть не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, «дипломированные лакеи поповщины»².

Ницшеанство — *философия духовного растреления*. Действуя под покровом «философии жизни», под маской псевдообъективности и лжереволюционности, поэтически напыщенное и наряженное, ницшеанство с его апелляцией к интуиции и инстинкту разжигает в надломленном, испорченном капитализмом человеке все низменное, злое, дикое и варварское, отупляет и развращает его душу, заставляя совесть молчать. Особенно сильное и губительное воздействие оказывает ницшеанство на проме-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 204.

жуточные слои буржуазного общества, на мелкую буржуазию. Сбитая с толку лязгом капиталистической цивилизации, разочарованная своим неустойчивым положением, мелкая буржуазия ищет в ниществе выход из тупика.

Философия крайнего эгоцентрического субъективизма, ставящая на место фактов истории, экономики, политики и общественных отношений мистическую символику и слепой произвол, — нищество открывает колеблющемуся между отчаянием и бездеятельностью мелкому буржуа кажущийся выход в бегстве за черту добра и зла, в бессмысленном сверхнапряжении воли ради достижения призрачной «высшей свободы духа», возвышающей «незаурядную индивидуальность» мещанина над «человеческой массой», приобщающей его к «избранным», которым все позволено и все разрешено. Эти особенности нищества широко использовал германский фашизм, сумевший подчинить растлевающему влиянию этой философии немецкое бюргерство и его интеллигенцию, а через них — значительную часть здоровых сил нации, привить этой массе немцев ненависть к другим народам и придать их мысли и действия страшному механизму разрушительной войны. Эти же особенности нищества приковывают к нему внимание нынешних реакционных буржуазных идеологов.

Нищество — реальный и опасный идейный противник, с которым марксисты должны вести неослабевающую борьбу. Разоблачая его полную научную несостоятельность, его псевдорадикальные жесты и эмоциональную напыщенность, которыми маскируется безудержная апология паразитизма империалистической буржуазии, необходимо противопоставить новому натиску нищанцев широкую пропаганду великих всепобеждающих идей марксизма-ленинизма, органически сочетающего объективный научный анализ реальной действительности и закономерностей ее развития с тем высоким, подлинным гуманизмом, носителем которого является самый передовой, самый революционный общественный класс — современный пролетариат.

Марксизм-ленинизм есть живое учение живых масс, научное выражение жизненных потребностей рабочего класса, интересы которого сливаются с интересами всех трудящихся. Возникнув в неразрывной связи с борьбой

народных масс, марксизм-ленинизм впитал в себя прогрессивные традиции предшествующей общественной мысли; он является единственно правомерным преемником и продолжателем всего лучшего, что создано человечеством в области науки и культуры, их высшим достижением. Учение марксизма-ленинизма непобедимо, потому что оно верно. Соединяя строгую научную объективность с последовательной революционностью, марксизм-ленинизм дает трудящимся цельное мировоззрение, непримиримое с суеверием, реакцией, защитой социального и духовного гнета. Гуманистический в своей основе, проникнутый горячей любовью к трудящемуся человеку — созидателю, творцу материальных и культурных ценностей — и благородной, испепеляющей ненавистью к тому, что угнетает человека, сковывает его неиссякаемую социальную энергию и духовные силы, марксизм-ленинизм впервые указал человечеству пути и средства к ликвидации общественных отношений, порабощающих трудящихся, к строительству новой свободной жизни — социализма и дал тем самым ясные и исчерпывающие ответы на вопросы, над разрешением которых многие столетия билась передовая общественная мысль. В этом состоит секрет неодолимой притягательной силы марксизма-ленинизма, его гигантского, все возрастающего влияния на судьбы всего мира; в этом лежит причина панического страха, испытываемого перед ним буржуазией и ее теоретическими прислужниками. Основным оружием «опровержения» этого всепобеждающего учения для теоретиков империализма является ложь, клевета и фальсификация. Но с каждым новым «опровержением» марксизм-ленинизм становится все сильнее и неодолимее, завоевывает новых приверженцев и борцов, ибо на его стороне сама жизнь, наука и общественная практика.

Идеи марксизма-ленинизма нашли блестящее практическое осуществление в опыте народов Советского Союза и трудящихся других стран, разбивших оковы капитализма. Социализм, полностью и окончательно победивший в СССР и успешно строящийся в странах народной демократии, социализм, о котором мечтают и за который борются все угнетенные капитализмом люди труда, служит неопровержимым доказательством научной досто-

верности и необоримой жизненной силы марксизма-ленинизма. Идеи марксизма-ленинизма, идеи научного социализма одерживают новые и новые успехи. Под их знаменем спланивается, борется и побеждает все прогрессивное человечество.

Теоретические защитники умирающего капитализма, начиная с Ницше и кончая самыми «новейшими» течениями и течениями современной буржуазной философии, пытаются отвлечь трудящиеся массы от научного социализма, приостановить процесс гниения и распада капиталистического строя. На службу этим целям мобилируются все идейные средства, имеющиеся в их распоряжении: обветшалый идеализм, мифотворчество, биологическая мистика, фидеизм, расизм, космополитизм и т. д., клевета и злобные инсинуации на марксизм, сознательная фальсификация и искажение объективной истории и т. д. Но история делает свое дело, жизнь берет свое. Будущее принадлежит коммунизму.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
Апология нищезанства в буржуазной литературе	7
Ницше и его время	37
Что скрывается за «опытом переоценки всех ценностей»?	62
Поход против идеи общественного прогресса. «Вечное воз- вращение» и amor fati (любовь к судьбе)	94
Воля к власти как основной принцип фальсификации общественных отношений	116
Миф о сверхчеловеке и его реакционная сущность	148
«Учение» об иерархии и антидемократизм	184
Расизм и космополитизм	211
Культ войны	234
Заключение	256

СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ ОДУЕВ

*Реакционная
сущность
нищиеанства*

Редактор доцент **М. Н. Маслина**
Технический редактор **К. М. Наумов.**
Корректоры **Ф. Э. Менькова, Л. М. Беляева**

А05617. Подп. к печ. 18/VII 1959 г. Заказ 150. Тираж 4.400.
Бумага 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4,2. Печ. л. 16,5 (13,57). Уч.-изд. л. 13,9.
Цена 9 р. 50 к.

Типография Издательства ВПШ и АОН при ЦК КПСС.
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Цена 9 р. 50 к.

С.Ф. Огуев